

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Уфимский университет
науки и технологий»

**Правовое государство:
теория и практика.**
Научно-практический
журнал.
Издается с 2005 года.
Выходит 4 раза в год. (12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:
450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке elibrary.ru.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.

**Редактор англоязычных
текстов:** Юсупова З.А.

**Подписной индекс
в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы»
(Урал-Пресс): 81192**

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**ГИЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович**

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель

**РАЯНОВ
Фанис Мансурович**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

Члены редакционного совета

**АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович**

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);

**АЗЗУЗ
Кердун**

доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

**АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич**

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

**БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович**

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

**ДИКАРЕВ
Илья Степанович**

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

**ДОВГАНЬ
Елена Федоровна**

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь)

**ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович**

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич**

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

**МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**МАКАРОВА
Тамара Ивановна**

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

**МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич**

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

**ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна**

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

**РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович**

доктор юридических наук, доцент (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

**СЕМИТКО
Алексей Павлович**

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

**ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна**

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан);

**ШАБУРОВ
Анатолий Степанович**

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

**ЮДИН
Андрей Владимирович**

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

Редакционная коллегия

**АГАПОВ
Павел Валерьевич**

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

**АЗНАГУЛОВА
Гузель Мухаметовна**

доктор юридических наук, доцент (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

**ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович**

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ГИЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович**

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ДБЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна**

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

**КАСИМОВ
Тимур Салаватович**

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна**

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахидович**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ТАРАСОВ
Александр Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ФРОЛОВА
Елизавета Александровна**

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

**ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ЭКСаРХОПУЛО
Алексей Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal. Since 2005. The Journal is published 4 times a year. (12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

319 off., 131 Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media Registration number: PI No ФC77-73609 dated August 31, 2018.

Translation Reviewer:

Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff.

The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff. Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Irek A. GIZATULLIN

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor

Fanis M. RAYANOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

Editorial councilmembers

Aslan Kh. ABASHIDZE

Doctor of Law, Professor
(RUDN University, Moscow);

Azzouz KERDOUN

Doctor of Law, Professor
(Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. ARZAMASKIN

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. BOGOLJUBOV

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Ilya S. DIKAREV

Doctor of Law, Associate Professor
(Volgograd State University, Volgograd);

Elena F. DOVGAN

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Ruslan I. ZAINULLIN

Doctor of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Dmitry A. LIPINSKIY

Doctor of Law, Professor
(Togliatti State University, Togliatti);

Ilon A. MAKARENKO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Tamara I. MAKAROVA

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergey Y. MOROZOV

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Tatyana A. POLYAKOVA

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. ROSSINSKY

Doctor of Law, Associate Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. SEMITKO

Doctor of Law, Professor
(Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. TLEPINA

Doctor of Law, Professor
(L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan);

Anatoly S. SHABUROV

Doctor of Law, Professor
(Ural State Law University, Yekaterinburg);

Andrey V. YUDIN

Doctor of Law, Professor
(Samara National Research University, Samara)

Editorial board

Pavel V. AGAPOV

Doctor of Law, Professor
(University of Prosecutor's Office, Moscow);

Guzel M. AZNAGULOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Farit Kh. GALIEV

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Ravil Kh. GIZATULLIN

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Oksana G. DYAKONOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

Timur S. KASIMOV

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Nataliya S. LATYPOVA

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Rishat V. NIGMATULLIN

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexander A. TARASOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elena M. TUZHILOVA-ORDANSKAYA

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elizaveta A. FROLOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Lomonosov Moscow State University, Moscow);

Aslyam N. KHALIKOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexey A. EXARKHOPULO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

RU

5 Обращение редакции журнала

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 6 **Горбунов М.Д.**
Ключевые аспекты дискуссии о роли государства в правовой системе в либеральном правовом дискурсе
- 12 **Латыпова Н.С., Тулупова Е.О.**
Право и религия в истории раннего американского государства
- 20 **Маликова Н.В., Ямалетдинова Н.В.**
Юридическая природа института правовой экспертизы нормативных правовых актов и их проектов
- 27 **Петров А.В., Юнусов А.М.**
Энергия как фактор государственно-правовой реальности (формирование взглядов на феномен энергии в Античности и в Средние века)
- 41 **Пучков О.А.**
Некоторые вопросы научной картины мира и новые задачи права
- 50 **Тимонин М.А.**
От Роанока К Джеймстауну: опыт исследования ранней английской колонизации Америки

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 62 **Абасов И.Р., Галимханов А.Б., Юсупов Р.Г.**
О контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти Российской Федерации в сфере образования в условиях развития цифровых технологий
- 71 **Машкова Т.Ю.**
Проблемы обращения с отходами при освоении «дальневосточного» и «арктического» гектара
- 78 **Химченко А.И.**
Актуальные информационно-правовые вопросы формирования цифровой среды доверия

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- 87 **Макарова О.А.**
Российское законодательство о публичных акционерных обществах: прошлое и настоящее

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

EN

5 The appeal of the editorial staff of the journal

THEORETICAL AND HISTORICAL
LEGAL SCIENCES

- 6 **Gorbunov M.D.**
Key aspects of the debate on the role of the state in the legal system in the liberal legal discourse
- 12 **Latypova N.S., Tulupova E.O.**
Law and religion in the history of the early American state
- 20 **Malikova N.V., Yamaletdinova N.V.**
The juridical nature of the institute of legal expertise of normative legal acts and their drafts
- 27 **Petrov A.V., Yunusov A.M.**
Energy as a factor of state law reality (formation of views on the phenomenon of energy in Antiquity and the Middle Ages)
- 41 **Puchkov O.A.**
Some issues of the scientific worldview and the new challenges for the law
- 50 **Timonin M.A.**
From Roanoke to Jamestown: A research of the early English colonization of America

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 62 **Abasov I.R., Galimkhanov A.B., Yusupov R.G.**
On the monitoring and supervision of the state authorities of the Russian Federation in the field of education in the context of the digital technologies development
- 71 **Mashkova T.Yu.**
Waste management problems in the «Far Eastern» and «Arctic» hectare development
- 78 **Khimchenko A.I.**
Topical information and legal issues of forming a digital trust environment

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

- 87 **Makarova O.A.**
Russian legislation on public joint stock companies: Past and present

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 96 **Галяутдинов Р.Р.**
Тактические особенности допросов на досудебной стадии производства по делам о должностных насильственных преступлениях (на примере иностранных граждан ближнего зарубежья)
- 102 **Гизатуллин И.А.**
Вопрос о системе универсальных критериев качества правосудия в мировой юридической литературе и практике
- 113 **Головачук О.С., Раменская В.С.**
Пути совершенствования института доказательственного права в уголовном процессе России в свете цифровизации
- 120 **Ибрагимова А.М.**
Генезис системы обжалования в уголовно-процессуальном праве России
- 129 **Козырева И.Е.**
Современные проблемы правового статуса свидетеля в уголовном процессе
- 136 **Кострова М.Б.**
Законотворческие ошибки в конструировании российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и возможности использования зарубежного опыта для их исправления. Часть вторая
- 151 **Радченко Т.В., Шевелева К.В.**
Актуальные вопросы разграничения посягательств на объекты культурного наследия и объекты, увековечивающие память лиц, погибших при защите Отечества

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

- 158 О XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации»

CRIMINAL LAW SCIENCES

- 96 **Galyautdinov R.R.**
Tactical features of interrogation in pre-trial proceedings in cases of official violent crimes (on the example of foreign citizens of the near abroad)
- 102 **Gizatullin I.A.**
The issue of a system of universal criteria for the quality of justice in international legal literature and practice
- 113 **Golovachuk O.S., Ramenskaya V.S.**
Ways to improve the institute of evidentiary law in Russian criminal procedure in the light of digitalization
- 120 **Ibragimova A.M.**
The genesis of the appeal system in Russian criminal procedure law
- 129 **Kozyreva I.E.**
Current problems of the legal status of a witness in criminal proceedings
- 136 **Kostrova M.B.**
Legislative errors in the construction of the Russian criminal law norm on liability for violations of the rules of road traffic and operation of vehicles, and the possibility of using foreign experience to correct them. Part two
- 151 **Radchenko T.V., Sheveleva K.V.**
Topical issues of delimitation of encroachments on objects of cultural heritage and objects perpetuating the memory of persons who died in the defense of the Fatherland

CONFERENCE REVIEWS

- 158 On the XII All-Russian scientific and practical conference with international participation «Theory and practice of fundamental and applied research in the sphere of forensic activities and DNA registration of the population of the Russian Federation»

Среди всех юбилейных дат, отмечавшихся в 2023 году, для журнала «Правовое государство: теория и практика» особое значение имеет одна: 12 декабря свой 85-летний юбилей отметил основатель нашего журнала доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Башкирской АССР, почетный работник высшей профессиональной школы Российской Федерации, основатель Научно-исследовательского института проблем правового государства, организатор и вдохновитель Уфимской школы проблем правового государства Фанис Мансурович Раянов.

Фанис Мансурович – автор многочисленных трудов, посвященных теории и практике формирования и функционирования правового государства, он известен не только в Российской Федерации, но и далеко за ее пределами. Ключевой темой его современных научных работ стали злободневные проблемы правового обществоведения и вопросы воздействия законов природы человека на общественные отношения.

Огромный вклад Фаниса Мансуровича в российскую юридическую науку проявился и в большом количестве учеников, защитивших под его руководством кандидатские и докторские диссертации в рамках развиваемых им научных школ аграрного, земельного и экологического права, теории государства и права. Профессор Раянов – настоящий ученый, обладающий невероятным запасом методов научного познания, знаний, эрудиции, новых творческих идей и перспективных проектов.

Мы присоединяемся ко всем поздравлениям, направленным в адрес юбиляра, и желаем Фанису Мансуровичу крепкого здоровья и долгих лет полноценной творческой жизни в кругу родных и близких, коллег, учеников и всех единомышленников, разделяющих и поддерживающих его взгляды на проблемы дальнейшего развития российского общества и государства.

*Кафедра теории государства и права Института права
Уфимского университета науки и технологий,*

редакция журнала «Правовое государство: теория и практика».

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.1

Original article

ГОРБУНОВ Максим Дмитриевич
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: maxandgor@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0001-5266-8852>

GORBUNOV Maxim Dmitrievich
Lobachevsky State University,
Nizhny Novgorod, Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУССИИ О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ В ЛИБЕРАЛЬНОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

KEY ASPECTS OF THE DEBATE ON THE ROLE OF THE STATE IN THE LEGAL SYSTEM
IN THE LIBERAL LEGAL DISCOURSE

Аннотация. В зарубежном философско-правовом дискурсе значимое место занимает вопрос о роли государства в нормативной системе общества и его связи с правом. Автор указывает, что существенная часть дискуссии об этом сосредоточилась вокруг антагонистических позиций правоведов-позитивистов и юснатуралистов. Эволюция взглядов на государство в правовой системе обусловлена общим методологическим подъемом философии права в XX в. в совокупности с изменением практики государственного строительства на основе демократизма, делегирования властных полномочий и ограничения суверенитета. Сегодня в либеральном правовом дискурсе сложилась позиция, связанная с пониманием государства не как субъекта властных отношений, а как функционального института в широкой конвенциональной нормативной системе общества. Цель: показать основные этапы развития дискуссии о роли государства в правовой системе в западной либеральной правовой теории и сформулировать центральные положения ее современного этапа. Методы: общенаучные (диалектический и исторический, общелогические приемы, системный и сравнительный) и специально-юридические (сравнительно-правовой и интерпретационный). Результаты: исследование позволило определить специфические особенности либерального дискурса о государстве, его связи с правом, отличающегося характерным уклоном в сторону понимания институциональной природы государства как утилитарной составляющей нормативной системы.

Abstract. In foreign philosophical and legal discourse, a significant place is occupied by the issue of the role of the state in the normative system of society and its connection with law. The author points out that much of this debate has centered around the antagonistic positions of positivist and jusnaturalist legal scholars. The evolution of views on the state in the legal system is due to the general methodological rise of the philosophy of law in the 20th century, coupled with a change in the practice of state building based on democracy, delegation of power and limitation of sovereignty. Today, the liberal legal discourse has developed a position related to the understanding of the state not as a subject of power relations, but as a functional institution in a broad conventional normative system of society. Purpose: to show the main stages in the development of the debate on the role of the state in the legal system in Western liberal legal theory and to formulate the central provisions of its modern stage. Methods: general scientific (dialectical and historical methods, general logical methods, systemic and comparative methods) and special legal (comparative legal method and interpretive method). Results: the study makes it possible to determine specific features of the liberal discourse on the state and its connection with the law, distinguished by a characteristic bias towards understanding the institutional nature of the state as a utilitarian component of the normative system.

Ключевые слова: государство, право, правовой позитивизм, юснатурализм, общество, власть, нормативное регулирование, аналитическая юриспруденция

Для цитирования: Горбунов М.Д. Ключевые аспекты дискуссии о роли государства в правовой системе в либеральном правовом дискурсе / М.Д. Горбунов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 6–11

Keywords: state, law, legal positivism, jusnaturalism, society, power, normative regulation, analytical jurisprudence

For citation: Gorbunov M.D. Key aspects of the debate on the role of the state in the legal system in the liberal legal discourse. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 6–11 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.1.

ВВЕДЕНИЕ

Отечественная доктрина с определенной долей условности традиционно в духе классического позитивизма рассматривает государство как монополиста, контролирующего право. Подобный подход устанавливает приоритет государства над правом, его суверенной воли как источника правовых установлений и оказывает значительное влияние на догму права и на правовую действительность. Вместе с тем в альтернативной правовой доктрине вместо термина «государство» используется понятие «официальные лица», а в основании правовой системы рассматривается не государство, а любая политическая система, способная устанавливать нормативность своих правил в обществе. Рассмотрение генезиса подобных установок и поддерживающих их аргументов вызывает интерес как с позиции теоретической и практической компаративистики, так и с позиции обмена знаниями и методологического совершенствования отечественного права для роста его конкурентоспособности.

КЛАССИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Говоря об истории становления и трансформации понимания политико-правовой субъектности государства и его роли в правовой системе, необходимо отметить, что в мировой науке данная проблематика органически связана с либеральным правовым дискурсом. Примечательно, что предметно исследуемый вопрос вошел в поле центрального рассмотрения социальной философии в эпоху Просвещения в рамках противостояния довольно неоднородного юснатурализма с формирующимся и набирающим силу правовым позитивизмом.

Одним из первых юснатуралистских подходов можно считать довольно противоречивое и в целом консервативное учение Т. Гоббса. В «Левиафане» он указал целью своего философского проекта «показать человеческим глазам взаимные отношения между защитой и послушанием, из которых состояние человеческой природы и божественных законов (как естественных, так и позитивных) требует нерушимого наблюдения» [1, р. 483–492]. Это нерушимое наблюдение осуществляется посредством официальной государственной власти.

Довольно известным является утверждение Гоббса о том, что государство стало результатом общественного соглашения в стремлении людей преодолеть естественное состояние хаоса. То есть государство представляется философу продуктом общественной воли и, казалось бы, должно быть обществу подчинено, однако автор отождествляет государство со всемогущим сувереном, подчиняться которому взяли на себя обязанность индивиды [2, р. 207]. Хотя суверен и обязан служить подданным, но сам он не связан договором, а его воля, выраженная в законе, обязательна и требует подчинения. Представляется, что такая идея противоречива сама по себе, поскольку государство рассматривается как неограниченный суверен, противодействие которому со стороны индивидов возможно, если суверен не может обеспечить государственный порядок [3, р. 63].

Значительно дальше пошли идеологи Французской революции и борцы за независимость США. Мысль о неотчуждаемых и естественных правах получила признание не только в публицистике, но также в политических и конституционных документах [4]. Например, Т. Пейн утверждал: «общество создается нашими потребностями, а правительство – нашими пороками: первое способствует нашему

счастью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же – отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое поощряет рознь [4, с. 484]. Общество в любом состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае – зло нестерпимое... Ведь если бы веления совести были ясны, определены и беспрекословно исполнялись, то человек не нуждался бы ни в каком ином законодателе...» [4, с. 484].

Подобные взгляды были названы позитивистами, в частности одним из видных предшественников правового позитивизма – И. Бентамом, «анархическими заблуждениями». В своей одноименной работе правовед в рамках критики Декларации прав человека и гражданина и конституционных актов республиканской Франции указывал, что ни один человек никогда не был рожден свободным и свободным не оставался на протяжении жизни, не рождаются люди и равными в правах. Оговорка о том, что различия могут быть основаны на общей пользе, означает, что «первая часть статьи не имеет вообще никакого значения: равенства в правах не существует» [5, р. 53–54]. Естественное право, по Бентаму, – это «извращение языка», а закон природы – «смутный фантом», не имеющий конкретного содержания. Естественное право в критике Бентама «двусмысленно», «абстрактно», «сентиментально» и только дестабилизирует общество. В его представлении правовая система просто не может быть построена на основе идеи естественного права, поскольку неконкретна в определении норм общественного порядка и провозглашает свободу без каких-либо (юридических) обязанностей [5, р. 53–54]. Поэтому право тождественно государственному закону и исходит от него [6].

Именно позитивное право с помощью организованного государством принудительного порядка обладает той нормативной составляющей, способной направить человека посредством внешнего воздействия к наибольшему благу и пользе. Государство, в понимании философа, занимает ключевое место в системе нормативных отношений, поскольку право – это не что иное, как совокупность законов, исходящих от суверена, выражающих его волеизъявление и обеспеченное официальным принуждением [7, р. 234]. Действия суверена всегда легальны, поскольку закон – это то, что говорит суверен [8, р. 38].

Взгляды Бентама были усилены аргументами Остина (в рамках командной концепции), отождествившего законодателя (правотворца), суверена и государство. Остин указал, что «главным свойством права, обеспечивающим его действие, выступает наличие суверена, которому обычно подчиняются индивиды в конкретном обществе, но который сам не подчиняется никому» [9, р. 166]. Само формирование нормативной системы в представлении Остина происходит по простому алгоритму возникновения в сфере властных отношений высшего суверена, который принуждением добивается всеобщего подчинения. Только обеспеченность команд суверена принуждением может обеспечить их всеобщую нормативность и юридическую силу как норм права. Поэтому право всегда исходит от государства и является результатом его прямого волеизъявления как субъекта высшей суверенной политической власти в обществе. За этим следует важный вывод, принципиально обратный установкам юснатурализма: источником права является государство и находится во власти юридически безответственного суверена [10, р. 107].

КРИТИКА КЛАССИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ: ПРАКТИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Для юснатурализма сама постановка вопроса в командной теории стала дополнительным аргументом в пользу того, что такая простая система простого подчинения очевидно провоцирует произвол и лишает индивидов гарантий качества правового закона [11, р. 40–41]. Можно упомянуть ряд значимых ранних критиков теории Остина, в частности Дж.У. Сэлмонд, Т.Э. Холланд, У.А. Уотт и У.Дж. Браун [12].

Собственно позитивистские критические замечания больше касаются функциональной стороны вопроса. В частности, частью масштабной критики классического позитивизма касалось его описания взаимодействия государства и права стали аргументы Г. Харта.

Харт опроверг утверждение классического правового позитивизма об обязательном присутствии неограниченного суверена в правовой системе, аргументируя это тем, что такой подход не объясняет непрерывность и постоянство законодательной власти и ее самоограничивающий характер. Допущение командной теорией зависимости суверена от

правовых норм возможно только путем введения в правовую систему правил, определяющих правовой статус суверена [13, с. 119].

И действительно, к середине XX в. стало понятно, что реалии существования государственных и правовых систем не вписываются больше в такую простую модель. В числе факторов общего признания можно назвать следующие:

- распространение идеи всеобщих универсальных прав человека и их официальное закрепление в международных актах и конституционном законодательстве большинства государств как минимум на уровне декларации;

- формирование современных демократических государственных систем с открытым политическим пространством и институциональным самоограничением государственной власти и пределов официального принуждения;

- появление функционирующих наднациональных организаций, квазигосударственных образований, корпоративных объединений и военизированных группировок на базе собственного нормативного регулирования.

Данные вызовы определили необходимость для правовой науки искать новые ответы на старые вопросы понимания государства, его связи с правом и определения его места в нормативной системе. Следует отметить, что в первую очередь подвергся переосмыслению именно тезис о самостоятельной политической субъектности государства как источника объективных нормативных установлений.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ГОСУДАРСТВА

В естественном праве рефлексия по поводу роли государства в нормативной системе подверглась масштабной критике с позиций справедливости и морали и была затронута целым рядом ученых – Л. Фуллером, Р. Дворкиным, Р. Алекси. Названные правоведы отдают приоритет не позитивно установленному государственному праву, а необходимости установления механизма соответствия такого права объективной морали и связанности государства высшими идеалами блага и справедливости, сложившейся в обществе политической традиции [14; 15; 16]. В их представлении описание нормативной системы

через отгосударственное позитивное право неадекватно, поскольку оно не способно отразить образ наиболее эффективной правовой системы, стремящейся к справедливости. Право – ценностный институт; его ценность и, как итог, нормативность определяются не государством. Государство лишь должно обеспечивать гармоничную реализацию общечеловеческих ценностей и стремление к благу в нормативной системе. Так, Дворкин указал, что в основе правовой системы лежат не законы, а правовые принципы, выражающие универсальные ценностные начала права, направленные не на реализацию государственной воли, а на достижение общесоциальных целей [17, с. 44]. Государство здесь играет лишь функциональную роль по выстраиванию наиболее оптимального механизма реализации правовых принципов.

Фуллер отдельно подчеркнул роль в нормативной системе правовых обычаев, указав, что именно они направляют и согласовывают поведение людей в социальных отношениях. Установленное государством позитивное право выступает лишь факультативным средством обеспечения нормативного регулирования как средства общественного контроля в ситуациях противоправного поведения. Сфера публичных отношений должна быть регламентирована и оптимизирована в интересах общества, а государство в своей деятельности всегда ограничено моральными стандартами, соответствие которым и обеспечивает законность [16, с. 221–225].

В современном позитивизме осмысление проблемы политико-правовой субъектности государства в правовой системе выразилось в придании государству в большей степени функциональной роли идентификатора права и арбитра-эксперта.

Упомянутый нами Г. Харт более широко использовал понятие официальных лиц, нежели государства при объяснении механизма нормативного регулирования, выдвигая в качестве первичного элемента такого взаимоотношения именно право, которое конструирует государство на основе системы первичных и вторичных правил. Хотя правила и создаются официальными лицами, в основе системы отношений подчинения власти лежит недекларированное правило признания, подтверждающее фактический характер отношений управления в обществе [13, с. 119].

Такой стандарт формируется не государством, а является результатом отношений по поводу внутренней и внешней точек зрения на право и фактически (хотя автор это прямо не указывает) обусловлено складывающимися социально-политическими отношениями.

Значительная часть трудов Харта посвящена так называемым пограничным случаям правовой системы, к которым он относил международное право и право доминионов (зависимых государств), где феномен государства заменен другими официальными институтами. Отсутствие государства как суверена в данном случае, по мнению правоведа, не лишает указанные системы статуса правовых [13].

Более широко политическую подоплеку существования права и государства раскрывает Д. Раз. Автор указывает, что в основе организации власти в обществе лежит сложный нормативный механизм, в рамках которого люди подчиняются определенному нормативному порядку в том случае, когда он способен, обладая достаточным уровнем экспертности, предоставить эффективные основания для действий, которыми они могут воспользоваться [18, р. 359]. Государство в данном случае выступает как наиболее институционализированная властная система, обладающая свойствами легитимности за счет своей достаточной экспертности и эффективности в обеспечении нормативного регулирования [19, р. 29]. Для объяснения этого механизма Раз проводит различие между фактической и легитимной властью [19, р. 9]. Власть государства может иметь характер фактической, обеспечивая всеобщее подчинение (в том числе посредством принуждения), но она не обязательно будет обладать характером легитимности. Легитимна только та власть, ко-

торая имеет право на нормативное регулирование общественных отношений, поскольку ей в должной степени подчиняются индивиды ввиду ее способности служить обществу [20, р. 46–53]. Право, по мнению Раза, всегда требует легитимной власти, соответственно, существование именно права, а не государства обуславливает юридическую обязанность подчиняться. Основанием для подчинения праву является сам факт того, что право требует этого подчинения [20, р. 234].

Выводы

Если суммировать взгляды ведущих иностранных правоведов, то можно заключить, что в современном правовом позитивизме подход к пониманию государства как простого механизма организации власти и управления через суверена, издающего нормы права (команды), значительно усложнился, государство рассматривается в гораздо более широком контексте институциональной нормативной системы, обладающей внутренней и внешней легитимацией. При этом сохраняется именно утилитарная роль государства как институции по определению критериев действительности правовых норм, его статус как арбитра и эксперта по вопросам нормативного регулирования. Право должно быть справедливым – это требование к власти. И право может исходить от негосударственных источников. Государство в контексте вопроса о нормативной системе – это не субъект, а институция, с помощью которой субъект власти может реализовывать ее официально и формировать право. В итоге нормативность права обуславливается другими, более глубокими процессами политического характера.

Список источников

1. Hobbes T. *Leviathan* / T. Hobbes ; ed. R. Tuck. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 618 p.
2. Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. III. Hobbes and Civil Science* / Q. Skinner. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 404 p.
3. Hoekstra K. The de facto Turn in Hobbes's Political Philosophy / K. Hoekstra // *Leviathan After 350 Years* / eds. T. Sorell, L. Foisneau. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – P. 33–73.
4. История политических и правовых учений : учебник для вузов / В.С. Нерсисянц, В.Г. Графский, Н.М. Золотухина, Л.Р. Сюкияйнен ; под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2004. – 944 с.

REFERENCES

1. Hobbes T.; Tuck R. (ed.). *Leviathan*. Cambridge University Press Publ., 1996. 618 p.
2. Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. III. Hobbes and Civil Science*. Cambridge University Press Publ., 2002. 404 p.
3. Hoekstra K. The de facto Turn in Hobbes's Political Philosophy. In Sorell T., Foisneau L. (eds.). *Leviathan After 350 Years*. Oxford University Press Publ., 2004, pp. 33–73.
4. Nersesyan V.S., Grafsky V.G., Zolotukhina N.M., Sykiyainen L.R.; Nersesyan V.S. (ed.). *History of political and legal doctrines: textbook for universities*. 4th ed. Moscow, Norma Publ., 2004. 944 p.

5. Bentham J. Anarchical Fallacies / ed. J. Bowring // The Works of Jeremy Bentham, Vol. 2. – Edinburgh : Tait, 1843. – 602 p.
6. Bentham J. Principles of Legislation / J. Bentham. – Boston, 1830. – 310 p.
7. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation / J. Bentham ; eds. J.H. Burns, H.L.A. Hart. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 456 p.
8. Bentham J. Of the Limits of the Penal Branch of Jurisprudence / J. Bentham ; ed. P. Schofield. – Oxford : Clarendon Press, 2010. – 351 p.
9. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined / J. Austin ; ed. W. Rumble. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 293 p.
10. Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law / J. Austin ; ed. R. Campbell. – London : John Murray; reprint Bristol : Thoemmes Press, 2002. – 1132 p.
11. Postema G. Legal Positivism: Early Foundations / G. Postema ; ed. A. Marmor // The Routledge Companion to Philosophy of Law. – New York : Routledge, 2012. – 656 p.
12. Михайлов А.М. Эволюция англо-американского юридического позитивизма в конце XIX – начале XX вв.: понимание юриспруденции и права в учении Дж.У. Сэлмонда / А.М. Михайлов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2022. – Т. 26, № 1. – С. 75–94.
13. Харт Г. Понятие права / Г. Харт ; пер. с англ. Е.В. Афонасина, М. Бабака, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2007. – 304 с.
14. Дворкин Р. Империя права / Р. Дворкин ; пер. с англ. С. Моисеева ; науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2020. – 592 с.
15. Alexy R.A. Theory of Legal Argumentation / R.A. Alexy. – New York : Oxford University Press, 1989 – 323 p.
16. Фуллер Л.Л. Анатомия права / Л.Л. Фуллер // Российский ежегодник теории права. – 2009. – № 2. – С. 204–320.
17. Дворкин Р. О правах всерьез / Р. Дворкин. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 392 с.
18. Raz J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics / J. Raz. – New York : Oxford University Press, 2001. – 380 p.
19. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality / J. Raz. – New York : Oxford University Press, 2009. – 245 p.
20. Raz J. The Morality of Freedom / J. Raz. – New York : Oxford University Press, 1986. – 448 p.
5. Bentham J. Anarchical Fallacies. In Bowring J. (ed.). The Works of Jeremy Bentham. Edinburgh, Tait Publ., 1843. Vol. 2. 602 p.
6. Bentham J. Principles of Legislation. Boston, 1830. 310 p.
7. Bentham J.; Burns J.H., Hart H.L.A. (eds.). An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Oxford University Press Publ., 1996. 456 p.
8. Bentham J.; Schofield P. (ed.). Of the Limits of the Penal Branch of Jurisprudence. Oxford, Clarendon Press Publ., 2010. 351 p.
9. Austin J.; Rumble W. (ed.). The Province of Jurisprudence Determined. Cambridge University Press Publ., 1995. 293 p.
10. Austin J.; Campbell R. (ed.). Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law. London, John Murray; reprint Bristol, Thoemmes Press Publ., 2002. 1132 p.
11. Postema G. Legal Positivism: Early Foundations. In Marmor A. (ed.). The Routledge Companion to Philosophy of Law. New York, Routledge Publ., 2012. 656 p.
12. Mikhailov A.M. The evolution of Anglo-American legal positivism in the late 19th – early 20th centuries: understanding jurisprudence and law in the teachings of J. W. Salmond. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov = RUDN Journal of Law*, 2022, Vol. 26, no. 1, pp. 75–94. (In Russian).
13. Hart G. The Concept of Law. St Petersburg University Publ., 2007. 304 p.
14. Dvorkin R.; Koval S., Pavlova A. (eds.). Empire of Law. Gaidar Institute Publ., 2020. 592 p.
15. Alexy R.A. Theory of Legal Argumentation. Oxford University Press Publ., 1989. 323 p.
16. Fuller L.L. Anatomy of law. *Rossiiskij ezhegodnik teorii prava = Russian Yearbook of Legal Theory*, 2009, no. 2, pp. 204–320. (In Russian).
17. Dvorkin R. Taking rights seriously. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 392 p.
18. Raz J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics. Oxford University Press Publ., 2001. 380 p.
19. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford University Press Publ., 2009. 245 p.
20. Raz J. The Morality of Freedom. Oxford University Press Publ., 1986. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горбунов Максим Дмитриевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gorbunov Maxim Dmitrievich – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law.

Статья поступила в редакцию 19.10.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 21.11.2023. The article was submitted 19.10.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 21.11.2023.

Научная статья
УДК 342.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.2

Original article

ЛАТЫПОВА Наталия Сергеевна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: marchrose@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-4583-3765>

LATYPOVA Nataliya Sergeevna
University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

ТУЛУПОВА Елена Олеговна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: Lena118@yandex.ru

TULUPOVA Elena Olegovna
University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

ПРАВО И РЕЛИГИЯ В ИСТОРИИ РАННЕГО АМЕРИКАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

LAW AND RELIGION IN THE HISTORY OF THE EARLY AMERICAN STATE

Аннотация. Колониальный период развития американской государственности характеризовался объединением в формирующихся общинах и приходах религиозной и политической власти, а доминировавшие англиканская и протестантская церкви заложили в правовую систему молодого государства особенности многих институтов, продолжающих традиции первых переселенцев. Цель исследования – определение эволюционного пути и особенностей правового регулирования свободы вероисповедания в американских штатах с момента основания первых поселений до принятия Первой поправки к Конституции США. В качестве методов исследования были использованы исторический метод познания, сравнительно-правовой, формально-юридический, абстрагирования и анализа. Выводы: особенности общественного устройства и культурных традиций первых поселенцев, прибывших из Западной Европы, выражавшиеся в религиозном характере власти и доминировании христианской церкви в вопросах правового регулирования брачно-семейных отношений, права собственности, правосудия, взимания налогов, стали детерминантами отражения в правовой системе США принципов и традиций протестантской и англиканской церкви. При этом религиозная сегрегация, получившая распространение в XVI в. и поставившая вопрос о юридическом закреплении свободы вероисповедания в штатах, была преодолена лишь в конце XVIII в. благодаря деятельности общественных движений и политических деятелей. Примечательно, что положение Первой поправки к Конституции об отделении церкви от государства до сих пор становится предметом судебных споров, отражая сохранившийся религиозный мотив фундамента американского государства.

Abstract. The colonial period of American statehood was characterized by the unification of religious and political power in the emerging communities and parishes, and the dominant Anglican and Protestant churches laid down in the legal system of the young state the features of many institutions that continued the traditions of the first settlers. The purpose of the study is to determine the evolutionary path and specific features of the legal regulation of religious freedom in the American states from the founding of the first settlements to the adoption of the First Amendment to the U.S. Constitution. Such methods of research are used as historical method of cognition, comparative-legal, formal-legal, abstraction and analysis. Conclusions: specific features of the social structure and cultural traditions of the first settlers from Western Europe, expressed in the religious nature of power and the dominance of the Christian Church in the legal regulation of marriage and family relations, property rights, justice, taxation, became determinants of the reflection of the Protestant and Anglican principles and traditions in the U.S. legal system. At the same time, the religious segregation, which became widespread in the sixteenth century and raised the issue of legal enshrinement of religious freedom in the states, was overcome only at the end of the eighteenth century thanks to the activities of social movements and politicians. It is noteworthy that the provision of the First Amendment to the Constitution on the separation of Church and State is still the subject of litigation, reflecting the retained religious motive of the American state foundation.

Ключевые слова: религиозные права в США, свобода вероисповедания в США, Первая поправка к Конституции США, Томас Джефферсон, религия и государство

Keywords: religious rights in the U.S., religious freedom in the U.S., First Amendment to the U.S. Constitution, Thomas Jefferson, religion and state

Для цитирования: Латыпова Н.С. Право и религия в истории раннего американского государства / Н.С. Латыпова, Е.О. Тулупова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.2 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 12–19

For citation: Latypova N.S., Tulupova E.O. Law and religion in the history of the early American state. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2023, no. 4, pp. 12–19 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.2.

ВВЕДЕНИЕ

Первые колонии, возникшие на Северо-Американском континенте в 1607 и 1620 г. – Вирджиния и Массачусетс, стали примерами государственного строительства нового типа – переселенческой колонии, образованной представителями Западной Европы на неосвоенных американских землях в отсутствие публичной власти и гражданского правительства. Установленные Мейфлауэрским соглашением, подписанным первыми переселенцами, принципы равноправия, создания справедливых законов и общего правительства стали основой построения правовой и политической систем новых поселений и предполагали реализацию идеи естественных прав, равенства всех жителей Нового Света. Однако сам текст соглашения свидетельствовал об установлении государственной религии: «Мы, чьи имена написаны ниже ... предприняв во Славу Божью и продвижение христианской веры ... путешествие с целью основания первой колонии...»¹.

Несмотря на декларируемое стремление к равноправию и устранению любых формальных сегрегационных признаков, первые же колониальные законы фактически установили официальную протестантскую христианскую религию и легализовали дискриминацию инакомыслящих переселенцев. Так начался путь будущего демократического государства, юридически устанавливавшего для всех равные права и свободы, реализовать которые, даже после принятия Билля о правах, фактически могли лишь избранные. Как отмечал Б. Битткер, «христианство считалось настоль-

ко универсальным, что религиозные свободы, гарантированные конституциями штатов и законодательными актами, в основном касались протестантов христианских конфессий и полностью игнорировали свободы евреев, мусульман, католиков и атеистов» [1, с. 3].

Достижению реальной религиозной свободы всех американских поселенцев предшествовал длительный путь борьбы в каждой из колоний. Обособленность колоний, их различный этнический, религиозный состав, правовой статус и принадлежность обусловили различия в достижении цели религиозной свободы, отражающиеся на правовой системе штатов по сей день. Несмотря на принятие в 1791 г. Первой поправки к Конституции, устанавливающей свободу вероисповедания, государственная церковь в штате Массачусетс была упразднена только в 1833 г., в 1844 г. решением Верховного суда установлено, что «христианская религия является частью общего права Пенсильвании»². В штате Коннектикут до середины XIX в. велись дебаты относительно предложения принимать свидетельские показания и присягу только у христиан [2, р. 810], а в 1961 г. штат Мэриленд выдвигал в Верховном суде требования о признании законным положения конституции штата, согласно которому кандидаты на должность государственного нотариуса в присяге должны заявлять о своей вере в бога³.

Следует констатировать, что особое отношение к религии в разных колониях составило основу правовой традиции штатов уже после образования независимого государства

¹ The Mayflower Compact on November 21, 1620 [Электронный ресурс]. URL: https://www.pilgrimhall.org/ap_mayflower_compact.htm (дата обращения: 20.09.2023).

² *Vidal v. Girard's Executors*, 43 U.S. 127 (1844) [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/43/127/> (дата обращения: 20.09.2023).

³ *Torcaso v. Watkins*, 367 U.S. 488 (1961) [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/488/> (дата обращения: 20.09.2023).

и, несмотря на принятие Билля о правах, продолжало оказывать влияние на правовое регулирование широкого круга общественных отношений в последующие столетия. Как отмечено в решении Верховного суда «Эверин против Совета по образованию» 1947 г., «некоторые штаты на протяжении примерно полувека продолжали налагать ограничения на свободное отправление религиозных обрядов и дискриминировать определенные религиозные группы»⁴.

Расхождение между федеральной Конституцией и конституциями штатов в части правового регулирования религиозных вопросов было обусловлено также тем, что штаты зачастую продолжали применять колониальное законодательство. К примеру, в штате Коннектикут до принятия собственной Конституции в 1818 г. считалась действующей Королевская хартия XVII в.

Таким образом, история правового регулирования религиозной свободы в колониальный период является актуальной темой исследования, способствует более глубокому пониманию религиозных основ американского права и позволяет дать реальную оценку соблюдению религиозных прав в декларируемом демократическом с момента своего основания государстве.

ПРАВО И РЕЛИГИЯ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Первые попытки ограничения гражданских прав и сегрегации наметились в США еще в середине XVII в. на волне установления в ряде штатов доминирующего положения англиканской, епископальной или протестантской церкви. Доминирующее положение подразумевало получение определенных привилегий представителями церкви, таких как сбор налогов для поддержки духовенства, исключительное право совершать обряд крещения или заключения брака, наложение штрафов и применение других юридических санкций за непосещение прихода.

В 1662 г. в Вирджинии англиканская церковь получила статус государственной – в Законе штата 1661 г. устанавливалось визи-

рование части налоговых поступлений «для строительства и ремонта церквей, обеспечения бедных, содержания священника и других необходимых целей». При этом доступ к приходам, а соответственно и к управлению колонией, не получали те, кто «не принесет клятвы верности и превосходства его величеству и не подпишется под доктриной и дисциплиной англиканской церкви» [3, р. 2]. Как отмечает А.П. Мидлтон, «мы привыкли думать о приходе как о не более чем всех членах определенной церкви», однако в колониальный период они являлись «единицей местного самоуправления как для церкви, так и для государства, а священнослужители обладали полномочиями, сродни смеси церковных и гражданских функций» [4, р. 150].

Присутствие иных религиозных течений в колонии было запрещено Законом 1662 г., предусматривающим возможность проповедования только теми священниками, которые «представят губернатору свидетельство о том, что получили благословение епископа в Англии, и затем подпишутся, что следуют приказам и установлениям англиканской церкви» [3, р. 2]. Позднее общественные движения, как правило, состоящие лишь из нескольких либеральных активистов и пасторов, смогли добиться ликвидации дискриминации по признаку религиозной принадлежности и уравнивания представителей всех религий в гражданских правах.

В штате Массачусетс, основанном пуританами, местные власти были еще более враждебны к инакомыслию, нежели в самой Англии. Примером служит повешение четырех квакеров в 1658 г. за их религиозные убеждения.

В штате Коннектикут в 1743 г. был принят закон, призывающий к нетерпимости к римским католикам, которые вели проповеди в штате, к их аресту как иностранцев, сеющих и распространяющих ложные и опасные религиозные доктрины. Тем не менее позднее правительство штата поддержало идею светского правления и в своей Конституции 1776 г. установило, что «свободное осуществление таких свобод и привилегий, как человечность, цивилизованность и право исповедовать христианство ... всегда было и будет залогом спокойствия и стабильности церкви

⁴ *Everson v. Bd. of Educ.*, 330 U.S. 1, 8 (1947) [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/330/1/> (дата обращения: 20.09.2023).

и штата, а их отрицание – нарушением, приводящим к гибели обоих»⁵.

Штат Нью-Хейвен стал редким примером попытки установления теократического режима в Новом Свете путем закрепления религиозного правительства, действующего в соответствии с божественным законом. Основанный пуританским священником и богатым торговцем штат принял в 1639 г. первую Конституцию, или «Фундаментальное соглашение», в котором отражался теократический характер создаваемого политического образования. Все жители штата соглашались «подчиняться правилам, изложенным в Священном Писании», должностными лицами могли стать только представители «сословия церковного братства, и право выбирать магистратов и должностных лиц из своей среды, и право создавать и отменять законы, согласно слову божьему» принадлежало только церковным служителям, которые разрешали дела по разделу наследства, и разрешению разногласий, то есть осуществляли и судебную функцию. Таким образом, вся политическая власть передавалась представителям церкви, среди которых выбирались управляющие штатом, при этом выборщики также должны были быть верующими христианами: «магистратами должны быть люди, боящиеся Бога ... те, кто их выбирает, должны быть людьми, боящимися Бога»⁶.

Англиканская церковь была учреждена в колониях главным образом королевскими хартиями. Поскольку большинство колоний, за исключением частновладельческих, представляли собой политические образования, находящиеся под юрисдикцией британской короны, вместе с землями и политическими правами они получали установления относительно религиозных учреждений и их правового статуса. Вплоть до принятия Первой поправки к Конституции США законодательно в качестве государственной религии христианство было закреплено в 6 штатах: Массачусет-

се, Коннектикуте, Нью-Гэмпшире, Мэриленде, Джорджии и Южной Каролине. При этом налоги на содержание христианских приходов взимались во всех тринадцати колониях. Обусловлено это было платой за поддержание одного из общественных институтов, таких же, как суд, школы, больницы, несмотря на религиозную принадлежность платящего налога: «Ему не обязательно верить так, как верит большинство... Общество имеет право судить о том, что будет способствовать благу общества, и обеспечивать это за счет всего общества»⁷.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ НА ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Большую роль в смене традиционных представлений общества и власти в вопросе отделения церкви от государства и религиозной терпимости сыграло движение «Великого пробуждения», представлявшее собой деятельность группы пасторов, по разным оценкам, в 1720–1770-х годах. Дж. Эдвардс и другие представители движения укрепляли в умах прихожан идеи индивидуализма, прямой связи человека с Богом в обход церкви и уверяли, что спасение зависит от индивидуальных и личных отношений, а не от богослужений. По мнению Р. Римини, важнейшим последствием Великого пробуждения стал антиавторитаризм, «навсегда изменивший и ограничивший влияние пасторов в религиозных и светских делах», который позволил американцам поверить в то, что «они вправе свободно выбирать веру и сами должны заслужить свое спасение» [5, с. 43].

Движение «Великого пробуждения» способствовало развитию либеральных взглядов во всех колониях, в том числе в Вирджинии. В 1779 г. Т. Джефферсон представил свой первый законопроект о свободе вероисповедания, который, впрочем, был отклонен, не найдя поддержки Ассамблеи колонии. Для его принятия в 1786 г. потребовалась теоретическая обоснованность и общественная поддержка. Сторонником законопроекта выступил Дж. Мэдисон, написавший и распро-

5 The Connecticut Constitution on July 4, 1776 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dircost.unio.it/cs/docs/Connecticut%20eng.htm> (дата обращения: 20.09.2023).

6 Fundamental Agreement, or Original Constitution of the Colony of New Haven, June 4, 1639 [Электронный ресурс]. URL: https://avalon.law.yale.edu/17th_century/ct01.asp (дата обращения: 20.09.2023).

7 Muzzy v. Wilkins, 1 Smith's (N.H.) 1 (1803) [Электронный ресурс]. URL: <http://americanhumanist.org/wp-content/uploads/2019/02/Brief-for-Historians-and-Legal-Scholars.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

странивший среди населения свой «Мемориал и протест против религиозных оценок» – теоретический труд, в котором утверждалось, что «право на свободное вероисповедание является неотъемлемым и что религия полностью освобождена от ведома гражданского общества»⁸. Деятельность по трансформации общественного мнения инициаторов законопроекта имела успех. Описывая заседание Ассамблеи, на которой принимался закон о свободе вероисповедания, Дж. Мэдисон в письме к Т. Джефферсону отмечал, что совместная работа «произвела все желаемые результаты. Стол был завален петициями и протестами со всех сторон против вмешательства законодательной власти в вопросы религии... Законопроект был принят большинством делегатов без изменений. ...И я льщу себя надеждой, что в этой стране навсегда погасла амбициозная надежда на создание законов для человеческого разума»⁹.

Ряд ученых, гиперболизирующих значение документа, считают, что он стал «маяком в истории гражданских прав и западной цивилизации» [4, р. 202]. С данным утверждением сложно согласиться, однако следует по достоинству оценить его вклад в развитие гражданских прав. Как отмечает Р.Р. Римини, «Т. Джефферсон считал этот документ наряду с Декларацией независимости и созданием университета в Вирджинии своим самым значительным достижением в роли государственного деятеля» [5, с. 68].

Закон Вирджинии 1786 г. «О свободе вероисповедания» установил, что «принуждение человека вносить денежные взносы на распространение мнений, которым он не верит, является греховным и тираническим», а «гражданские права зависят от наших религиозных убеждений не больше, чем от наших мнений по физике или геометрии; поэтому объявление любого гражданина недостойным общественного доверия и лишение его возможности занимать государственные должности, если он не исповедует или не отказывает-

ся от того или иного религиозного убеждения, наносит ущерб тем привилегиям и преимуществам, на которые он ... имеет естественное право»¹⁰.

Следует отметить, что религиозная свобода и набор гражданских прав, которыми были наделены представители различных религиозных течений, отличались от колонии к колонии. По замечанию А.П. Мидлтона, порядки, установленные «в англиканской Вирджинии, резко контрастировали с нелиберальным характером пуританского Массачусетса и римско-католической Новой Франции и Новой Испании того же периода» [4, р. 202].

Однако, так или иначе, именно общественная активность жителей Вирджинии под руководством Т. Джефферсона, а также деятельность пасторов – представителей движения «Великое пробуждение» – явились движущей силой, способствовавшей принятию Закона Вирджинии 1786 г. «О свободе вероисповедания». Этот нормативный акт лег в основу Первой поправки к Конституции США 1791 г., согласно которой «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное ее исповедание» [6, с. 34], ставшей основой для установления в США свободы вероисповедания, устранения критерия относимости к той или иной вере в вопросе объема гражданских прав.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В КОНСТИТУЦИИ США

Принятая в 1789 г. на Филадельфийском конвенте американская Конституция предусматривала положение, касающееся религиозной терпимости – статья VI содержит запрет любых проверок религиозности для занятия государственной должности как в Конгрессе, так и в исполнительных и судебных органах власти. Это было единственным упоминанием религии и веры во всем тексте Конституции. Как отмечали современники, «когда наша «безбожная Конституция» была представлена штатам на ратификацию, верующие встретили ее с тревогой; единственными ссылками на

8 U.S. Constitution Annotated. Cornell Law School, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution-conan> (дата обращения: 20.09.2023).

9 From James Madison to Thomas Jefferson, 22 January 1786 [Электронный ресурс]. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Madison/01-08-02-0249> (дата обращения: 20.09.2023).

10 The General Assembly, on January 16, 1786 [Электронный ресурс]. URL: <https://law.lis.virginia.gov/vacodefull/title57/chapter1/> (дата обращения: 20.09.2023).

Всевышнего были ее дата (17 сентября 1787 г., «в год от Рождества Христова») и исключение воскресенья из расчета времени, отведенного президенту на утверждение законодательства» [7, с. 191].

В данном случае очевиден отход членов Конституционного конвента от религиозности, которой были пропитаны все принятые до этого нормативные документы. Например, законодательные акты Континентального конгресса с 1774–1789 гг. были «настолько наполнены библейскими фразами, что напоминали ветхозаветные церковные документы» [1, р. 33].

Вся кампания за ратификацию Конституции делала акцент на ее политическом характере как центрального государствообразующего нормативного акта. В выпусках «Федералиста» сторонники ратификации Конституции указывали на то, что религиозные убеждения становятся причиной раздоров и враждебности, а созданное молодое государство является воплощением объединения различных национальностей и конфессий, поэтому единственными общими принципами его строительства могут стать только «справедливость и общее благо» [8, р. 241].

Несмотря на возражения религиозных деятелей, Конституция была ратифицирована. Однако при обсуждении ее проекта в пяти штатах прозвучали заявления о необходимости внесения в Основной закон положения о свободе вероисповедания, дабы решить острые религиозные вопросы, накопившиеся с колониального периода. В частности, представители Нью-Гемпшира заявили о необходимости поправки, предусматривающей, что «Конгресс не должен издавать законов, затрагивающих религию или ущемляющих права совести» [7, с. 37]. Вирджиния предложила включить положение о том, что «все люди имеют равное, естественное и неотъемлемое право на свободное отправление религиозных обрядов в соответствии с велениями совести, что никакое конкретное религиозное общество не должно быть одобрено или учреждено законом» [7, с. 38]. Штат Нью-Йорк также заявил о необходимости закрепить естественное право свободно исповедовать любую религию. Аналогичную позицию заняли Род-Айленд и Северная Каролина.

Именно эти дебаты легли в основу принятия Первой поправки к Конституции США,

установившей свободу вероисповедания для всех американских граждан.

Менее чем через год после ратификации Конституции США на первом Федеральном конгрессе были представлены двенадцать поправок, десять из которых впоследствии были приняты и стали известны как Билль о правах. 15 декабря 1791 г. свобода вероисповедания в США была официально установлена Первой поправкой, гласящей: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное ее исповедание, либо ограничивающего свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб» [6, с. 40].

При толковании поправки в последующие столетия Верховный суд искал ответ на вопрос о ее истинной сущности в истории принятия Билля, существовавшей политической обстановке и сопутствующих исторических дебатах. В деле «Эверсон против Совета по образованию» 1947 г. был подан иск в адрес местного отдела образования по поводу возмещения расходов из местного бюджета на перевозку детей в католические школы. Истец обосновывал свою позицию Первой поправкой к Конституции, запрещающей устанавливать какую-либо религию в качестве государственной, соответственно, по мнению Эверсона, «Совет по образованию не имел полномочий санкционировать возмещение родителям стоимости проезда на автобусе за перевозку их детей в школы, отличные от государственных»¹¹. В своем решении судья Дж. Бекли отметил, что «слова Первой поправки отразили в умах ранних американцев яркую ментальную картину условий и обычаев, которые они страстно желали искоренить, чтобы сохранить свободу для себя и для своих потомков». Подразумевались в данном случае гонения и наказания по религиозному признаку, от которых первые переселенцы бежали в Новый Свет, а также попеременное политическое и религиозное превосходство различных течений в зависимости от союза с правительством, приводившее к беспорядкам и преследованиям протестантами католиков, католиками протестантов,

¹¹ *Everson v. Bd. of Educ.*, 330 U.S. 1, 8 (1947) [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/330/1/> (дата обращения: 20.09.2023).

и теми и другими иудеев и т. д. Указанные порядки постепенно начали процветать и в Новом Свете, как было отмечено ранее, в том числе благодаря королевским хартиям, выдававшимся поселенцам и разрешавшим поддерживать определенную религию. Как указывается в решении Верховного суда, «эти обычаи стали настолько обыденными, что вызывали у свободолюбивых колонистов чувство отвращения... Именно эти чувства нашли выражение в Первой поправке»¹².

В отношении конкретного иска о возмещении расходов на проезд в католическую школу суд заключил, что ограничение возможности посещать религиозные школы путем ограничения компенсации проезда, равно как и охраны полицией этих школ, не является целью Первой поправки, которая «требует, чтобы государство было нейтральным в своих отношениях с группами верующих и неверующих; она не требует, чтобы государство было их противником»¹³.

Следовательно, сущность Первой поправки, наиболее ярко и конструктивно описанная в рассматриваемом решении Верховного суда, заключается в следующем: 1) ни федеральное, ни региональное правительство не вправе учреждать церкви; 2) ни один законодательный орган не вправе принимать законы, поддерживающие или препятствующие исповеданию какой-либо религии; 3) никто не может принудить гражданина посещать или отказаться от посещения какого-либо религиозного учреждения; 4) никто не может быть привлечен к ответственности за вероисповедание и свои убеждения; 5) никакие налоги не могут взиматься государством на содержание религиозных организаций и отправление религиозных культов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование колониального периода развития США в части определения истоков правового регулирования взаимодействия

религиозных организаций и общества позволило отметить ряд важных культурных характеристик американского общества и первых политических объединений, ставших детерминантами особенностей правовой системы этого государства.

Обособленность колоний и их общественно-политическое устройство обусловили формирование различных подходов к правовому регулированию религиозных вопросов, а узаконенные королевскими хартиями возможности устанавливать и поддерживать христианскую протестантскую веру стали причиной укоренения в сознании и правовых актах доминирующего положения протестантской и англиканской церквей. Особое положение религиозных учреждений, имевших право взимать церковный налог, отправлять в ряде случаев правосудие и определять вопросы частного права, такие как заключение брака, наследование, определение права собственности, вытекали из особенностей общественного устройства первых поселений, в которых приход и его представители объединяли функции религиозной и гражданской власти.

Последовавшие попытки сегрегации по религиозному признаку, отчасти обусловленные потоком иммигрантов, означавшем появление в штатах населения различного этнического и религиозного состава, нашли широкое распространение в середине XVII в. на волне установления в ряде штатов доминирующего положения англиканской и протестантской церквей.

Однако благодаря распространению идей движения «Великого пробуждения» и политических деятелей, таких как Т. Джефферсон, в большинстве штатов была установлена свобода вероисповедания, закрепленная юридически на территории всех штатов после принятия Первой поправки к Конституции. При этом следует констатировать, что несмотря на принятие поправки, разделение сфер общественного регулирования между церковью и публичной властью происходило постепенно в течение нескольких десятилетий, а установленные исторически религиозные традиции продолжают оказывать влияние на правовую систему США и сегодня.

¹² *Everson v. Bd. of Educ.*, 330 U.S. 1, 8 (1947) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/330/1/> (дата обращения: 20.09.2023).

¹³ Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bittker B.I. Religion and the State in American Law / B.I. Bittker, S.C. Idleman, F.S. Ravitch. – New York : Cambridge University Press, 2015. – 973 p.
2. Weisbrod C. On Evidences and Intentions: The More Proof / C. Weisbrod // Connecticut Law Review. – 1985. – Vol. 803. – P. 810–820.
3. The acts of Assembly, now in force, in the colony of Virginia: with an exact table to the whole. – Williamsburg, 1769. – 577 p.
4. Middleton A.P. Anglican Virginia: The Established Church of the Old Dominion 1607–1786. Colonial Williamsburg Library Research Report Series / A.P. Middleton. – Williamsburg, 1990. – 214 p.
5. Римини Р. Краткая история США / Р. Римини. – Москва : Ко Либри, 2020. – 480 с.
6. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / под ред. О.А. Жидкова. – Москва : Прогресс, 1993. – 768 с.
7. Kramnick I. The Godless Constitution: The Case against Religious Correctness / I. Kramnick, R.L. Moore. – W.W. Norton & Co, 1996. – 191 p.
8. White M. Philosophy. The Federalist and the Constitution / M. White. – Oxford University Press, 1987. – 286 p.

REFERENCES

1. Bittker B.I., Idleman S.C., Ravitch F.S. Religion and the State in American Law. Cambridge University Press Publ., 2015. 973 p.
2. Weisbrod C. On Evidences and Intentions: The More Proof. Connecticut Law Review, 1985, vol. 803, pp. 810–820.
3. The acts of Assembly, now in force, in the colony of Virginia: with an exact table to the whole. Williamsburg, 1769. 577 p.
4. Middleton A.P. Anglican Virginia: The Established Church of the Old Dominion 1607–1786. Colonial Williamsburg Library Research Report Series. Williamsburg, 1990. 214 p.
5. Rimini R. A Brief History of the USA. Moscow, Ko Libri Publ., 2020. 480 p.
6. Zhidkova O.A. (ed.). The United States of America. The Constitution and legislative acts. Moscow, Progress Publ., 1993. 768 p.
7. Kramnick I., Moore R.L. The Godless Constitution: The Case against Religious Correctness. W.W. Norton & Co Publ., 1996. 191 p.
8. White M. Philosophy. The Federalist and the Constitution. Oxford University Press Publ., 1987. 286 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Латыпова Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Институт права;

Тулупова Елена Олеговна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Институт права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Latypova Nataliya Sergeevna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law;

Tulupova Elena Olegovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 16.10.2023; одобрена после рецензирования 19.11.2023; принята к публикации 19.11.2023. The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 19.11.2023; accepted for publication 19.11.2023.

Научная статья
УДК 340.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.3

Original article

МАЛИКОВА Наталия Валерьевна
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Россия;
e-mail: natali-malikova@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-2038-6129>

MALIKOVA Nataliya Valerievna
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ufa, Russia.

ЯМАЛЕТДИНОВА Наталья Владимировна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: fnv80-80@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-8263-2738>

YAMALETDINOVA Natalya Vladimirovna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ

THE JURIDICAL NATURE OF THE INSTITUTE OF LEGAL EXPERTISE OF NORMATIVE
LEGAL ACTS AND THEIR DRAFTS

Аннотация. Интенсивный характер нормотворческой деятельности неизбежно отражается на качестве принимаемых законов и подзаконных актов, влечет возникновение большого количества пробелов и коллизий и вызывает проблемы в правоприменении. Важнейшая роль в обеспечении гармоничности и сбалансированности правовой системы государства принадлежит правовой экспертизе нормативных правовых актов и их проектов, являющейся «фильтром» системы законодательства. Недостаточная разработанность организационных и методических основ ее проведения, отсутствие законодательного регулирования экспертной деятельности вызывают трудности и у разработчиков нормативных правовых актов, и у экспертов. Целью исследования выступает комплексный анализ правового института юридической экспертизы, выявление проблем, возникающих при ее проведении, и систематизация наиболее распространенных нормотворческих ошибок. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных (анализ, синтез, сравнение, системно-структурный) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов познания. Результаты: авторами определены содержание и сущность правового института юридической экспертизы, проанализировано состояние правового регулирования экспертной деятельности в сфере оценки качества нормативных правовых актов и их проектов, обоснована идея о необходимости ее законодательной регламентации.

Abstract. The intensive nature of normative activity inevitably affects the quality of enacted laws and by-laws, creates a large number of gaps and conflicts and causes problems in law enforcement. The most important role in ensuring the harmony and balance of the state legal system belongs to the legal expertise of normative legal acts and their drafts, which is a «filter» of the legislative system. The insufficient development of organizational and methodological foundations for its implementation and the lack of legislative regulation of expert activities cause difficulties for both developers of normative legal acts and experts. The purpose of the study is to analyze in detail the legal institute of juridical expertise, to identify problems arising in its conduct, and to systematize the most common normative errors. The methodological background of the study is a set of general scientific (analysis, synthesis, comparison, system-structural) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal) methods of cognition. Results: the authors define the content and essence of the legal institute of juridical expertise, analyze the state of legal regulation of expert activities in the field of quality assessment of normative legal acts and their drafts and substantiate the idea of the need for its legislative regulation.

Ключевые слова: правовая экспертиза, юридическая экспертиза, нормативный правовой акт, юридико-технические правила

Keywords: legal expertise, juridical expertise, normative legal act, juridical and technical rules

Для цитирования: Маликова Н.В. Юридическая природа института правовой экспертизы нормативных правовых актов и их проектов / Н.В. Маликова, Н.В. Ямалетдинова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 20–26

For citation: Malikova N.V., Yamaletdinova N.V. The juridical nature of the institute of legal expertise of normative legal acts and their drafts. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 20–26 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.3.

ВВЕДЕНИЕ

Ошибки юридико-технического характера, неопределенность и двусмысленность правовых предписаний, возникающие в процессе нормотворческой деятельности, вызывающие в дальнейшем сложности в восприятии нормативных правовых актов, усложняющие правореализационную и правоприменительную практику, приводят к пробельности и коллизионности правового регулирования. Экспертный анализ законодательных инициатив является доминирующим юридическим инструментом улучшения качества актов нормативного характера и действенным превентивным средством, препятствующим возникновению дисбаланса системы законодательства.

Обеспечение единства правового пространства, поддержание высокого качества законов и, следовательно, повышение эффективности правового регулирования общественных отношений – глобальные цели правовой экспертизы нормативных правовых актов. Поэтому справедливым и обоснованным элементом правотворческого процесса является его экспертное сопровождение, выражающееся в научно-аналитической деятельности уполномоченных специалистов, направленной на определение соответствия проекта принимаемого акта действующему законодательству и правилам юридической техники. В частности, правовая экспертиза сопровождает проект закона на всех этапах законотворческого процесса, в связи с чем не может рассматриваться как отдельная его стадия и является «сквозным ... направлением активности» [1, с. 59].

Нормотворческие ошибки могут возникать на всех этапах жизнедеятельности правового акта – от принятия и до его применения на практике. Негативные последствия реали-

зации нормативного акта, содержащего различные ошибки, могут привести к некорректной интерпретации правовых предписаний, ущемлению или незаконному ограничению прав и свобод человека, нарушению принципов правового государства.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

Юридическая экспертиза нормативных правовых актов как особая форма экспертной деятельности может быть рассмотрена как правовой институт, имеющий специфические черты: объект, цели, задачи, принципы и методику исследования, субъектный состав, особым образом оформленный результат деятельности – правовое заключение [2, с. 32]. Правовая экспертиза направлена в первую очередь на проверку проекта с точки зрения юридической корректности. Ее цель обусловлена перспективной оценкой документа (проводимой перед принятием закона либо в рамках предшествующей государственной регистрации акта в Министерстве юстиции РФ и его территориальных подразделениях) с точки зрения потенциального действия принимаемых правовых норм.

Правовая экспертиза предполагает анализ проекта на его соответствие положениям Конституции РФ; общепризнанным нормам и принципам международного права; предписаниям федеральных конституционных и федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, ранее изданным ведомственным нормативным правовым актам; компетенции принявшего государственного органа/должностного лица; обоснованности выбора формы правового акта; обеспеченности финансовыми, организационными, материальными ресурсами; требованиям юридической техники (наличие

реквизитов, соблюдение правотворческой процедуры и т. д.)¹.

Основные цели правовой экспертизы ориентированы на выявление и устранение противоречий и пробелов правового регулирования, нарушающих целостность и единство правовой системы государства. В научных кругах высказывались мысли о том, что в идеальном варианте в заключениях по результатам правовой экспертизы должны быть указаны не только нормотворческие ошибки, но и предлагаться корректные формулировки норм права [3, с. 43]. Полагаем излишним обязывать экспертов дополнять заключение конкретными рекомендациями по повышению качества проекта нормативного акта, поскольку предложения могут носить рекомендательный характер и не снимают с разработчика обязанности по устранению допущенных недочетов.

Проведение экспертизы нормативных правовых актов необходимо осуществлять с учетом задач, стоящих перед данной формой исследовательской деятельности. Анализ научных трудов, посвященных исследованию целей, задач и направлений правовой экспертизы [4, с. 54–56; 5, с. 93–103; 6, с. 315], позволил нам с учетом предмета осуществляемого экспертирования выделить две группы задач: общеправовые и юридико-технические.

К общеправовым задачам следует отнести: оценку соответствия положений принимаемого акта вышестоящим правовым актом; проверку согласованности проекта акта с иными документами одинаковой юридической силы; выявление коррупциогенных факторов; проверку соответствия положений проекта нормативным актам, дата вступления в силу которых не наступила, но нормативно определена. Так, в заключении Правового управления Государственной Думы РФ на проект федерального закона № 377569-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внимание разработчиков акцентируется на необходимо-

сти учета положений не только вступивших в юридическую силу федеральных законов, но и тех, что обретут ее в ближайшее время в установленные законом сроки².

Юридико-техническими задачами правовой экспертизы являются: наличие соответствующей правотворческой компетенции у лица, принимающего нормативный акт; оценка внутренней согласованности и логичности правового акта; отсутствие коллизий и пробелов в правовом регулировании; соответствие названия акта его содержанию; соблюдение требований, предъявляемых к юридическому стилю и языку; корректное оформление реквизитов нормативного акта; наличие и качество сопроводительных документов (финансово-экономическое обоснование, пояснительная записка и т. д.).

Достижение основных целей правовой экспертизы во многом зависит от фундаментальных идей, лежащих в основе ее осуществления. Базовые принципы юридической техники (демократизм, законность, своевременность, системность, планомерность и т. д.) в процессе нормотворческой деятельности должны быть дополнены рядом положений, обеспечивающих высокое качество экспертной деятельности. Считаем важным рассмотреть некоторые из них.

1. Обязательность проведения правовой экспертизы всех проектов нормативных правовых актов (принцип всеобщности), вне зависимости от сферы правовой регламентации, уровня правотворческого органа, круга субъектов, подпадающих под воздействие юридической нормы. Так, по итогам правовой экспертизы региональных программ капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах выявлено отсутствие в ЖК РФ понятия «многоквартирный дом»³.

2. Компетентность лиц, проводящих правовую экспертизу. Проверку проектов нормативных правовых актов должны осуществлять лица, владеющие навыками юридической техники, что подтверждается положениями должностных инструкций сотрудников право-

1 Статья 112 Регламента Государственной Думы РФ, утвержденного постановлением Государственной Думы РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД, ст. 141 Регламента Совета Федерации РФ, утвержденного постановлением Совета Федерации РФ от 30.01.2002 № 33-СФ, п. 11 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009.

2 Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/377569-8> (дата обращения: 22.09.2023).

3 Федеральным законом от 30.12.2021 № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 15 ЖК РФ дополнена ч. 6, содержащей определение понятия «многоквартирный дом».

вых управлений различного уровня – требованием наличия у них высшего юридического образования⁴. Полагаем, что в отдельных случаях для уяснения специфики регулируемой деятельности к правовой экспертизе целесообразно привлекать специалистов из неправовой сферы.

3. Объективность, обоснованность и транспарентность результатов экспертизы. Независимость и беспристрастность проверки возможны исключительно при соблюдении определенных условий: отсутствие отношений власти и подчинения между разработчиком проекта и экспертом; обязательность экспертизы даже при участии в нормотворческом процессе представителей юридической службы; исследование не должно осуществляться лицом, являвшимся разработчиком проекта нормативного акта. Экспертизе следует подвергать все части нормативного правового акта, включая преамбулу, примечания, приложения⁵. Также следует отметить, что нередко эксперты ориентированы на обнаружение противоречий между проектом и вышестоящими нормативными правовыми актами, установление внутренней согласованности документа, упуская из вида изучение логики, структуры, языка документа

4. Обязательность результатов правовой экспертизы. Замечания, содержащиеся в заключении правовой экспертизы, подлежат учету при последующем внесении правок в проект. В случае подписания руководителем организации нормативного правового акта без соответствующей его корректировки вся полнота ответственности за законность (а точнее – незаконность) документа и наступившие в ходе его реализации неблагоприятные последствия ложится на него.

В юридической литературе отсутствует единое мнение об объекте и предмете правовой экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Мы придерживаемся распространенной позиции и под объектом право-

вой экспертизы понимаем текст проекта нормативного правового акта.

Из анализа положений первого раздела Методических рекомендаций по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (одобренных на заседании Научно-технического совета НЦПИ при Минюсте России от 29 ноября 2016 г.) мы определили, что предметом правовой экспертизы являются: проверка соответствия издаваемых проектов действующим нормативным правовым актам, принятие акта в соответствии с компетенцией правотворческого органа, соблюдение правил юридической техники и лингвистического обеспечения издаваемых актов.

Основными субъектами проведения правовой экспертизы являются Министерство юстиции РФ и его территориальные подразделения, юридические службы региональных представительных и исполнительных органов власти, органы прокуратуры.

Современная правовая регламентация юридической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов страдает рядом хронических «болезней». Так, на федеральном уровне не принят закон, закрепляющий иерархическое строение системы законодательства, регламентирующий порядок правотворческой деятельности, фиксирующий юридико-технические правила создания и оформления нормативных правовых актов. На сегодняшний день правовое регулирование осуществляется на уровне подзаконных актов, в частности постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации», Методическими рекомендациями по юридико-техническому оформлению законопроектов, Методическими рекомендациями по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, которые в части определения нормативности правового акта содержат отсылки к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих

4 Должностная инструкция начальника правового отдела Администрации МР Архангельский район Республики Башкортостан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации МР Архангельский район Республики Башкортостан. URL: <https://arhangel.bashkortostan.ru/documents/active/129596/> (дата обращения: 22.09.2023).

5 Так, в преамбуле Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» содержится разъяснение понятий, используемых в законе, в то время как она в целом лишена нормативного свойства.

нормативными свойствами». Очевидным решением данной проблемы видится принятие федерального закона «О нормативных правовых актах»⁶.

Юридическое оформление процедуры правовой экспертизы также нуждается в системном обобщении и принятии федерального закона «О правовой экспертизе нормативных правовых актов и их проектов в Российской Федерации», закрепляющем понятие правовой экспертизы, ее цели и принципы, объекты экспертизы и круг субъектов, компетентных на ее осуществление, порядок, методику и критерии оценки акта, требования к экспертному заключению. В связи с отсутствием федерального регулирования данной деятельности рядом субъектов Российской Федерации уже приняты законы, регулирующие эти вопросы на уровне региона⁷.

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Эксперт, осуществляющий анализ проекта правового акта, должен быть хорошо осведомлен не только об основных правилах юридической техники, он должен знать наиболее часто встречающиеся недостатки в документах. К типичным ошибкам, выявляемым на стадии осуществления юридической экспертизы проекта нормативного правового акта, можно отнести ошибки концептуального плана, компетенционные, содержательные и технико-юридические ошибки.

Первая группа ошибок (юридико-идеологические, или ошибки концептуального содержания) детерминированы неправильным осмыслением сущности правового предписания, заблуждением нормотворца, находящегося под влиянием идеологических устано-

вок [7, с. 508]. К данной категории относятся: игнорирование конституционных принципов; принятие нормативного акта в сфере, не нуждающейся в правовой регламентации; неверное определение предмета правового регулирования, круга адресатов, методов регламентации правоотношения; создание правовых норм, нереализуемых на практике; неверное определение хронологических параметров действия нормативного правового акта. Так, Управлением Минюста России по Республике Алтай в 2023 г. рамках правовой экспертизы 1068 региональных нормативных правовых актов выявлено 66 актов (6,2 %), не соответствующих федеральному законодательству, из них 45 % составляют акты, искажающие его содержание, 25 % – изменяющие основания, условия и порядок действий участников правоотношений⁸.

Компетенционные ошибки предполагают нарушение правотворческих полномочий должностными лицами, государственными или муниципальными органами власти. Выход правотворческим органом за пределы своей компетенции имеет место в случаях присвоения полномочий вышестоящего органа (завышение уровня правового регулирования), наличия дублирующих полномочий («присвоение» полномочий), отсутствия согласования проекта с соответствующими инстанциями. К примеру, Государственным комитетом Республики Башкортостан по делам юстиции выявлено нарушение компетенции администрацией сельского поселения Николаевский сельсовет Белорецкого района при утверждении Положения о добровольной пожарной команде сельского поселения (Постановление Администрации от 15 апреля 2015 г. № 21) в части регламентации процедуры создания, организации и порядка функционирования пожарной дружины [8, с. 29].

Содержательные ошибки проявляются в противоречивости, пробельности и коллизии правового акта. К ним относятся: несоответствие проекта принимаемого акта вышестоящим нормативным актом; конкуренция с ранее принятым актом, регулирую-

⁶ Ряд субъектов Российской Федерации приняли подобные законы: Закон Республики Адыгея от 06.10.1998 № 92 «О нормативных и иных правовых актах», Закон Республики Башкортостан от 12.06.1996 № 42-з «О нормативных правовых актах Республики Башкортостан», Закон Липецкой области от 22.12.2020 № 485-ОЗ «О нормативных правовых актах Липецкой области».

⁷ Закон Карачаево-Черкесской Республики от 02.12.2002 № 48-РЗ «О правовых актах Карачаево-Черкесской Республики» (гл. VI «Согласование и экспертиза нормативных правовых актов»), Закон Республики Алтай от 05.03.2008 № 18-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Алтай» (ст. 24 «Антикоррупционная, научная, публичная независимая экспертиза и оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов»).

⁸ Практика проведения правовой экспертизы нормативных правовых актов Республики Алтай [Электронный ресурс] // Официальный сайт Управления Министерства юстиции РФ по Республике Алтай. URL: <https://to02.minjust.gov.ru/ru/activity/directions/19/praktika-p02102023/> (дата обращения 22.09.2023).

щим те же общественные отношения; наличие структурно-логических противоречий между элементами документа; неполнота правового регулирования; изобилие бланкетных норм, исключений, примечаний; нормативные «излишества»; наличие коррупциогенных факторов.

Так, Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определено, что в целях проведения индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, находящимися в социально опасном положении, применяется институт наставничества. В ряде субъектов Российской Федерации (республики Дагестан⁹ и Калмыкия¹⁰, Липецкая область¹¹ и др.) приняты региональные законы, регулирующие деятельность наставников (общественных наблюдателей). В подавляющем большинстве законов общественный наблюдатель определяется как «совершеннолетний дееспособный гражданин Российской Федерации, по своим деловым и моральным качествам способный быть авторитетом и наставником, социально положительным примером для несовершеннолетнего, содействовать физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию несовершеннолетнего»¹². С сожалением констатируем, что во всем массиве схожих нормативных правовых актов не содержится исчерпывающего перечня признаков, позволяющих юридически квалифицировать какое-либо лицо в качестве наставника (например, тавтология дефиниции «общественный воспитатель несовершеннолетних» – «гражданин ... способный выполнять обязанности общественного воспитателя»¹³). В целях полноты

правовой регламентации и устранения пробела (то есть содержательной ошибки) в части определения требований к наставникам несовершеннолетних необходимо на федеральном уровне, во-первых, определить понятие «наставник (общественный воспитатель)», во-вторых, предусмотреть четкие требования к указанным лицам.

Юридино-технические ошибки представляют собой недостатки в оформлении проекта нормативного правового акта: неточности в оформлении реквизитов документа; некорректное оформление ссылок на статьи проекта и на другие нормативные акты; неверное написание нормативно определенных дефиниций; указание неправильных наименований и реквизитов документов, употребляемых в тексте проекта; перегруженность названия документа и его структурных элементов и др. К примеру, в постановлении муниципального образования «Николаевский район» Ульяновской области от 14 декабря 2022 г. «Об официальном сайте Администрации муниципального образования «Николаевский район» Ульяновской области» употребляется словосочетание «в сети Интернет», тогда как федеральный законодатель использует терминологию «информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»»¹⁴.

Юридические ошибки, не обнаруженные во время правовой экспертизы проекта нормативного правового акта, снижают качество и эффективность правового регулирования, приводят к дисгармонии системы законодательства, вызывают конфликтность в правоприменении и нарушают права и законные интересы субъектов права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правовая экспертиза как инструмент оценки качества нормативного правового акта может рассматриваться как правовой институт с присущими только ему характеристиками: особыми целями и задачами, предметом, методами и принципами исследования, наличием специальных субъектов, обладающих компетенцией по ее осуществлению, опреде-

9 Об общественных воспитателях несовершеннолетних : Закон Республики Дагестан от 01.06.2017 № 45 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 22.09.2023).

10 Об общественных воспитателях несовершеннолетних : Закон Республики Калмыкия от 28.07.2020 № 115-VI-3 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 22.09.2023).

11 Об общественных воспитателях несовершеннолетних : Закон Липецкой области от 30.12.2010 № 458-ОЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 22.09.2023).

12 Там же.

13 Статья 1 Закона Республики Татарстан от 21.09.2009 № 7-ЗРЕ «Об общественных воспитателях несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 22.11.2023).

14 Статья 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант» (дата обращения: 22.11.2023).

ленной формой оформления результата – экспертным правовым заключением.

Обеспечение качества права, единства его формы и содержания, соответствие издаваемых нормативных правовых актов Конституции РФ, федеральным законам и иным нормативным актам, исключение коррупционных факторов в проектах документов, подготовленных с учетом юридико-технических правил – основное направление деятельности сотрудников Министерства юстиции РФ, его региональных подразделений и органов прокуратуры, осуществляющих правовую экспертизу нормативных правовых актов.

Без реализации качественного экспертного сопровождения правотворческой деятельности затруднительно создать нормативный акт, соответствующий реалиям общественно-политического развития государства и отражающий достижения современной юридической науки. Существенной проблемой является отсутствие надлежащей правовой регламентации экспертной деятельности. В процессе исследования также выявлено, что наиболее распространенными нормотворческими ошибками являются ошибки концептуального, компетентностного, содержательного и юридико-технического характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кокотов А.Н. Федеральный законодательный процесс: понятие и структура / А.Н. Кокотов // Правоведение. – 2001. – № 1. – С. 53–63.
2. Юридическая экспертиза нормативных правовых актов : учебное пособие / отв. ред. Д.Ш. Пирбудагова. – Махачкала : Изд-во ДГУ, 2017. – 199 с.
3. Худойкина Т.В. Техничко-юридическая экспертиза как форма оценки качества законопроектов и законодательных актов / Т.В. Худойкина, А.А. Лукьянов // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 6. – С. 41–44.
4. Кострицкая М.В. Экспертная законопроектная деятельность: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М.В. Кострицкая. – Белгород, 2009. – 185 с.
5. Рагозин В.Ю. Правовая экспертиза законопроектов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В.Ю. Рагозин. – Москва, 1998. – 166 с.
6. Москалькова Т.Н. Нормотворчество : научно-практическое пособие / Т.Н. Москалькова, В.В. Черников. – Москва : Проспект, 2014. – 384 с.
7. Баранов В.М. Правотворческие ошибки как фактор дисгармонии правового развития / В.М. Баранов, М.А. Пшеничных // Техничко-юридический анализ правотворческой реальности современной России: вступительные эссе и доклады на международных форумах «Юртехнетика» в формате круглого стола и дискуссионного клуба (1999–2019) : в 2 т. – Москва : Проспект, 2020. – Т. 1. – С. 500–517.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маликова Наталия Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса;

Ямалетдинова Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Malikova Nataliya Valerievna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure;

Yamaletdinova Natalya Vladimirovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 29.10.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 06.12.2023. The article was submitted 29.10.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 06.12.2023.

REFERENCES

1. Kokotov A.N. Federal legislative process: Conception and structure. *Pravovedenie*, 2001, no. 1, pp. 53–63. (In Russian).
2. Pirbudagova D.Sh. (ed.). Legal examination of normative legal acts. Dagestan State University Publ., 2017. 199 p.
3. Khudoikina T.V., Lukyanov A.A. Technical and legal examination as a form of assessing the quality of bills and legislative acts. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2011, no. 6, pp. 41–44. (In Russian).
4. Kostrietskaya M.V. Expert legislative activity: theoretical and legal research. Cand. Dis. Belgorod, 2009. 185 p.
5. Ragozin V.Yu. Legal examination of bills in the Russian Federation. Cand. Dis. Moscow, 1998. 166 p.
6. Mosalkova T.N., Chernikov V.V. Rulemaking. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 384 p.
7. Baranov V.M., Pshenichnov M.A. Law-making errors as a factor of disharmony in legal development. *Technical and legal analysis of the law-making reality of modern Russia: introductory essays and reports at the international forums «Yurtechnetika» in the format of a round table and discussion club (1999–2019)*. Moscow, Prospekt Publ., 2020. Vol. 1, pp. 500–517. (In Russian).

Научная статья
УДК 34.01
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.4

Original article

ПЕТРОВ Александр Васильевич
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: petrov_av2012@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-6596-3762>

PETROV Alexander Vasilievich
North-Western Branch of the Russian State
University of Justice, Saint Petersburg, Russia.

ЮНУСОВ Алексей Маликович
Московская городская коллегия адвокатов
«Насимов и партнеры», Москва, Россия;
e-mail: yunusov82@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-2678-518X>

YUNUSOV Alexey Malikovich
Moscow City Bar Association «Nasimov and
Partners», Moscow, Russia.

ЭНЕРГИЯ КАК ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ФЕНОМЕН ЭНЕРГИИ В АНТИЧНОСТИ И В СРЕДНИЕ ВЕКА)

ENERGY AS A FACTOR OF STATE LAW REALITY (FORMATION OF VIEWS ON THE
PHENOMENON OF ENERGY IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES)

Аннотация. В теории государства выделяется энергетическая функция, связанная с активной деятельностью государства по поиску доступной и дешевой энергии, альтернативных источников ее получения, обеспечения бесперебойного функционирования энергетической системы страны и отдельных регионов. Актуальность статьи обусловлена необходимостью формирования единого подхода к природе такого феномена, как «энергия», учитывающего ее роли в современном мире. Цель: провести ретроспективный анализ философских и научных представлений об энергии, раскрыть их влияние на развитие государства, общества и личности. В работе использованы общенаучные принципы и методы исследования. Статья основана на материале монографий и публицистических работ, посвященных античной философии, средневековому обществу, истории развития науки и техники. В ходе исследования авторы пришли к выводу, что энергии как научной категории в Античности и Средние века не было. Слово «энергия», упоминающееся в трудах Аристотеля, использовалось им в прямом лексическом смысле – как «действительность», «реальность». Впервые научное определение энергии было дано только в 1853 г. Формированию научных взглядов на феномен энергии предшествовали представления и гипотезы о сущности тех или иных ее проявлений (огонь, тепло, магнетизм, молния). Большая часть таких гипотез возникла в период Античности и получила развитие в Средние века. Среди концепций античных философов, представляющих интерес для настоящего исследования, авторы выделяют учение Гераклита

Abstract. The theory of the state emphasizes the energy function associated with the state intensive activity in the search for affordable and cheap energy, alternative sources of its production, ensuring smooth functioning of the energy system of the country and individual regions. The relevance of the article is due to the need to form a unified approach to the nature of such a phenomenon as «energy», taking into account its role in the modern world. Purpose: to perform a retrospective analysis of philosophical and scientific ideas on energy, to reveal their influence on the development of the state, society and personality. The work uses general scientific principles and methods of research. The article is based on monographs and essays on ancient philosophy, medieval society, history of the development of science and technology. In the course of the study, the authors conclude that energy as a scientific category did not exist in Antiquity and the Middle Ages. The word «energy», mentioned in the works of Aristotle, was used by him in the direct lexical sense – as «actuality», «reality». The first scientific definition of energy was given only in 1853. The formation of scientific views on the phenomenon of energy was preceded by ideas and hypotheses about the essence of certain manifestations of energy (fire, heat, magnetism, lightning). Most of such hypotheses emerged in Antiquity and were developed in the Middle Ages. Among the concepts of ancient philosophers, which are interesting for this research, the authors highlight Heraclitus's doctrine on fire, Democritus's atomistic theory,

об огне, атомистическую теорию Демокрита, а также учения философов милетской школы о «начале всех начал». Авторы обращают внимание на то, что современные взгляды на энергию и гипотезы о ее природе первоначально были выдвинуты в эпоху Античности. В Средние века был внесен вклад в изучение таких категорий, как пространство, время и движение, без которых невозможно формирование целостных представлений об энергии.

Ключевые слова: энергия, энергоснабжение, энергопотребление, энергетическая функция государства, представление об энергии, механика Аристотеля, теория «импетуса»

Для цитирования: Петров А.В. Энергия как фактор государственно-правовой реальности (формирование взглядов на феномен энергии в Античности и в Средние века) / А.В. Петров, А.М. Юнусов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 27–40

as well as the teachings of philosophers of the Milesian school on «beginning of all beginnings». The authors draw attention to the fact that modern views on energy and hypotheses about its nature were originally put forward in Antiquity. In the Middle Ages, a contribution was made to the study of such categories as space, time and movement, without which it is impossible to form holistic views of energy.

Keywords: energy, energy supply, energy consumption, energy function of the state, concept of energy, Aristotle's mechanics, «impetus» theory

For citation: Petrov A.V., Yunusov A.M. Energy as a factor of state law reality (formation of views on the phenomenon of energy in Antiquity and the Middle Ages). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp.27–40 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.4.

ВВЕДЕНИЕ

Роль энергии в современном мире бесспорна. В любой отрасли хозяйства центральным звеном является система энергоснабжения. Гонка за дешевой, доступной и неисчерпаемой энергией становится одним из мощных двигателей научно-технического прогресса. При этом на международном уровне поднимается вопрос о негативном влиянии современных способов получения энергии на окружающую среду. Исчерпаемость углеводородных ресурсов и рост энергопотребления обостряют проблему поиска и использования альтернативных (возобновляемых) источников энергии.

Возрастает значимость и актуальность деятельности государства, направленной на обеспечение бесперебойного, безопасного функционирования энергетических систем и их развитие. Становится очевидным, что от успешности решения указанных вопросов напрямую зависят национальное благополучие и независимость. В юридической науке ставится вопрос об энергетической безопасности, рассматривается необходимость введения в научный оборот категории «энергетический суверенитет» [1, с. 31–35].

Единого подхода к толкованию термина «энергия» и определению природы данного феномена современная наука не выработала. В естественных науках энергия определяет-

ся как мера различных форм движения и взаимодействия материи. В юридической науке единого понимания термина энергии нет. Оно отсутствует и в российском законодательстве. Наиболее часто встречается определение энергии как экономического блага и объекта гражданского оборота. Однако некоторые ученые полагают такой подход ограниченным. Они обращают внимание на особую значимость данного явления в жизни общества и государства, которая должна найти отражение в законодательном регулировании. Ученые справедливо отмечают, что российское законодательство опирается на представление об энергии как о товаре, между тем необходимо учитывать, что это в первую очередь социальное благо [2, с. 29]. Подчеркивается необходимость создания комплексного представления об энергии, которое позволит выработать специальное научно-правовое определение термина. Поднимается вопрос о выработке юриспруденцией собственного доктринального определения энергии, установления ее правовой природы [3; 4, с. 84].

События последних лет подталкивают к пересмотру, переосмыслению сложившихся взглядов на природу энергии, требуют выработки современного научно-философского представления о данном феномене, которое позволит разработать формально-правовое определение термина «энергия». Мы полага-

ем, указанные задачи не могут быть решены без ретроспективного анализа предшествующих представлений об энергии, их связи с государственно-правовыми явлениями.

Необходимо отметить, что общее время научного изучения энергии составляет менее двух веков. Научное определение термина впервые было дано только в 1853 г. английским ученым В. Томсоном [5, с. 5].

Формированию научных взглядов на феномен энергии предшествовали философские представления о природе вещей, являвшихся проявлением тех или иных видов энергии, а также гипотезы о таких категориях, как время, пространство, материя и движение. Мы полагаем, большая часть таких научно-философских представлений возникла в период Античности и Средних веков.

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭНЕРГИИ В АНТИЧНОСТИ

Длительное время наши предки пользовались тем, что теперь называется «энергия», и не задумывались над сущностью происходящего. Первые наблюдения магнитных и электрических явлений относятся к глубокой древности. Древние люди знали о способности некоторых рыб (скатов, угрей, сомов) оказывать при соприкосновении с человеком парализующее воздействие. Таких рыб называли «наркэ», что означает «парализующий». О таинственных способностях магнита притягивать железные наконечники упоминается в старинных летописях, дошедших до нас из Китая и Индии. Римский поэт Тит Лукреций Кар в своей философской поэме «О природе вещей» описал свойства магнита. Древние греки знали о свойствах янтаря притягивать легкие предметы, в связи с чем называли его «электрон» [6, с. 11–12]. Люди научились использовать непонятные явления в собственных целях. Индейцы применяли магнит для извлечения железных наконечников из тел раненых воинов. Китайские мореплаватели использовали компас для морской навигации. Римские врачи использовали «электрических» рыб для лечения головных болей и других болезней [7, с. 17].

На основе наблюдений и народных примет формировались первые представления об энергии. Знания о ее полезных свойствах

накапливались и передавались следующим поколениям. Однако их обобщения и систематизации не происходило. Всем явлениям приписывалась «божественная» сила. Никто не допускал даже мысли о естественных закономерностях в природе. Представления об энергии формировались на основе наблюдений и народных примет.

Первые попытки обобщить эмпирический опыт и выявить закономерности природных явлений были сделаны древними греками. Греческие мудрецы, основываясь на философских принципах и практическом опыте, создали всеохватывающие учения о природе, названные натурфилософией. Наиболее известны три натурфилософские школы: милетская, пифагорейская и элеатская [8, с. 20].

Мыслители милетской школы (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит) своей главной задачей видели поиск «начала всех вещей». Не признавая происхождения вещей «из ничего» или их обращения «в ничто», они полагали, что должно существовать некое вещество, из которого образовалось все существующее и в которое оно в итоге превращается. Это вещество, названное стихией, присутствует во всех вещах и остается неизменным независимо от формы их проявления [9, с. 151]. Основоположником данной натурфилософской школы считается Фалес Милетский. Наблюдая за природными явлениями, он пришел к выводу, что неотъемлемой частью всех вещей является вода. Именно вода, по мнению философа, есть первичная субстанция, все остальное образуется от нее. Земля покоится на воде, а землетрясение объясняется тем, что нашу планету, как корабль в море, постоянно качает. Фалес Милетский впервые описал свойство натертого янтаря притягивать легкие тела (соломинки, кусочки тканей). Он также считается первым греческим мыслителем, обратившим внимание на способность магнита притягивать некоторые предметы, что объяснялось наличием в магните «души» [10, с. 123].

Более поздний представитель милетской школы, Гераклит Эфесский, «началом всех начал» считал огонь, но не как неподвижную субстанцию, а как нечто, постоянно изменяющееся. Все преобразования вещей он объяснял стадиями развития огня. Гераклит проповедовал идею «вечного потока», основанную на из-

менчивости мира и его постоянном движении. Придерживаясь этой идеи, он указывал, что все вещи подвержены изменениям и нет ничего постоянного. В качестве «движущего начала» он также видел борьбу противоположностей как необходимое условие существования мира, а в качестве материальной движущей силы – огонь [11, с. 85].

Сторонники другой натурфилософской школы, пифагорейцы, основное внимание уделяли изучению количественных характеристик природных явлений, сосредоточившись на поиске сущности окружающих их предметов и явлении в числах. Основной постулат философии Пифагора формулировался следующим образом: «число есть сущность всех вещей». Такое число, в понимании мыслителя, не отождествлялось с числом как арифметическим понятием. Число выступало не только как фундаментальный принцип познания, но и как основание бытия. Философская трактовка числа пифагорейцами заключалась в придании ему статуса абсолютной, безусловной основы всего сущего. Познание свойств чисел представлялось как познание начала Вселенной [12, с. 75–76].

На основании учений натурфилософских школ в Древней Греции возникла материалистическая (атомистическая) философская система, а также философские школы Сократа и Аристотеля.

Сторонники материалистической системы (Левкипп, Демокрит) попытались более детально рассмотреть физические свойства вещей. Отвергая идею о бесконечной делимости частиц, они предположили существование неделимых частиц, которые называли атомами. Атомы различались между собой по форме и весу. Вследствие своей неделимости атомы неуничтожимы, вечны и обладают способностью к движению. Различие вещей и явлений обусловлено различиями между атомами. Такие качества, как теплота, вкус, цвет, не присущи реальным объектам, они обязаны своим существованием органам чувств. Реальные объекты характеризуются плотностью, твердостью и тяжестью [11, с. 112].

Своеобразной квинтэссенцией атомистической философии стала идея о существовании пустого пространства, в котором нет атомов. Мыслители справедливо указывали, что

из пустоты не может ничего возникнуть, а стало быть, существующие вещи не могут исчезнуть бесследно.

Важный принцип философской системы атомистов – детерминизм. Представители данной школы утверждали, что все существующее (за исключением атомов) обусловлено, то есть имеет естественную причину своего возникновения, существования и разрушения. Нет ничего случайного. Случайность объяснялась незнанием истинной причины [12, с. 109].

Особое место среди философских взглядов и концепций Античности занимает система донаучного знания, разработанная Аристотелем. Мыслитель из Стагира считается основателем новой области знаний о природе – физики. Именно им была разработана первая историческая форма учения о движении – механика [13, с. 16].

Проблеме движения Аристотель отводил особое место в своих работах. Он полагал, что вопрос о сущности движения представляет большие трудности, но именно он являлся ключевым для физики [14, с. 26]. Аристотель рассматривал движение широко, не только как физическое явление. В античном мировоззрении различались понятия «возможности» и «действительности». Термин «действительность» соотносился со ставшим реально существующим, сложившимся; термин «возможность» – с потенциальным, становящимся, «еще-не-существующим». Философ понимал движение как процесс перехода от возможного к действительному, актуализацию потенциального или реализацию возможного. В связи с этим он употреблял термин «энергия», подразумевая под ним то, что действительно реально [15, с. 30].

По мнению Аристотеля, всякое движение требует пространства и времени. Само по себе, вне вещей, движение отсутствует. Оно всегда совершается по направлению к цели, в качестве которой может быть субъективная (желанная) цель, актуальное состояние вещи или естественное местоположение. Аристотель разделял все движения на «естественные» и «насильственные». Движение тела к его естественному месту называлось естественным движением. Развивая теорию естественного движения, философ выдвинул идею о четырех составляющих элементах всех тел (огонь,

вода, воздух, земля). Землю он считал самым тяжелым элементом, огонь – самым легким. Вода и воздух в его иерархии занимали промежуточное положение. Естественное положение самого тяжелого элемента – центр Земли. Следовательно, естественное движение всех тел, которые состоят из земли – движение к центру Земли, другими словами, падение. Естественное движение огня – стремление вверх, к небесам. Вода находится на поверхности Земли, а воздух – над водой, но ниже огня [16, с. 59].

Если элемент подлунного (земного) мира вывести из своего естественного места, он будет стремиться вернуться туда. Естественное движение продолжается до того момента, пока тело не займет своего естественного положения в пространстве. Так, если поднять горсть земли, естественным для нее будет движение вертикально вниз. Увеличение скорости падающего тела Аристотель объяснял приближением тела к своей конечной точке – Земле. Исходя из данной теории следовало, что тяжесть и легкость сами по себе не являются свойствами тела, а рассматриваются как характеристики естественного движения, при этом в обоих случаях масса тела или количества вещества считалась причиной, препятствующей движению тела к естественному месту.

Насильственное движение возможно только в том случае, если к телу приложена сила со стороны другого тела. Изначально тело находится в покое. В момент трогания с места телу сообщается некая «движущая сила», которая расходуется во время движения. После окончания этой силы тело останавливается [17, с. 433].

В этой теории с трудом находил объяснение элементарный факт: когда человек бросает камень, то камень продолжает движение после прекращения контакта с рукой. Камень относится к разряду тяжелых тел, его естественное место внизу, на земле. Пока он находится в руке, он совершает насильственное движение, однако после того как бросающий отнимает руку, камень, казалось бы, должен совершать естественное движение к центру мира, то есть падать на поверхность Земли. Но камень движется совершенно иначе: он сначала поднимается вверх или движется под углом к горизонту и только потом падает на

землю. В случае же броска вверх камень упадет на землю не сразу, а какое-то время будет двигаться строго вверх до определенной точки и лишь затем полетит вниз. Аристотель объяснял это тем, что движение камня поддерживается воздухом, которому, в свою очередь, движение было сообщено движением руки человека.

Представляет интерес данное Аристотелем определение теплоты. Вопреки мнению сторонников атомистической философии, считавших теплоту субстанцией, он полагал, что теплота – это движение частиц. Являясь свойством огня, она присуща всем телам. Аристотель разделял собственное и постороннее тепло [17, с. 436].

Учение Аристотеля о движении прочно закрепилось в системе донаучного знания и имело большое число сторонников. Широкое распространение и новое осмысление получили его труды в эпоху господства Римской империи. Особый авторитет труды философа приобрели в Средние века. Христианская идеология приняла аристотелевские теории безоговорочно и почитала их «истиной в последней инстанции» [17, с. 433].

Для античной философии взгляды Аристотеля на окружающий мир оказались последними. В более поздние периоды произошла специализация научного знания. Естественные науки отделились от философских. Математика, механика, география, астрономия, физика стали рассматриваться как особые специальности, имеющие свою проблематику и методы исследования.

Античные мыслители наблюдали, как проявляются различные природные силы, и пытались создать определенную систему философских постулатов, которая могла бы объяснить не только наблюдаемое, но и все аналогичные ему явления. Однако любое объяснение сложных природных явлений должно базироваться на системной научной терминологии, дающей ответы на вопросы: что есть материя, что есть движение, что есть пространство, что есть энергия? Дальнейшее развитие философской мысли должно было основываться на достижениях теоретической науки.

Теоретическая наука в Античности только зарождалась, однако прикладные исследования окружающего мира развивались динамично.

но. В наблюдении и практическом освоении физических явлений древние греки и римляне продвинулись достаточно далеко.

В эллинистический период Древней Греции зародилась механика, которой придавалось большое значение при изучении природы. Механика рассматривалась двояко: как рациональная (теоретическая) и как практическая. Рациональная механика представляла точно изложенное и доказанное учение о движениях, производимых какими-либо силами, и о самих силах, требуемых для движений. Однако греки и римляне не понимали, что полезные качества этих устройств возникают вследствие действия природных (физических) сил. Даже сила тяжести воспринималась ими через свойство грузов [18, с. 1].

Первым механиком стал создатель военных машин Архимед из Сиракуз. Он строил свои рассуждения на основе сочетания опыта, наблюдения и дедуктивной логики. Архимед считается автором многочисленных изобретений: водоподъемного винта, системы поднятия больших тяжестей, военных метательных машин (катапульта, полиспат, баллиста). Архимед изобрел и построил так называемую «Сферу» – механический планетарий, воспроизводивший движение небесных тел и даже затмение Солнца Луной. Предполагается, что механизм приводился в движение пневматическим или паровым двигателем. По легенде, при помощи зеркала Архимед сумел направить солнечные лучи на римские корабли и сжечь их. Эксперимент, проведенный в 1973 г., показал, что такая возможность действительно существует [16, с. 41].

Римской науке была присуща большая практическая направленность. В I в. н. э. механик Ктезибий и математик Герон заложили основы пневмо- и теплоэнергетики. Свои научные гипотезы они основали на экспериментах. Ктезибий изобрел двухцилиндровый поршневой пожарный насос, снабженный всасывающими и нагнетательными клапанами, воздушным уравнивающим колпаком и рычагом-балансиrom для ручного привода. Его ученик Герон создал прообраз реактивной паровой турбины – металлический шар, который вращался под действием пара. В своем трактате «Пневматика» Герон описал многочисленные изобретения, пневматические, тепловые

и гидравлические приборы и дал каждому теоретическое объяснение. Теоретические построения Герона строились на основе учения греческих атомистов о наличии пустот между частицами. Он полагал, что смешение жидкостей – это результат проникновения частиц одной жидкости в поры другой. Процессы сжатия и расширения Герон объяснял увеличением и уменьшением пор при неизменном размере частиц. Он заметил, что при отсутствии внешней силы жидкое тело занимает естественный объем сосуда, выталкивая из него воздух. Таким образом, Герон не только вплотную подошел к открытию энергии сжатого воздуха и пара, но и использовал силы этих явлений на практике [8, с. 38].

Для того чтобы зародилось естественно-научное знание, необходимо было соединить математическое описание и теоретические положения с экспериментальными исследованиями природы. Однако этого не удалось сделать. По мнению исследователей, причина кроется в отношении древних греков и римлян к физической работе. В условиях дешевого труда рабов экономические стимулы заниматься развитием прикладных наук и техники отсутствовали. Кроме того, наука представлялась бескорыстным исканием истины и не носила утилитарного характера. Философские концепции и теоретические исследования являлись ценностью сами по себе и не рассматривались как основа развития прикладной науки. Таким образом, оставался разрыв между теорией и практическим применением полученных знаний.

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

По отношению к научному и философскому знанию Средние века принято называть «темными». Эпоха отличалась сильной связью науки и философии с религиозной христианской догматикой. Сама атмосфера воинствующей христианской идеологии определила содержание и направленность мировоззренческого знания. В результате разрушения античной цивилизации в период варварских завоеваний утвердилась христианская идеология, противопоставлявшая себя языческой мудрости. Научные и философские зна-

ния Античности были подвергнуты жестокой критике. Познавательная деятельность допускалась, однако считалась одним из путей, ведущих к пониманию Бога, а не к изучению окружающего мира.

Сложившиеся условия не способствовали развитию научных и философских представлений, особенно в отношении тех явлений и процессов, которые оставались за границей обычного понимания, для которых античным мыслителям не удалось найти объяснения. Многие явления, касающиеся любых видов энергии (молния, огонь, магнетизм), понимались в соответствии с канонами христианской идеологии как действия божественных сил. Однако некоторые вопросы, связанные с устройством окружающего мира, оставались в границах научного и философского познания. При этом основной акцент познавательной деятельности делался на осмыслении и интерпретации тезисов и аргументов, уже вошедших в корпус знаний, а не на его расширении [19, с.113].

Развитие средневекового философского мировоззрения в Европе принято разделять на две периода: патристику и схоластику. Первый связан с разработкой религиозных догм и утверждением христианской морали. Основная цель философских трудов этого времени – защита христианства. На наш взгляд, исключение из данной тенденции – философские труды И. Филопона – александрийского богослова и епископа. Следуя традиции римских мыслителей, он составил свой комментарий к трудам Аристотеля, подвергая критике некоторые положения его учения. Филопон указывал, что местом нельзя назвать только совокупность границ, окружающих тело, место является протяженным и обладает тремя измерениями (высотой, шириной и длиной). Само по себе место не зависит от тела и служит мерой его объема [17, с. 424–426].

Средневековый мыслитель пересмотрел теорию естественных движений Аристотеля. Вопреки мнению предшественника он признавал наличие пустоты и допускал возможность движения тела в ней, рассматривая это как частный случай движения в разреженной среде. Он также не разделял точку зрения Аристотеля о том, что плотность среды способствует движению тела, поскольку наблю-

дения свидетельствовали об обратном. Филопон подверг критике данное Аристотелем объяснение движения брошенных тел и предложил другую концепцию. По его мнению, «бросающий агент» (например, рука или тетива) сообщает брошенному телу движущую силу, которая и движет тело после прекращения контакта. При этом окружающий воздух не помогает движению тела, как полагал Аристотель, а наоборот, препятствует ему [19, с. 34].

Свои рассуждения Филопон строил на основе формальной логики и наблюдений, излагая доводы простым и доступным языком, не ссылаясь на авторитет предшественников. Идеи Филопона не получили признания современников, однако пользовались популярностью в XIII в. Его концепция, объясняющая движение брошенных тел, получила развитие в трудах схоластов и стала предшественницей теории «импетуса».

Период, получивший название «схоластика», связан со стремлением рационально обосновать и систематизировать христианское вероучение. Началом рассуждения служили основные положения религиозной догматики и философия Аристотеля. Среди учений и концепций схоластов следует выделить взгляды Р. Бэкона и У. Оккама.

Английский философ и естествоиспытатель Р. Бэкон утверждал, что существуют три средства познания: авторитет, мышление и опыт. Основным средством познания философ признавал опыт, который разделял на реальный (жизненный) и опыт как совокупность знаний, полученных через внешние чувства. В качестве наиболее достоверной науки Р. Бэкон выделял математику. Философ активно занимался алхимией и астрономией. Сомневаясь в истинности данного алхимиками понятия о единой «первичной материи», лишенной качеств, Бэкон выдвинул идею о качественно различных элементах, комбинации которых образуют конкретные вещи. Он отрицал атомистическое учение о неделимости атомов и пустоте.

Бэкон посвятил много времени экспериментальной науке, добился серьезных успехов в оптике (им был открыт закон отражения и преломления света), описал механизмы и технические устройства, которые появились только через 500–600 лет: «орудия плавания,

идущие без гребцов», «суда морские и речные, плывущие при управлении одним человеком», «колесницы без лошадей», «летательные аппараты» [8, с. 43].

Францисканский монах У. Оккам видел свою главную цель в актуализации первоначальных идей Аристотеля, без интерпретации европейских и арабских теологов. Он разделил религию и науку, считая их разными путями познания, и утверждал, что идеи богословия не могут быть доказаны научными аргументами, а научные положения доказываются, опираясь на разум и опыт [20, с. 74].

Оккам внес существенный вклад в развитие средневековой физики движения. Им было проведено окончательное разделение учения о движении на динамику и кинематику. Идея разделения возникла в связи с поиском причин того, почему движение происходит не мгновенно. Исследование данного вопроса позволило выявить две основные причины: силовое сопротивление среды и притяжение пространства. Постепенно вопрос о природе движения стал разделяться на изучение причин движения, заключающихся в самой природе тела (динамику) и пространственно-временных эффектах, которыми движение сопровождается (кинематику). Оккам «провел черту» между этими направлениями, отделив кинематическую проблематику от динамической [19, с. 252].

Представляют интерес исследования в области теории движения, проведенные в XIV в. группой английских схоластов, названных оксфордскими калькуляторами (Т. Брэдвардин, У. Хейтсбери, Р. Суайнхед, Д. Дамблтон). Ими была разработана особая дисциплина («учение об интенсии и ремиссии качеств»), предполагавшая применение общего логико-математического подхода к изучению самых разнообразных качеств живой и неживой природы. С помощью математического аппарата мыслители создали модель механического движения, основанную на интенсивности движения и «градусе скорости». В рамках данной модели была сформулирована и доказана теория о средней скорости, примененная впоследствии Г. Галилеем при количественном анализе свободного падения.

Особое значение для механики имело изложенное одним из представителей данной

группы, У. Хейтсбери, учение о равномерном движении, под которым понималось прохождение одинаковых расстояний с одной и той же скоростью за равные промежутки времени. Равномерное движение противопоставлялось неравномерному, в последнем выделялся подкласс: равнопеременное движение (равноускоренное). Хейтсбери впервые ввел понятие мгновенной скорости. Оксфордскими философами также было доказано, что если равноускоренное движение начинается из состояния покоя, то за первую половину времени движения проходит путь, составляющий 25 % полного пути. Результаты исследования оксфордских схоластов имели большое значение для развития кинематики. Кроме того, они сформировали понимание необходимости перехода с качественных понятий, характерных для античной физики, на количественные, используемые в физических науках в настоящее время [19, с. 290–293].

Среди учений средневековых мыслителей выделяется работа французского физика П. де Марикура (известного как Петр Перегрин), посвященная магнитному камню. Необходимо отметить, что, несмотря на противоречивое отношение Церкви к научным исследованиям, изучение свойств магнита в европейском средневековом обществе в целом проходило достаточно успешно. В XII в. европейцы знали об изобретении компаса. Он впервые упомянут в стихотворной энциклопедии английским писателем А. Неккамом в 1187 г. В XIII в. европейские мыслители уже знали о существовании разноименных полюсов магнита и их взаимодействии. Опытным путем было доказано действие магнитных сил через дерево и бумагу [7, с. 18].

В 1269 г. Перегрин написал трактат, получивший название «Послание о магните». Работа состоит из двух частей. В первой автор дал рекомендации по выбору магнитного камня на основе внешних признаков, объяснил, как найти Северный и Южный полюс, описал процедуру перемагничивания и изложил особенности взаимодействия магнитов между собой. Он также предпринял попытку объяснить причины действия магнитных сил. Исследователь полагал, что особые свойства магнитного камня связаны с воздействием неба. Во второй части своего труда Перегрин под-

робно изложил процесс изготовления компаса и правила его использования, описал, как установить на компасе магнитную шкалу [21, с. 56].

В своем трактате Перегрин объединил существующие в то время знания о магните и дополнил их результатами собственных наблюдений и опытов. Работа имела практическую направленность и в средневековом обществе вполне могла претендовать на полноценное научное исследование. Труд оказал большое влияние на развитие средневековой физики и многократно переиздавался. Заметки Перегрин о магнетизме ходили в десятках списков, а после появления книгопечатания выходили отдельной брошюрой. Их с уважением цитировали многие натуралисты вплоть до XVII столетия.

Изложение натурфилософских идей европейских мыслителей было бы неполным без описания концепции французского философа Ж. Буридана, объясняющей физическую природу движения брошенного тела, получившую название теории «импетуса».

Одной из ключевых тем рассуждения средневековых мыслителей была проблема движения, в частности вопрос о физической природе брошенного тела, ответ на который впервые попытался дать Аристотель. Профессор Парижского университета Ж. Буридан сформулировал гипотезу, позволяющую объяснить два важных вопроса средневековой механики: движение брошенного тела вверх и ускоренное падение тяжелого тела [19, с. 273]. Подвергая критике теорию Аристотеля о воздухе как дополнительной силе, сохраняющей движение тела после броска, профессор, как и его предшественники, полагал, что воздух скорее затрудняет движение брошенного тела, чем способствует ему. Он обратил внимание, что аргументация Аристотеля не объясняет движение гончарного круга после того, как его перестали раскручивать, движение корабля после того, как его перестали тянуть. Буридан предположил, что первоначальный двигатель, приводящий тело в движение, сообщает ему некую дополнительную силу (напор, стремление, «импетус»), которая обеспечивает движение тела после прекращения воздействия двигателя. Чем быстрее движется тело, тем более сильный «импетус» запечатлен в нем. При броске камня бросающий вкладывает в него

дополнительную силу – «импетус». С помощью данной силы камень продолжает движение после прекращения броска. Постепенно, в связи с сопротивлением воздуха, «импетус» ослабевает, движение камня становится медленнее, под действием собственной тяжести камень меняет направление, заданное бросающим, и падает.

Согласно теории Буридана «импетус» постоянен, он ослабевает лишь под воздействием среды. В случае движения тела в среде без сопротивления полученный телом «импетус» позволит ему двигаться с постоянной скоростью бесконечно долго. Кроме того, данная сила зависит от количества материи (в современном понимании – массы). Плотное и тяжелое тело получает больший «импетус», чем легкое и разреженное. Важным следствием теории стало объяснение ускоренного падения тяжелых тел. Феномен объяснялся тем, что в момент падения на тело действуют две силы: тяжесть, являющаяся сама по себе двигателем при таком движении, и «импетус», сообщенный тяжестью и увеличивающийся постоянно пропорционально росту скорости падения [19, с. 274].

В XV в. теория «импетуса» получила широкое распространение, а к XVI в. стала господствующей в научном сообществе. В ней многие исследователи увидели предвосхищение положений механики Нового времени, в частности закона об инерции тела [14, с.35].

В отличие от средневековой Европы в арабо-мусульманском мире положение науки и философии было несколько иным. С VII по XII в. произошел расцвет науки и техники, исламский мир воспринял, освоил античную философию и ряд научно-технических знаний, а позже донес эти идеи до европейцев. Выдающихся успехов добился персидский ученый Абу Рейхан Муххамед ибн Ахмед аль-Бируни. Ему принадлежит создание первой модели Земли (глобуса). С помощью математических расчетов он доказал, что Земля круглая и на другой части земного шара есть материк. Считается, что он первым среди ученых Востока высказал мысль, что Земля движется вокруг Солнца. Труды аль-Бируни по астрономии впоследствии были использованы Г. Галилеем.

Аль-Бируни критиковал учение Аристотеля о движении. Опираясь на результаты экспериментов, он утверждал, что все без исклю-

чения тела стремятся к центру Земли, а более тяжелые движутся быстрее. Он признавал существование пустоты и возможность движения в ней, ссылаясь в качестве подтверждения на опыт с перевернутым сосудом, помещенным в воду вверх дном [22, с. 152–153].

Персидский философ и медик Ибн Сина (Авиценна) внес значительный вклад в развитие учения о движении. Он полагал, что движение существует объективно и является неотъемлемым свойством материи. Движение в пространстве выступает частным случаем общей категории движения. Он обращал внимание на то, что тело не может перемещаться с одного места на другое посредством единственного толчка, поскольку оно состоит из частей и, следовательно, частями отделяется от своего места. Им было сформулировано понятие скорости как «количества между началом предыдущего и окончанием последующего». Мерой скорости, полагал Ибн Сина, можно измерить расстояние [22, с. 154].

Представляют интерес динамические взгляды Ибн Рушда (Аверроэса) – наиболее известного на Востоке комментатора Аристотеля. Согласно его концепции материальный мир бесконечен во времени, но ограничен в пространстве. Движение вечно, непрерывно, каждое новое движение имеет своей причиной предыдущее. Универсальный источник движения – материя. Время существует и доступно измерению только благодаря движению. Природу движения Ибн Рушд сравнивал с распространением кругов на воде от места, в которое брошен камень. По его мнению, движение поддерживается проникновением частиц среды в движущееся тело. Среда обладает свойствами сжимаемости и упругости. Не будь частичного взаимопроникновения, движение передавалось бы мгновенно до пределов Вселенной. Если бы среда была лишена упругости, не было бы передачи движения, происходило бы вытеснение объема среды, равного объему движимого тела [22, с. 159–160].

Ибн Рушд пытался дать объяснение феномену магнитной силы. Он полагал, что естественный магнит искажает ближайшее пространство в соответствии с его формой. Искаженная область среды, ближайшая к магниту, в свою очередь, искажает ближайшее к ней пространство. И так до тех пор, пока ис-

кажения не достигают железа. В данной мысли прослеживается идея магнитного поля как особой формы материи [23, с. 26].

Несмотря на господство христианской идеологии и критику античной науки и философии, средневековое общество приняло технические достижения предшественников. Кроме того, были открыты новые способы использования энергии воды и ветра. В это время получили широкое распространение водяные и ветряные мельницы. Водяные колеса стали заметным явлением в Западной Европе уже в IX в. Ветряные мельницы с горизонтальной ориентацией были известны в различных частях Франции и Юго-Восточной Англии в начале XII в. В XIII в. появились конструкции мельниц, в которых все здание поворачивалось навстречу ветру. Ветряные и водяные мельницы использовались в Западной Европе вплоть до изобретения двигателей внутреннего сгорания и электрических двигателей [24, с. 282].

Механизация ручного труда стала возможной благодаря двум техническим изобретениям – кривошипу и маховику. Кривошип – устройство, позволяющее превращать вращательное движение в возвратно-поступательное и наоборот. Маховик – тяжелое маховое колесо, позволяющее обеспечить равномерное поступательное вращение. Появление кривошипа и маховика стало толчком для технологических усовершенствований, затронувших все сферы хозяйственной жизни. Появилась возможность заставить воду работать не только в мельницах, но и приводить в действие различные машины: точильные камни, механические решета для просеивания муки, молоты в кузницах, машины в сукновальных и сыромятных цехах. К началу XII в. такие машины были распространены по всей Европе. Маховик послужил основой ряда технических изобретений Нового времени. В период промышленной революции Д. Уатт применил маховик в паровой машине для выравнивания движения и преодоления мертвых положений поршня [24, с. 282].

Особое место среди военных изобретений в Средние века занимали «греческий огонь» и порох. Химическая смесь под названием «греческий огонь» была изобретена в Византии в VII в. техником Каллиником. Она состояла из смолы, нефти, извести, селитры и серы.

В морских сражениях «греческий огонь» выбрасывался из специальных сифонов-огнеметов, при осаде и обороне городов использовался в глиняных сосудах.

Принято считать, что порох был изобретен в Китае. Китайский алхимик и медик Сунь Сымяо, живший в VII в., в одном из своих трактатов написал, что нагревание смеси из селитры, серы и древесного угля приводит к взрыву. Эта смесь не использовалась для военных целей. Селитра применялась в лечебном деле, ее смешивали с другими веществами (например, с медом) и поджигали, получая «целебный дым». Из Китая секрет изготовления пороха попал на Ближний Восток, где арабские мастера создали первую пушку, стрелявшую камнями. Первая книга, в которой подробно описывался процесс изготовления черного пороха с указанием правильного количественного соотношения элементов, была написана ученым Мамлюкского султаната Хасаном аль-Раммаха. Эта работа дала толчок развитию пушек и ракет. Первым европейцем, открывшим секрет получения пороха, стал немецкий монах Б. Шварц, случайно получивший пороховую смесь в ходе алхимических экспериментов. Рецепт пороха впервые был записан Р. Бэконом.

Уровень технологического развития, которого достигло средневековое общество к своему закату, был настолько значительным, что некоторые исследователи говорят о «технической революции», суть которой сводится к широкому использованию сил ветра, воды и животных. Подразумеваемая техническую революцию, известный ученый-медиовист Л. Уайт справедливо утверждал, что главным достижением средневекового общества были не католические соборы и не схоластика, а создание «сложной цивилизации», не основанной на рабском труде [24, с. 280–283].

Однако развитие техники происходило исключительно опытным путем. Устройства, механизмы и химические смеси создавались на основе практических знаний и экспериментов. Способы создания не подвергались научному осмыслению. Существующая система знания не давала понимания происходящих физических и химических процессов. Подход к объяснению оставался тем же, как в Античности: считалось, что это свойство изобретенных машин и конструкций, а не действия физических сил или химических реакций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы отдаем себе отчет в том, что энергетика как целостная система знаний возникла только в XIX в. Нет никаких оснований вести речь о том, что в эпоху Античности и в Средние века появились научные либо философские взгляды на феномен энергии, и говорить о влиянии таких взглядов на государство и общество. Однако представления о природе энергии (как в философском, так и в научном аспекте), сформировавшиеся в XIX и XX в., не могли появиться внезапно, сами по себе. Им предшествовал длительный период накопления знаний и опыта, совершения открытий и преодоления заблуждений. Каждый шаг на этом пути имел значение.

Современное философское понимание энергии, определение ее научно-правовой природы должны основываться на исследованиях и концепциях, сформировавших представление о таких категориях, как время, пространство, материя, движение, сила, а также научных открытиях в сфере механики, оптики, термодинамики, электротехники. Указанные изобретения заложили фундамент для физической науки и натуральной философии, без которого современное понимание энергии невозможно.

Учения античных философов в большей степени касались вопросов происхождения вещей и явлений, устройства Вселенной. Исследуя окружающий мир, они пытались понять, что движет миром, заставляет вещи изменяться. Большинство античных учений объединяет мысль о том, что существующие вещи не могут появиться «из ничего» (пустоты) и не могут бесследно исчезнуть; они преобразуются в другие субстанции. Указанная мысль означает, что ученые Античности в той или иной степени подошли к законам сохранения вещества и энергии и создали представление о причинно-следственных связях в природе.

Следует обратить внимание на учение Гераклита об огне и философскую концепцию атомистов (Левкиппа, Демокрита). Гераклит утверждал, что происхождение всех окружающих предметов так или иначе связано с огнем, под которым он понимал процесс горения. Левкипп и Демокрит утверждали, что все вещи состоят из атомов, неделимых и неуничтожимых, а изменения вещей представляют

собой лишь комбинации атомов. Наука доказала, что огонь не является самостоятельной субстанцией. Он возникает в процессе химической реакции окисления, сопровождающейся выделением большого количества тепла. При этом происходит не разрушение, а лишь преобразование материи. В результате горения химические элементы образуют новые комбинации, но каждый атом, который существовал до горения, существует и после этого процесса, что стало подтверждением атомистической теории.

Этот взгляд господствовал до открытия радиоактивности, когда было доказано, что атомы способны разлагаться. Ученые изобрели более мелкие единицы, названные электронами и протонами, из которых состоят атомы. Однако оказалось, что протоны и электроны могут сталкиваться и взрываться, образуя вместо новой материи волны энергии, которая распространяется во Вселенной со скоростью света. В результате энергия заменила собой материю в качестве вечного начала [11, с. 85]. Таким образом, наука дала дальнейшее развитие положениям философии Гераклита и атомистического учения. Более того, ученые подтвердили, что эти положения в философском понимании соответствуют действительности. При этом если учение атомистов было переосмыслено после открытия радиоактивности, то выводы Гераклита остаются актуальными до настоящего времени. Волны энергии, как и сам процесс их образования из материи, при определенных допущениях можно отождествлять с гераклитовым огнем.

Большое значение имеет также выдвинутая идея о существовании пустого пространства, которая в будущем привела к открытию вакуума, понимаемого современной наукой как особая форма материи. Философские принципы атомистов выступали в качестве универсального метода интерпретации и обоснования всех имеющихся знаний о мире. Предельная простота и ясность данной философской системы обусловили ее воздействие на развитие философской мысли вплоть до конца XX в. Данное учение постоянно привлекало к себе внимание как философов, так и ученых, поскольку помогало дать естественное объяснение разнообразным природным явлениям [12, с. 143].

Попытки милетских философов найти «начало всех начал» фактически имели своей целью постижение сути вещей, их всеобщего единства, нахождение универсальных закономерностей развития явлений окружающего мира. Они рассматривали данную проблему исключительно с материалистических позиций, принимая в качестве «начала всех начал» ту или иную материю, определенную или неопределенную материальную стихию. В понимании большинства натурфилософов эта стихия должна быть не только той первоосновой, из которой все появляется, но и тем движущим фактором, который заставляет изменяться окружающие вещи.

В конце XIX – начале XX в. ученые-физики, сторонники философского направления энергетизма, отвечая на вопрос о «начале всех начал», укажут, что субстанциональной и динамической основой мира является энергия [25, с. 441–442]. В начале XX в. популярной среди ученых станет мысль о том, что все силы природы, способные производить перемену в чем-либо, представляют собой разные виды энергии [26, с. 4].

Таким образом, философская проблема поиска «начала всех начал» через несколько десятков веков привела к мысли о том, что первоосновой окружающего мира является энергия. Мы полагаем, что именно данный философский взгляд на природу энергии отражает ее роль в современном мире, подчеркивает ее высокое социальное значение. Современного человека повсюду окружают те или иные виды энергии.

Следует признать, что большинство гипотез о природе энергии, ее свойствах и роли в мире, господствующих в современной философии, первоначально были выдвинуты в эпоху Античности. Необходимо отдать должное изобретательности древних философов в абстрактных вопросах.

В Средние века новых философских концепций и научных представлений об энергии, ее видах и источниках образования не возникло. Философы занимались пересмотром и критикой трудов античных мыслителей, в основном Аристотеля. Однако средневековые мыслители внесли существенный вклад в изучение вопросов, касающихся таких категорий, как пространство, время, движение, за-

тронутых античной философией, но оставленных без ответа. Они сформулировали многие понятия и положения, близкие к тем, что впоследствии были приняты физической доктриной Нового времени.

Научно-философские взгляды в Античности и Средневековье были далеки от формирования целостных представлений об энергии, однако они повлияли на практическое

освоение различных видов энергии. Механические устройства, изобретенные древними греками и римлянами, стали неотъемлемой частью хозяйства и использовались в интересах обороны и расширения государственных границ, а значительный уровень технологического развития средневекового общества был достигнут во многом благодаря использованию энергии ветра и воды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маслова О.С. К вопросу об особенностях нормативного закрепления понятия «энергетическая безопасность» в национальном законодательстве Российской Федерации / О.С. Маслова // Юридический мир. – 2015. – № 10. – С. 31–35.
2. Свирков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии : монография / С.А. Свирков. – Москва : Статут, 2013. – 249 с.
3. Новиков А.С. Понятие энергии в российской науке / А.С. Новиков, А.Т. Табунщиков [Электронный ресурс]. – URL: <https://core.ac.uk/display/151221847> (дата обращения: 01.11.2023).
4. Василькова С.В. Понятие энергии в праве / С.В. Василькова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 4. – С. 84–89.
5. Алексеев Г.Н. Энергоэнтропика : монография / Г.Н. Алексеев. – Москва : Знание, 1983. – 192 с.
6. История электротехники : монография / Я.А. Шнейберг, О.Н. Веселовский, К.С. Демирчан и др. ; под общ. ред. И.А. Глебова. – Москва : Изд-во МЭИ, 1999. – 524 с.
7. Шнейберг Я.А. История выдающихся открытий и изобретений (электротехника, электроэнергетика, радиоэлектроника) : монография / Я.А. Шнейберг. – Москва : Издательский дом МЭИ, 2009. – 118 с.
8. Алексеев Г.Н. Энергия и энтропия : монография / Г.Н. Алексеев. – Москва : Знание, 1978. – 192 с.
9. Трубецкой С. Метафизика в Древней Греции : монография / С. Трубецкой. – Москва : Склад издания у А. Ланге, 1890. – 517 с.
10. Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики : монография / Г.В. Драч. – Москва : Гардарики, 2003. – 318 с.
11. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней : монография / Б. Рассел. – Москва : Академический проспект : Фонд «Мир», 2001. – 1008 с.
12. Надточаев А.С. Философия и наука в эпоху античности : монография / А.С. Надточаев. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
13. Григорян А.Т. Механика от античности до наших дней : монография / А.Т. Григорян. – Москва : Наука, 1974. – 479 с.
14. Исторические типы рациональности : монография / отв. ред. П.П. Гайденко. – Москва : Институт философии РАН, 1996. – Т. 2. – 348 с.
15. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – Москва : Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
16. Кравченко А.Ф. История и методология науки и техники : монография / А.Ф. Кравченко. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 2005. – 360 с.

REFERENCES

1. Maslova O.S. Revisiting features of enshrining the energy security concept in the national legislation of the Russian Federation. *Yuridicheskij mir = Juridical World*, 2015, no. 10, pp. 31–35. (In Russian).
2. Svirkov S.A. The main problems of civil regulation of energy turnover. Moscow, Statut Publ., 2013. 249 p.
3. Novikov A.S., Tabunshchikov A.T. The concept of energy in Russian science. Available at: <https://core.ac.uk/display/151221847>.
4. Vasilkova S.V. The concept of energy in law. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2020, no. 4, pp. 84–89. (In Russian).
5. Alekseev G.N. Energy entropics. Moscow, Znanie Publ., 1983. 192 p.
6. Shneyberg Ya.A., Veselovsky O.N., Demircan K.S. et al.; I.A. Glebov (ed.). History of electrical engineering. Moscow Power Engineering Institute Publ., 1999. 524 p.
7. Shneiberg Ya.A. History of outstanding discoveries and inventions (electrical engineering, electrical power engineering, radio electronics). Moscow Power Engineering Institute Publ., 2009. 118 p.
8. Alekseev G.N. Energy and entropy. Moscow, Znanie Publ., 1978. 192 p.
9. Trubetskoy S. Metaphysics in Ancient Greece. Moscow, Sklad izdaniya u A. Lange Publ., 1890. 517 p.
10. Drach G.V. The birth of ancient philosophy and the beginning of anthropological problems. Moscow, Gardariki Publ., 2003. 318 p.
11. Russell B. History of Western philosophy and its connection with political and social conditions from antiquity to the present day. Moscow, Akademicheskij prospekt Publ., Fond «Mir» Publ., 2001. 1008 p.
12. Nadochaev A.S. Philosophy and science in the era of antiquity. Moscow State University Publ., 1990. 288 p.
13. Grigoryan A.T. Mechanics from antiquity to the present day. Moscow, Nauka Publ., 1974. 479 p.
14. Gaidenko P.P. (ed.). Historical types of rationality. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996. Vol. 2. 348 p.
15. Aristotle. Works. Moscow, Mysl' Publ., 1976. Vol. 1. 550 p.
16. Kravchenko A.F. History and methodology of science and technology. Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005. 360 p.

17. Рожанский И.Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи : монография / И.Д. Рожанский. – Москва : Наука, 1988. – 448 с.
18. Предисловие издателя Рожера Кортеса ко второму изданию начал // Ньютон Исаак Математические начала натуральной философии. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 1–2.
19. Гайдено В.П. Западноевропейская наука в Средние века: общие принципы и учение о движении : монография / В.П. Гайдено, Г.А. Смирнов. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 352 с.
20. Покровский Н.Б. Последний схоластик: жизнь и учение Уильяма Оккама / Н.Б. Покровский // Личность и культура. – 2012. – № 2. – С. 73–75.
21. Марикур П. Послание о магните / П. Марикур // Труды Института истории естествознания и техники : сборник статей. – Москва : Академия наук СССР, 1959. – Т. 22. – С. 56–82.
22. Рожанская М.М. Механика на средневековом Востоке : монография / М.М. Рожанская. – Москва : Наука, 1976. – 324 с.
23. Карцев В.П. Магнит за три тысячелетия : монография / В.П. Карцев. – Москва : Энергоатомиздат, 1988. – 190 с.
24. История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 1. Философия древности и средневековья : монография / под ред. Н.В. Мотрошиловой. – Москва : «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1995. – 480 с.
25. Новая философская энциклопедия : в 4 т. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 4. – 469 с.
26. Карпентер В. Энергия в природе. Публичные чтения : монография / В. Карпентер. – Санкт-Петербург : Издание Л.Ф. Пантелеева, 1885. – 176 с.
17. Rozhansky I.D. History of natural science in the era of Hellenism and the Roman Empire. Moscow, Nauka Publ., 1988. 448 p.
18. Preface by the publisher Roger Cortes to the second edition of the principles. Newton Isaac Mathematical principles of natural philosophy. Moscow, LENAND Publ., 2017, pp. 1–2. (In Russian).
19. Gaidenko V.P., Smirnov G.A. Western European science in the Middle Ages: general principles and the doctrine of movement. Moscow, LENAND Publ., 2015. 352 p.
20. Pokrovsky N.B. The last scholastic: the life and teachings of William Ockham. *Lichnost' i kul'tura = Personality and Culture*, 2012, no. 2, pp. 73–75. (In Russian).
21. Maricourt P. Message about the magnet. Proceedings of the Institute of History of Natural Science and Technology. Collection of articles. Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959. Vol. 22, pp. 56–82. (In Russian).
22. Rozhanskaya M.M. Mechanics in the medieval East. Moscow, Nauka Publ., 1976. 324 p.
23. Kartsev V.P. Magnet during three millennia. Moscow, Energoatomizdat Publ., 1988. 190 p.
24. Motroshilova N.V. (ed.). History of philosophy: West – Russia – East. Moscow, «Greko-latinskij kabinet» Yu.A. Shichalina Publ., 1995. Pt. 1. 480 p.
25. New Philosophical Encyclopedia. Moscow, Mysl' Publ., 2010. Vol. 4. 469 p.
26. Carpenter V. Energy in nature. Public readings. Saint Petersburg, L.F. Panteleev Publ., 1885. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петров Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права;

Юнусов Алексей Маликович – кандидат юридических наук, адвокат.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrov Alexander Vasilievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law;

Yunusov Alexey Malikovich – Candidate of Sciences (Law), Lawyer.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 20.10.2023. The article was submitted 01.10.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication 20.10.2023.

Научная статья
УДК 1:001; 340
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.5

Original article

ПУЧКОВ Олег Александрович
Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: poa001@usla.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-5039-0594>

PUCHKOV Oleg Aleksandrovich
Ural State Law University named after
V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА И НОВЫЕ ЗАДАЧИ ПРАВА

SOME ISSUES OF THE SCIENTIFIC WORLDVIEW AND THE NEW CHALLENGES FOR THE LAW

Аннотация. В статье рассматриваются важнейшие тенденции развития современной научной картины мира во взаимосвязи с правом. Предпринята попытка установить некоторые новые параметры современной научной картины мира: изменившийся статус познающего субъекта, утрата во многом привычного чувственно-образного ее восприятия, появление нового симбиоза материального и идеального, не охватываемого непосредственным восприятием органами чувств. Обращено внимание на то, что в праве по-прежнему не определены важнейшие категории, обозначающие этот симбиоз: сигнал, (в том числе доэфирный сигнал), сетевой сигнал, код. Целью работы является установление корреляции между новыми явлениями в современной научной картине мира и правом. Используются методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной логики, формально-юридический метод, метод экстраполяции. Материалами для исследования послужили труды ученых в сфере физики, квантовой физики, философии, теории права, а также результаты научных исследований автора статьи по вопросам физической сущности сетевого пространства, математизации, цифровизации и стандартизации права. Сделан вывод о том, что код, сигнал, сетевой сигнал не являются физическими объектами в привычном для всех понимании. Это новое физико-идеальное (символьное) явление, не исследованное ни физиками, ни правоведами. Код является системой записи, он наполняет запись определенным смыслом и содержанием, представляет собой совокупность материального и идеального, лежащего поверх электрического сигнала, и при этом он способен изменить физические свойства сигнала.

Ключевые слова: научная картина мира, синкретизм, синергия, статус познающего субъекта, единство материального и идеального, сигнал, код, эфир, доэфирный сигнал, физико-идеальное явление, часть, целое

Abstract. The article examines the most important trends in the development of the modern scientific worldview in connection with the law. The article attempts to establish some new parameters of the modern scientific worldview: the changed status of the cognizing subject, the loss of the habitual sensory-figurative perception of it, the emergence of a new symbiosis of material and ideal, not directly affected by the senses. Attention is drawn to the fact that the law still does not define the most important categories denoting this symbiosis: signal (including pre-air signal), network signal, code. The purpose of the work is to establish a correlation between new phenomena in the modern scientific worldview and law. Methods: description, interpretation, theoretical methods of formal logic, formal legal method, extrapolation method. The research materials are the works of scientists in the field of physics, quantum physics, philosophy, theory of law, as well as the results of the author's scientific research on the physical essence of network space, mathematization, digitalization and standardization of law. It is concluded that a code, a signal, a network signal are not physical objects in the common sense. This is a new physical-ideal (symbolic) phenomenon, which has not been studied by either physicists or legal scholars. The code is a recording system; it fills the record with a certain meaning and content. It is a combination of material and ideal lying on top of the electrical signal and at the same time, it is capable to change the physical properties of the signal.

Keywords: scientific worldview, syncretism, synergy, status of the cognizing subject, unity of material and ideal, signal, code, air, pre-air signal, physical-ideal phenomenon, part, whole

© Пучков О.А., 2023

Для цитирования: Пучков О.А. Некоторые вопросы научной картины мира и новые задачи права / О.А. Пучков. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 41–49.

For citation: Puchkov O.A. Some issues of the scientific worldview and the new challenges for the law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 41–49. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.5.

ВВЕДЕНИЕ

Для современных исследователей разных областей наук научная картина мира (далее – НКМ) – это не только целостная система представлений об общих закономерностях природы и общества (этот процесс связан с обобщением естественнонаучных понятий и принципов), но чувственно-образное представление о мире, которое, как показала современная научная действительность, далеко не всегда укладывается в параметры концептуального представления о нем.

Между тем ни у кого не вызывает сомнений, что НКМ создает условия и является эвристическим катализатором для фундаментальной научной теории, хотя сама по себе не является таковой. Это связано с тем, что НКМ отражает объект, «отвлекаясь от процесса получения знания»¹, а следовательно, и от логических методов и средств систематизации знаний об объекте исследования. Это, в свою очередь, не может не отразиться на чувственно-образном восприятии НКМ именно в современной действительности.

КРАТКИЙ ИСТОРИКО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЭКСКУРС ОСМЫСЛЕНИЯ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Нашей задачей является не столько анализ близких по предмету исследования сфер картин мира (например, биологической, физической, астрономической и др.), сколько максимально обобщенный анализ современной НКМ, который позволит выявить новые процессы, происходящие в ней, и, следовательно, определить задачи, возникающие в современном праве. В этой связи позволим себе сделать небольшой экскурс в историю вопроса. Прежде всего, обратим внимание на тот факт, что рассматривать НКМ можно лишь начиная с XVI–XVII вв., когда стало развиваться научное естествознание, которое и подвигло челове-

ство к осознанию единства мира и взаимообусловленности его структурных элементов.

Так, если на начальных этапах своего развития НКМ базировалась на актуализации понятий «материя», «движение», «пространство», «время», «вещество», удачно вписавшихся в чувственно-образную сферу НКМ (прежде всего, на основе концептуального анализа научного естествознания), то уже в XVII–XIX вв. диапазон чувственно-образного восприятия НКМ заметно сузился, так как фактически свелся к разделу физики – классической механике.

Обратим также внимание на тот факт, что в современных исследованиях огромное значение придается синкретизму и синергии наук, направлениям, концепциям, доктринам и т. п., якобы способствующим становлению и познанию НКМ. Более того, синергия рассматривается как революционный прорыв в познании мира [см., например: 1; 2; 3].

Позволим себе не согласиться с таким подходом. Синкретизм – это нерасчлененность, смешение, слияние порой совершенно разнородных элементов. Это, скорее всего, обыденное (житейское) восприятие НКМ. Современные увлечения исследователей синергетикой, понимаемой как совместное действие, взаимодействие, приносит порой больше вреда, чем пользы для определения содержания и восприятия современной НКМ. Так, к примеру, И.П. Малинова задается вопросом: что дает юридической науке применение в ходе научного познания понятия «синергия», и приходит к выводу, что она «служит средством выявления факторов упорядочения социальных процессов, их согласования в сфере правового регулирования, что, в свою очередь ... позволяет выстраивать «программы-навигаторы» развития социальных процессов и методов позитивного влияния на них ... внести необходимые коррективы в формирование причин и последствий юридических процессов в обществе» [4, с. 18]. Думается, такое утверждение не имеет под собой никаких объективных оснований. Каким образом, например, математика

¹ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 407.

может «усилить» правоведение или, наоборот, правоведение «усилить» математику? Полагаем также, что даже в социальных процессах, обладающих значительным синкретизмом и синергетикой, современная НКМ «не работает» в силу того, что эти взаимодействия носят в значительной мере надуманный характер. Обратимся в этой связи к междисциплинарному подходу в современном правоведении, выразившемуся в математизации, стандартизации и цифровизации. В своей статье автор ранее уже обращался к этому вопросу [5, с. 12], в результате чего были получены следующие выводы.

Во-первых, синкретические и синергетические установки в современных правовых исследованиях в действительности не способствуют конвергенции знания, поскольку у правоведов отсутствует понимание их методологической сущности. Отметим, что синкретизм (понимаемый как неразвитость, нерасчлененность на первых этапах развития чего-либо) и синергия как методологические модели находятся в отношении диалектического взаимодействия. Синкретический подход в исследовательских практиках, с одной стороны, способен приобретать некоторые синергетические свойства: синкретическое представление объекта позволяет в процессе его формирования раскрыть его взаимодействия и взаимосвязи с другими объектами в рамках их объектного единства. Синергия же рассматривает это взаимодействие концептуально, на уровне выстраивания методов научного познания. Обратим внимание, что происходит выстраивание методов (ведущий из них – метод экстраполирования), а не методологии познания. С другой стороны, синергия, на первый взгляд, потенцирующая научное знание и познание, способна вновь вернуться к синкретическому началу, поскольку синергетическая модель объекта неизбежно ведет к его представлению как чего-то целого, единого, нерасчлененного, а следовательно, синкретического. Это своеобразная цикличность в познании, которая не учитывается исследователями междисциплинарного подхода. В результате чрезмерного увлечения междисциплинарным подходом, в основе которого лежит методологическая связь разных наук и научных направлений, синкретизм снова обретает свое первоначальное состояние нерасчлененности, но уже на основе синергии.

Во-вторых, применение в правоведении математического подхода и методов естествознания, ошибочно трактуемых как методологически единые, представляет собой неоправданную «механическую» методологическую экстраполяцию.

Отсутствие понимания существенной разницы методологического аппарата математики и права и порождает неоправданные попытки обосновать понятия «алгебра поступков», «правовой интеграл» и т. п., которые в области правоведения не имеют действительного онтологического основания. Отметим, что, в отличие от права, математика не имеет собственного объекта исследования. В ее основе лежит функция – формализация окружающего мира. Как в свое время верно определил Г.П. Щедровицкий, «функция не имеет собственной объективной жизни: она есть лишь форма проявления связи; соответственно, чтобы исследовать и понять какую-либо функцию, фиксированную первоначально в виде свойства предмета, нужно перейти от этого предмета к более сложному целому, элементом которого этот процесс является; иначе говоря, исследовать определенную функцию какого-либо предмета – значит исследовать определенные связи, в которых этот предмет существует внутри более сложного целого» [цит. по: 6, с. 83]. Таким образом, математика будет способна формализовать право в рамках более сложного объекта. При этом возникают вопросы: какого? и насколько это возможно?

В-третьих, методологически необоснованным является введение так называемых правовых стандартов (к примеру, «антикоррупционного стандарта»), поскольку любой стандарт всегда означает информационное, алгоритмическое, лингвистическое и организационное обеспечение. Отметим при этом, что это подразумевает не просто соединение методологии информационных процессов, методологии построения алгоритма, методологии лингвистического анализа и методологии организационного процесса, а моделирование востребованности этих методологий на уровне правового мышления и правового анализа, достижение которого не всегда возможно в судебной и правоприменительной практике.

В-четвертых, не критичное отношение к эпистемологической специфике цифровиза-

ции, феноменам цифрового общества подчас приводит юристов к неоправданному выводу о том, что внедрение цифровых технологий в социально-правовую сферу – это процесс, по своей сущности ничем не отличающийся от прежних революционных этапов развития производства, как, например, механизация труда. В такой логике специфика цифровизации как таковая нивелируется, а основные контексты юридического осмысления феноменов цифрового общества становятся не понятными, а терминологическими.

Приведем в этой связи в обоснование нашей позиции следующее суждение: «общие признаки различного рода цифровых объектов (криптовалюта, смарт-контракт, виртуальное имущество и т. п.) и традиционной системы объектов гражданских прав определяются исследователями исходя из их терминологического соответствия (имущество – виртуальное имущество, валюта – криптовалюта), но вместе с тем такое механическое присоединение цифровым объектам свойств, присущих традиционным объектам гражданских прав, только исходя из идентичности терминов, которыми обозначаются и те и другие, видится нам совершенно необоснованным методологически» [7, с. 41]. Аналогичной позиции придерживается В.А. Белов, справедливо полагающий, что в этом случае происходит подмена содержания явления его логико-языковой формой [8, с. 256].

«СУЖЕНИЕ» СРЕДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НКМ КАРТИНЫ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Этот анализ свидетельствует о специфике современной научной картины мира, когда налицо «сужение» среды существования в ней картины правовой действительности. Она не подвержена обычной конвергенции, она самостоятельна, ибо отсутствие самостоятельности – это гибель любой науки или научного знания. Это отнюдь не означает, что современное право не испытывает влияния любых процессов, происходящих в материальном мире, но анализ этих процессов должен осуществляться на правовых принципах, законах и методах познания. Как отмечает В.О. Пучков, правовая методология имеет такие характеристики, которые отсутствуют у других на-

ук, даже находящихся на стыке с правом. К их числу автор отнес нормативность. «Методология как учение об организации деятельности структурно состоит, таким образом, из методологических дозволений, методологических обязываний и методологических запретов, которые в совокупности образуют методологические нормы, конструирующие организацию деятельности» [9, с. 29].

В связи с изложенным полагаем, что выделять как отдельную науку «методологию знания» вряд ли целесообразно в связи с серьезной спецификой отраслевых наук. В ходе дальнейшего раскрытия поднимаемой нами проблемы мы приведем примеры влияния физики и биологии на современное право и определим, готово ли право ответить на эти, на наш взгляд, революционные воздействия.

Итак, материальный мир с его бытийными характеристиками всегда «работал» на научную картину мира, постепенно поверяя ей свои тайны и проблемы. Но при этом с чувственно-образным восприятием картины мира серьезных проблем не было. Это восприятие было, как говорится, налицо. Так, по этому поводу весьма образно выразился Тьерри де Дюв: нужно «уступить, отдав энтропии материю, над которой она так или иначе властна, – материю наших монументов и документов, камень наших храмов и масла наших картин, бумагу наших книг, чувствительную эмульсию фотоснимков и ацетат магнитных лент» [10, с. 136–137]. В чувственно-образном восприятии мира есть главное, что отличает его от научного постижения и восприятия, – мир воспринимается не фрагментарно, а целиком, в единстве всех его способов восприятия: материально-чувственного, образного, ментального, интуитивного.

НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ НКМ. СЕТЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО НЕ ТОЛЬКО КАК ФИЗИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В отличие от предыдущих периодов развития НКМ современная НКМ, по многим параметрам утрачивая очевидность, наполняется ранее неизвестным для НКМ содержанием – неким субстратом материального и идеального, не охватываемого непосредственно восприятием.

Не случайно цифровизация в сознании

пользователей сети Интернет – это не что иное, как постоянный поиск симуляции объективной реальности. Код, сигнал, эфир не воспринимаются как реальность и не могут восприниматься в рамках чувственно-образного восприятия. Отсюда постоянный поиск, к примеру, в компьютерных играх, симуляции движения, осязания, обоняния, причем максимально приближенных к реальному чувственному восприятию. Если бытовые мультимедийные компьютеры уже давно и успешно воздействуют на зрение, слух, осязание (пользователь ощущает, например, ускорение), то на восприятие запаха и вкуса до сегодняшнего времени кибериндустрия даже и не пыталась замахнуться. Обоняние – это самый древний орган чувств, возникший еще до зрения и осязания. Тем не менее благодаря американской компании DigiScents оцифровка запаха произошла. Было изобретено устройство iSmoll. Оно содержит более 100 ароматических веществ, которые по команде компьютера смешиваются, образуя нужные запахи. «По свидетельству разработчиков, iSmoll позволяет генерировать около 2 в 128 степени запахов, что уже сегодня дает возможность более чем наполовину решить задачу обеспечения полного спектра различаемых человеком запахов»².

В любом открытии в эру цифровизации, безусловно, таится новая угроза для человечества. Известны тысячи пользователей, которые коллекционируют компьютерные вирусы, и цель их действий может быть сокрушительной. Так и оцифровка запахов может поразить мир таким симбиозом запахов, который станет смертельным для человечества.

Но вернемся к нашему утверждению о том, что, несмотря на все попытки «не уйти» от чувственно-образного восприятия современной НКМ, мы получаем необычный субстрат материального и идеального, практически не поддающийся обычному восприятию путем задействованных человеком органов чувств. Более того, существенно изменилась роль познающего субъекта в ней. Объективность (или постулирование таковой) в познании современной НКМ в значительной степени была поколеблена в области квантовой физики. В работах А. Эйнштейна и Э. Шредин-

гера в начале XX в. «было включено понятие наблюдателя. В частности, в квантовой механике состояние частицы описывается суперпозицией двух состояний (например, спин направлен вверх и спин направлен вниз), то есть частица находится одновременно и в первом, и во втором состоянии. Но когда некто проводит измерение спина, то частица из чистого квантового состояния принимает одно определенное. Иначе говоря, наблюдатель, наблюдая квантовую систему, тем самым меняет ее состояние» [11, с. 5]. Еще более наглядно изменилась роль познающего субъекта в сетевом пространстве: он стал анонимен, в значительной степени безответственен, с утраченными культурно-этическими связями, лежащими в основе его идентичности.

Физическая сущность сетевого пространства тоже не совсем физическая с точки зрения восприятия его человеком. До сих пор правоведы не смогли дать определение таким явлениям цифровизации, как «информационный поток», «сигнал», «сетевое пространство», «код», «эфир» и др.

Так, к примеру, правовая природа сигнала исследована правоведами только с точки зрения защиты прав вещательных организаций. Согласно подп. 4 п. 2 ст. 1330 ГК РФ объектом права организаций эфирного вещания является не концерт, спектакль и т. д., а «сообщение передачи» в эфир, то есть процесс передачи сигнала (вещание).

Вместе с тем российский законодатель, уйдя от определения правового статуса сигнала как такового, не делает, по сути, никаких различий между вещательным и сетевым сигналом. Речь идет, к примеру, о п. 1 ст. 1300 ГК РФ, который устанавливает, что информацией об авторском праве признается любая информация, которая идентифицирует произведение, автора, иного правообладателя, содержит информацию об использовании произведения, которая содержится на экземпляре произведения, приложена к нему или появляется в связи с сообщением в эфир или по кабелю либо в связи с доведением произведения до всеобщего сведения, а также любые цифры и коды, в которых содержится такая информация.

Акцент на любые цифры и коды нивелирует различие между сигналом в вещательном пространстве и в целом в сетевом.

Если обладателем авторского права на

² Прохоров А. Компьютеры обретаю запах [Электронный ресурс]. URL: <http://compress.ru/article.aspx?id=9997> (дата обращения: 18.04.2023).

сигнал является вещательная организация, передающая его в эфир, то кто является обладателем авторского права на сетевой сигнал? Надо ли вообще устанавливать правовой режим сетевого сигнала? Ведь, в отличие от сообщения в эфир или по кабелю, в которых сигналы доступны лишь в ограниченный период времени, в сетевом пространстве наблюдается тотально присутствующий сигнал, который, на первый взгляд, внесубъектен с точки зрения определения его правообладателя.

В своих предшествующих исследованиях по этому вопросу мы уже обращали внимание на то, что сигнал – это ключевой элемент сетевого пространства. В 2006 г. был опубликован проект Договора ВОИС о передаче в эфир (ДВПЭ)³, который наряду с Римской конвенцией⁴ и Соглашением ТРИПС⁵ создали правовую основу охраны эфирного и в гораздо меньшей степени – сетевого сигнала. В проекте речь идет также и о правовой охране доэфирных сигналов. «По сравнению с Римской конвенцией положения Проекта касались организаций не только эфирного, но и кабельного вещания, предполагалась охрана прав, в том числе при вещании через спутники. Под охрану подпадали отсроченные передачи (передачи в эфир после записи), а также сигналы, предшествующие вещанию...» [12, с. 59]. Таким образом, речь ведется в том числе о доэфирных сигналах, которые, по нашему мнению, имеют одновременно нематериальный и материальный субстрат. Для того чтобы доэфирный сигнал был задействован, нужны технологические системы, эфирное время. Между тем до сих пор нет правовых понятий доэфирного сигнала, эфира как такового, эфирного времени и т. д. Кроме того, разные правовые режимы охраны сигналов не способствуют единообраз-

ному правовому воздействию на эти объекты. «Так, в государствах англо-американской правовой системы передачи охраняются как объекты авторского права и, по сути, представляют собой трансляцию; в государствах континентального права передача – это некое транслируемое содержание, нематериальное благо, состоящее из сигналов, несущих звуки и (или) изображение. Но это содержание составляют не произведения, а сигналы как особая форма, в которую преобразована программа, – звуки и (или) изображения» [12, с. 59]. Возникает проблема: что же подлежит правовой охране? Известно, что разработчики проекта активно обсуждали предложения о распространении положений договора на сетевое вещание (интернет-вещание).

Что же такое сетевой сигнал? Это организация передачи данных в компьютерной сети, которая осуществляется как взаимодействие сетевой карты (физического компонента) и ее драйвера (идеального логического компонента). Сетевой сигнал – это движение электронов, но при этом следует понимать, что это энергетическое поле утрачивает характеристики чисто физического объекта, привычного к восприятию хотя бы научным сообществом, поскольку к движению электронов добавляется код со своими специфическими идеальными характеристиками.

Мы полагаем, что сигнал в сетевом пространстве, являя собой его сущностную характеристику, представляет новое физико-символическое явление (субстрат материального и нематериального). Отметим, что сетевое пространство принято рассматривать как часть глобального информационного пространства, ограниченного рамками коммуникационных сетей, то есть прежде всего с точки зрения информационной инфраструктуры и информационных ресурсов. Технологии сетевого пространства (построения сети) сводятся к тому, чтобы связать друг с другом удаленные устройства электрически и информационно. То есть кабельная инфраструктура или беспроводная связь (физический интерфейс и канал передачи данных) лежит в основе логического интерфейса – набора правил, который определяет порядок обмена данными между устройствами в сети.

Известно, что любая информация передается в сеть в виде закодированного сигнала.

3 Проект договора ВОИС об охране прав вещательных организаций [Электронный ресурс]. URL: // https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_14/sccr_14_2.pdf (дата обращения: 19.09.2023).

4 Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 г.) [Электронный ресурс]. URL: // <https://docs.cntd.ru/document/58804834> (дата обращения: 06.10.2023).

5 Соглашение ТРИПС (англ. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, сокращенно TRIPS Agreement) – международное соглашение, входящее в пакет документов о создании Всемирной торговой организации [Электронный ресурс]. URL: // <https://wto.ru/about-WTO/WTO-agreements/> (дата обращения: 06.10.2023).

Именно он и управляет последовательностью электрических импульсов, которая соответствует передаваемым данным. Но что такое код с точки зрения физики? Это нечто лежащее поверх физического объекта.

Можно ли код рассматривать как физическое явление, то есть как проявляющее зримо свои сущностные свойства? Нам представляется, что ответ должен быть отрицательным. Ведь код – это совокупность знаков и (или) система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения⁶. При этом надо помнить, что код – это набор либо цифр, либо знаков, либо того и другого. Это нечто иное по сравнению с физическим, лежащее поверх электрического сигнала. Но без этого логико-символического электрический сигнал станет бессмысленным.

Таким образом, код является системой записи, наполняет эту запись определенным смыслом и содержанием. При этом он способен изменять физические свойства сигнала. Хотя об этих физических свойствах сигнала отсутствуют сведения в научной литературе, но не оспаривается факт, что движение электронов и является проявлением свойств сигналов. Ф.И. Перегудов и Ф.П. Тарасенко еще в конце 80-х годов XX в. предприняли попытку определить сущность сигнала, его виды и установили главное его свойство – непредсказуемость. Авторы сделали важный вывод о том, что «сигналы играют в системах особую, очень важную роль. Если энергетические и вещественные потоки, образно говоря, питают систему, то потоки информации, переносимые сигналами, организуют все ее функционирование, управляют ею» [13, с. 125].

Таким образом, «цифровая информация передается в сеть в виде закодированного сигнала, управляющего последовательностью электрических импульсов, которые, в свою очередь, соответствуют передаваемым данным. При этом цифровое кодирование использует либо потенциальные, либо импульсные коды. Импульсное кодирование, модуляция с присущими ему алгоритмами, заполняет сетевое пространство и начинает «жить» по своим законам» [14, с. 151].

⁶ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 603.

Именно в связи с этим при разработке законодательства о сетевом пространстве важно понимать физико-идеальное (символическое) значение этого явления, так как оно влияет на тактику расследования преступлений, совершаемых в сетевом пространстве, и на возможные ограничения, создаваемые сетевым пространством в силу его специфики.

Так, например, «если передаваемый сигнал продолжительное время не менял логической последовательности нулей и единиц, то это может привести к ошибке при считывании бит информации. Причина этого кроется в том, что невозможно будет разложить общий поток данных на отдельные составляющие и затем правильно собрать в буфере приемника их исходные структуры» [14, с. 153].

Таким образом, происходят сбои в сети, когда пропадают колоссальные объемы информации практически без возможности их восстановления. Но объективно получается так, что именно логическое кодирование внедряет свои биты в устойчивые последовательности бит, как правило, с противоположным значением либо заменяет их другими последовательностями.

Влияние новых явлений в современной НКМ на право

Как же на эти процессы может повлиять право? Какие права, дозволения и обязанности в этом случае будут определяться как самые эффективные в борьбе с этим явлением? С одной стороны, настала пора для первоочередного создания нового образовательного концепта – гуманитарно-естественнонаучного, в рамках которого правоведы будут постигать современные явления в научной картине мира и наиболее эффективным способом правовыми средствами нивелировать самые опасные из них. С другой стороны, физики, биологи и иные представители науки будут иметь возможность в результате совместной работы с правоведами выйти за устоявшуюся матрицу своих взглядов на современную картину мира и воспринимать ее более широко, с точки зрения специфики ее влияния на социальные, политические и правовые аспекты.

Объем статьи не позволяет углубиться в вопросы биоидеальных явлений в современной картине мира. Но обратим внимание

на тот факт, что вирусы, существующие в сети, ведут себя как полноценные биологические объекты, не являясь чисто физическими или биологическими явлениями на самом деле. Еще С. Хокинг, создавший «теорию всего», обращал на это внимание. Он назвал компьютерные вирусы «живыми». Хотя они, безусловно, не имеют обмена веществ, но успешно паразитируют на зараженном компьютерном устройстве. Зараженное сетевое пространство – это не что иное, как способ их существования. Эти вирусы проявляют способности к саморазвитию, подчиняются одной цели – разрушению. Как биологические вирусы, являясь неклеточной формой жизни, не проявляют себя как живые, пока не имеют возможности паразитировать внутри клетки, так и компьютерные вирусы «оживают», попадая в чужой ПК: они способны уничтожить всю операционную систему, удалить файлы, заблокировать пользователей и украсть их личные данные. И это неполный список их возможностей. Возможно, со временем они научатся уничтожать и пользователей сети. С. Хокинг вполне обоснованно доказал, что сетевой вирус – это новая форма жизни⁷. Не вызывает никакого сомнения, что это симбиоз физический и биоидеальный, где на равных началах присутствуют материальное и идеальное, что в значительной мере изменяет наши представления о современной НКМ. При этом важно понимать, что то, что создается в современном мире, отнюдь не часть целого. Если архитектура постулирует верховенство целого над частью, то квантовая физика – наоборот. «Замысловатая форма готического собора совсем не похожа на форму «кирпича», из множества которых он построен» [15, с. 90]. В квантовой же физике часть «богаче» целого. Мы имеем в виду факт, что ядро атома, разбиваясь в большом андронном коллайдере на кварки, образует более богатую по свойствам реальность, нежели

та, которую оно представляет. Более того, последние исследования в этой сфере физической реальности могут свидетельствовать об очередном ее парадоксальном явлении. Так, исследователи пришли к выводу, что в состав протона входит так называемый «очарованный» кварк, который в полтора раза больше самого протона. При этом вся масса кварка не поглощается протоном. Кварки не бывают полностью свободными, они всегда группируются и обладают собственными уникальными признаками в отличие от ядра атома.

Выводы

Таким образом, это тот результат, который представляет собой симбиоз реального и идеального, живущий теперь по своим законам, воздействующий на окружающий мир и, соответственно, на современную НКМ. При этом мы констатируем, что современная НКМ все более утрачивает свой чувственно-образный, так сказать, очевидный характер. Это нарастающий объективный процесс в современном мире. И право не может оказаться в стороне от этого вектора развития НКМ.

Складывающийся в современной картине мира устойчивый симбиоз материального и идеального должен стать одним из направлений изучения современным правом.

Синкретизм и синергетика, преподносясь как революционный прорыв в изучении современной картины мира, куда входит наука право, на самом деле таковыми не могут являться в силу существенной разницы методологического аппарата различных наук.

Существенно изменяется в современной действительности статус познающего субъекта как таковой, а следовательно, должен изменяться и его правовой статус. Назрела необходимость в создании нового направления в образовании – естественно-гуманитарного, в рамках которого только и возможен учет современным правом всех процессов действительности, по-прежнему остающихся за бортом правового воздействия.

⁷ Times сообщила о последнем страхе С. Хокинга [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20181015/1530639905.html> (дата обращения: 12.09.2023).

Список источников

1. Гаврилов О.А. Курс правовой информатики / О.А. Гаврилов. – Москва : Норма – ИНФРА-М, 2002. – 432 с.

REFERENCES

1. Gavrilov O.A. Course of legal informatics. Moscow, Norma – INFRA-M Publ., 2002. 432 p.

2. Кононов А.А. Общенаучная концепция системы права / А.А. Кононов // Известия вузов. Серия: Правоведение. – 2003. – № 3. – С. 12–21.
3. Ларионов И.К. Синергия государственно-правовых и воспроизводственных основ жизнедеятельности общества / И.К. Ларионов. – Москва, 2018. – 474 с.
4. Синергетика и герменевтика в правоведении и социально-правовом регулировании / под ред. А.Н. Кокотова, И.П. Малиновой. – Москва : Норма: Инфра-М, 2020. – 216 с.
5. Пучков О.А. Междисциплинарный подход в современном правоведении: математизация, стандартизация, цифровизация / О.А. Пучков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 2 (29). – С. 6–15.
6. Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии Организации, Руководства и Управления: хрестоматия по работам Г.П. Щедровицкого. – Москва : Дело, 2004. – 208 с.
7. Пучков В.О. Цивилистическая доктрина цифровой эпохи: методологические, теоретические и прикладные проблемы : монография / В.О. Пучков ; под ред. В.С. Бельх. – Москва : Проспект, 2020. – 272 с.
8. Белов В.А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора / В.А. Белов // Вестник гражданского права. – 2007. – № 4. – С. 239–258.
9. Пучков В.О. Методологические проблемы современной юриспруденции : монография / В.О. Пучков. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 317 с.
10. Дюв де Т. Именем искусства. К археологии современности / Т. де Дюв. – Москва : Изд-во Высшей школы экономики, 2014. – 192 с.
11. Знаковая картина мира субъекта поведения / Г.С. Осипов, Н.В. Чудова, А.И. Панов, Ю.М. Кузнецова. – Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2018. – 264 с.
12. Бузова Н.В. Международно-правовое регулирование отношений, связанных с объектами смежных прав: современное состояние и перспективы / Н.В. Бузова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 3. – С. 51–63.
13. Перегудов Ф.И. Введение в системный анализ : учеб. пособие для вузов / Ф.И. Перегудов, Ф.П. Тарасенко. – Москва : Высшая школа, 1989. – 367 с.
14. Пучков О.А. Физическая сущность сетевого пространства и право: некоторые методологические проблемы / О.А. Пучков // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 17. – С. 146–157.
15. Ильенков Э.В. Истоки мышления: диалектика идеального / Э.В. Ильенков. – Москва : Librocom, 2010. – 206 с.
2. Kononov A.A. Scientific conception of the system of law. *Izvestiya vuzov. Seriya: Pravovedenie = News from Universities. Series: Jurisprudence*, 2003, no. 3, pp. 12–21. (In Russian).
3. Larionov I.K. Synergy of state law and reproductive foundations of society's life. Moscow, 2018. 474 p.
4. Kokotov A.N., Malinova I.P. (eds.). Synergetics and hermeneutics in jurisprudence and social and legal regulation. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2020. 216 p.
5. Puchkov O. A. Interdisciplinary approach in modern jurisprudence: Mathematization, standardization, digitalization. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal order: History, Theory, Practice*, 2021, no. 2 (29), pp. 6–15. (In Russian).
6. A guide to the basic concepts and schemes of the methodology of organization, leadership and management: a reader on the works of G.P. Shchedrovitsky. Moscow, Delo Publ., 2004. 208 p.
7. Puchkov V.O.; Belykh V.S. (ed.). Civilistic doctrine of the digital era: methodological, theoretical and applied problems. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 272 p.
8. Belov V.A. On the issue of the relationship between the concepts of obligation and contract. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*, 2007, no. 4, pp. 239–258. (In Russian).
9. Puchkov V.O. Methodological problems of modern jurisprudence. Moscow, YurLitinform Publ., 2021. 317 p.
10. Duve de T. In the name of art. Towards the archeology of modern times. Higher School of Economics Publ., 2014. 192 p.
11. Osipov G.S., Chudova N.V., Panov A.I., Kuznetsova Yu.M. Iconic worldview of the subject of behavior. Moscow, FIZMATLIT Publ., 2018. 264 p.
12. Buzova N.V. International legal regulation of related rights: Current status and prospects. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2020, no. 3, pp. 51–67. (In Russian).
13. Peregudov F.I., Tarasenko F.P. Introduction to systems analysis. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 367 p.
14. Puchkov O.A. The physical nature of the network space and law: some methodological problems. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 17, pp. 146–157. (In Russian).
15. Ilyenkov E.V. Origins of thinking: dialectics of the ideal. Moscow, Librocom Publ., 2010. 206 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пучков Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Puchkov Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 14.11.2023.
The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 14.11.2023.

Научная статья
УДК 340.132.235:341.485
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.6

Original article

ТИМОНИН Максим Анатольевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: timonin.maxim2011@yandex.ru

TIMONIN Maxim Anatolyevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ОТ РОАНОКА К ДЖЕЙМСТАУНУ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕЙ АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ АМЕРИКИ

FROM ROANOKE TO JAMESTOWN: A RESEARCH OF THE EARLY ENGLISH COLONIZATION
OF AMERICA

Аннотация. Колониализм, колонизация всегда привлекали внимание американистов. Общеизвестно, какое большое внимание уделяет этому феномену высшее политическое руководство нашей страны. Изучить на конкретных примерах основные аспекты колониализма – значимая задача историко-юридической науки. Цель: раскрыть идеологические и политико-правовые аспекты английской колонизации Америки, включая возможные проявления геноцида, на примере ее ранних форм. Методы: исторический, логический, сравнительно-правовой, формально-догматический. Результаты: от тупика к тупику развивалась английская колонизация Северной Америки до тех пор, пока всеобщую христианизацию индейцев Виргинии они не подменили депопуляцией аборигенов, осуществляя самый настоящий геноцид. Джеймстаун стал классической формой английского колониализма вовсе не потому, что там динамично развивались договорные отношения с индейцами. Напротив, волна за волной, все новые переселенцы проникали даже в самые отдаленные уголки Виргинии, дабы поработить или уничтожить местных индейцев. Поэтому главным достижением англичан-виргинцев стало установление колониального режима, при котором уцелевшие индейцы были обречены владеть жалкую участь данников и рабов.

Ключевые слова: колониализм, колонизация Северной Америки, аспекты английской колонизации, ранние формы английской колонизации, геноцид, признаки геноцида

Для цитирования: Тимонин М.А. От Роанока К Джеймстауну: опыт исследования ранней английской колонизации Америки / М.А. Тимонин. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 50–61.

Abstract. Colonialism and colonization have always attracted the attention of Americanists. It is well known how much attention the highest political leadership of our country pays to this phenomenon. To study the main aspects of this phenomenon by concrete examples is a significant task of historical and legal science. Purpose: to reveal ideological and political-legal aspects of the English colonization of America, including possible manifestations of genocide, on the example of its early forms. Methods: historical, logical, comparative-legal, formal-dogmatic. Results: the English colonization of North America developed from stalemate to stalemate until they replaced the general Christianization of the Virginia Indians by the depopulation of the Aborigines, committing a true genocide. Jamestown became a classic form of English colonialism not at all because of its dynamic treaty relations with the Indians there. On the contrary, wave after wave, more and more new settlers penetrated even into the farthest reaches of Virginia to enslave or exterminate the local Indians. Therefore, the main achievement of the British-Virginians was the establishment of a colonial regime under which the surviving Indians were doomed to suffer the miserable fate of tributaries and slaves.

Keywords: colonialism, colonization of North America, aspects of English colonization, early forms of English colonization, genocide, signs of genocide

For citation: Timonin M.A. From Roanoke to Jamestown: A research of the early English colonization of America. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 50–61 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.6.

ВВЕДЕНИЕ

Когда индейцы и англичане периодически встречались на берегах Атлантики, пытались понять друг друга, в центре их внимания зачастую оказывались взаимные различия. Индейцы и англичане действовали в соответствии с разными концепциями власти и авторитета, подчинялись разным правилам и организовывали свои общества способами, которые отличались друг от друга тысячей тонкостей. Они поклонялись разным богам, и хотя и те и другие верили в чудеса невидимого мира, они понимали этот мир совершенно по-разному. Они организовали пространство вокруг себя, изменив свое окружение в соответствии со своими потребностями и желаниями, настолько по-разному, что часто ставили друг друга в тупик. Между ними было мало общего, поэтому основные моменты человеческого родства часто терялись в столкновении политических и правовых культур. На ментальном уровне коренные американцы и английские колонисты стойко хранили верность своим собственным историческим представлениям, вековым обычаям и традициям, воспоминаниям о том, кем они были и откуда пришли. Рассказы о прошлом помогли им разобраться в своем окружении, упорядочили их восприятие мира и позволили сохранять собственную идентичность.

Первым фактором такого рода контактов было восприятие англичанами коренных американцев как своеобразных персон. В сознании же англичан индеец был «дикарем». Этот термин не обязательно подразумевал уничижительные коннотации, чаще им обозначали совокупность идей о доцивилизованном состоянии человека. Образ дикаря, судя по всему, появился в результате противопоставления английского общества сообществам менее развитых народов. В этом смысле данный образ стал квинтэссенцией «другого». Подобно фигуре, увиденной в перевернутом зеркале, дикарь определялся всем тем, чем не были англичане, и ему не хватало всего того, чем обладали англичане. Образ дикаря был интеллектуальной абстракцией и характеризовал такого представителя сообщества коренных американцев, который у «более развитых» ан-

глийских колонистов зачастую вызывал полное непонимание.

Эта абстракция, немыслимая без набора предвзятых понятий, например таких стереотипов, как «нецивилизованные» народы, была положена в основу интерпретации подобных сообществ. Один из аспектов этого архетипа был представлен «наивным дикарем» – простодушным и невежественным, но в то же время мягким и добрым. Такую характеристику можно обнаружить в творчестве многих ранних писателей, любивших соотносить Америку с земным раем. Например, Артур Барлоу, один из капитанов ранней английской экспедиции в Роанок в 1584 г., описывая природные богатства морского побережья Северной Каролины, называл здешнюю «почву самой обильной, сладкой, плодородной и полезной во всем мире». Его спутникам мнилось, что они попали в настоящий рай, в котором им удалось наконец-то «найти людей самых нежных, любящих и верных, лишенных всякого коварства и измены, – таких, которые живут по образцу золотого века» [1, р. 7, 8]. Восторженный поклонник вновь обретенного «Эдема» не мог предвидеть, что именно его соотечественникам было суждено сыграть роль могильщиков столь чудесного мира.

Казалось бы, крайне негативные для коренного населения Америки последствия английского вторжения в Виргинию сегодня очевидны всем и каждому. Но среди зарубежных исследователей находятся авторы, которые с готовностью отождествляют внезапное нападение доведенных до отчаяния индейцев на поселения англичан, основанные ими в Виргинии, с «забытым геноцидом» 1622 г. [2]. Так, под пером Беннетта английские колонизаторы и их жертвы поменялись местами. Другой ученый, австралийский историк Патрик Вульф, посвятил свою статью поиску якобы положительных для индейцев Виргинии результатов их же геноцида [3, р. 388]. При всей очевидной ущербности постановки подобных вопросов и их «решений» недостаточно одной лишь самой общей констатации несостоятельности такого рода взглядов. Лучшим опровержением их будет специальный анализ конкретных форм английского колониализма.

РАННИЕ ФОРМЫ АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Колония Роанок первоначально была спроектирована в качестве каперской базы и военного форпоста, с территории которого можно было совершать набеги на испанский флот. В первом патенте Рэйли, полученном от королевы Елизаветы и датированном 25 марта 1584 г., не упоминалась ни цивилизаторская, ни христианизирующая миссия для индейского населения. Однако в последующем законопроекте, датированном декабрем 1584 г. и подтверждающем патент палатой общин, говорилось, что колония в Роаноке создавалась и для того, чтобы «знание о боге и религии нашей могло быть распространено ... среди иноземных народов» [4, р. 110].

Идейные вдохновители английского империализма и колониализма, проектируя создание такого рода колоний, рассчитывали на полное взаимопонимание и гармоничные отношения между англичанами и индейцами. Но по мере развития взаимных контактов становилось ясно, насколько наивными оказались первые колониальные прожекты. Английская колонизация Нового Света осложнялась целым рядом обстоятельств, среди которых особо значимую роль играли грубые ошибки и зверские преступления, совершенные соратниками Рэйли в конце 80-х годов XVI в., а также их последователями много позже. Крайне враждебно относились англичане к врагам, как реальным, так и мнимым, без суда и следствия расправляясь с ни в чем неповинными туземцами. Ответная реакция коренного населения на вооруженные расправы последовала незамедлительно, и она не сводилась к одному лишь взаимному отчуждению.

Поскольку колония в Роаноке создавалась в первую очередь с военными целями, по отношению к индейцам англичане больше полагались на военно-политические методы, не рассчитывая на прочность каких-либо договоров с ними. Так, от индейцев племени секотан они хотели, чтобы те не только «уважали и повиновались», но и одновременно «боялись и любили» их. Английским же колонизаторам «вообще не нужно было ничего бояться», поэтому они нередко стремились повергнуть индейцев в состояние страха и ужаса. Примером тому служит печальная судьба индейской де-

ревни Акваскогок, расположенной в материковой части Американского континента.

16 июля 1585 г. «один из дикарей», проживавший в этой деревне, был обвинен англичанами в краже серебряной чашки. В целях устрашения всей индейской округи адмиралом Ричардом Гренвиллом, отличавшимся буйным нравом, была организована карательная операция, поводом для которой послужила предполагаемая кража. Хотя карателям не удалось вернуть чашку, так как при первом же их приближении испуганные жители Акваскогoka в страхе разбежались, опустевшая деревня была сожжена, а близлежащее кукурузное поле уничтожено [5, р. 316]. Коль скоро потеря только одной английской серебряной вещицы сыграла судьбоносную роль в истории целой индейской деревни, стоит ли удивляться тому, что «к концу года» некоторые из английских поселенцев «проявили себя слишком свирепо, убив несколько человек в отдельных городках» [6, р. 7].

Вскоре после расправы с Акваскогoком Ричард Гренвилл встретился с Гранганимео, братом местного индейского правителя острова Роанок, с целью получения земли на северной оконечности этого острова для создания здесь английской колонии. Цель была достигнута, и Ральф Лейн, также присутствовавший на этой встрече, стал основателем этой колонии. Лейн вынашивал планы поисков драгоценностей, которыми, по словам плененного им индейского вождя Менатонона, были так богаты земли материковой Америки, лежащие к западу от Роанока. Перед тем как направиться туда, Лейн «принял решение отпустить Менатонона за оговоренный выкуп и отправить его сына на пинессе в Роанок» [7, р. 3, 6]. Так любимый сын Менатонона стал заложником Лейна вместо своего отца.

Не обнаружив ничего достойного, не найдя никаких сокровищ, встречая повсюду лишь опустевшие деревни да индейских воинов, сидящих в засаде, Лейн вместе с полуголодными спутниками был вынужден вернуться в Роанок. Но и здесь его ожидали неутешительные новости – с марта 1586 г. вождь островных индейцев Пемисапан готовил их массовое бегство на материк. Для колонистов такое решение индейского вождя было равнозначно смертному приговору, поскольку, по открытому признанию самого Лейна, если бы

Пемисапан «со всеми своими дикарями бежал от нас и оставил свою землю незасеянной», то «никто не мог бы спастись от голодной смерти» [7, р. 12].

Помочь колонистам пытался Энсенор – влиятельный старейшина племенного совета индейцев секотан, приложивший все усилия, чтобы отговорить Пемисапана от его решения. Главной же причиной, которая вынудила Пемисапана в конце апреля отдать приказ засеять столько земли, сколько было необходимо, чтобы накормить всю колонию, стало известие о том, что Окиско, вождь сильного индейского племени вепемеок, присягнул на верность королеве Елизавете и сэру Уолтеру Рейли. Узнав об этом, Пемисапан был вынужден на время отложить свой план о создании единой коалиции приморских племен, которые совместными усилиями должны были покончить с англичанами.

Когда же в апреле 1586 г. Энсенор, которого Лейн считал единственным другом колонистов среди индейцев-секотанцев, умер, Пемисапан вновь вернулся к своим антианглийским замыслам, к попыткам возглавить общее сопротивление прибрежных индейских племен колонизаторам. Лишившись поддержки Энсенора, Ральф Лейн стал подозревать Пемисапана в том, что тот готовит умышленное убийство не только его самого, но и всех колонистов. Вскоре заложник англичан Скико, сын Менатонона, сообщил Лейну, что «глубокой ночью» 10 июня «в одно мгновение будут подожжены все дома лучших из» англичан, и лидер колонистов немедленно приступил к предупредительным акциям.

31 мая 1586 г. губернатор Ральф Лейн ночью отправил группу солдат в Дасамонкепек с заданием захватить индейские каноэ. Двое индейцев-охранников, пытавшихся подать сигнал тревоги, были убиты, а их головы отрезаны. Лучники Пемисапана пытались противостоять англичанам, но четверо из них были тут же убиты. Остальные индейцы, которых Пемисапану удалось собрать для нападения на английскую колонию, рассеялись по лесам.

1 июня 1586 г. непосредственное участие в расправе над Пемисапаном и его ближайшим окружением принял сам Лейн. Англичане высадились рядом с материковой резиденцией индейского вождя якобы только для того, чтобы пожаловаться на одного из людей Пе-

мисапана, пытавшегося освободить другого индейца из заключения. Как только индейский вождь в сопровождении семи или восьми приближенных спустился на берег, из уст Лейна прозвучал боевой клич «Христос – наша победа». Тут же загремели выстрелы, раненый Пемисапан устремился в соседний лес, пытаясь скрыться от убийц, но один из солдат Лейна настиг вождя и убил его [7, р. 15–19].

Предательски убив вождя секотан, Лейн тем самым, возможно, предотвратил запланированное им на июнь 1586 г. нападение индейцев на английскую колонию на Роанок. Но с той поры последователи Пемисапана стали смертельными врагами всех англичан, при удобном для них случае доказывая колонизаторам, что карательная операция Лейна обеспечила им безопасность только на очень краткий промежуток времени. Действительно, когда в июле 1587 г. на Роанок прибыла новая экспедиция во главе с вновь назначенным губернатором Джоном Уайтом, вместо «города Рейли» она обнаружила одни лишь развалины, оставшиеся от форта, построенного Лейном. Не удалось ей застать в живых ни одного из пятнадцати солдат, которые незадолго до этого были оставлены в Роаноке Ричардом Гренвиллом. Дружественные англичанам индейцы сообщили Уайту, что соплеменники Пемисапана перебили всех солдат, входивших в островной гарнизон. 28 июля 1587 г. Джордж Хоу, один из двенадцати помощников Уайта, был убит индейцами-пловцами, когда «бродил по воде один, почти голый, без всякого оружия, за исключением небольшой раздвоенной палки, и ловил ею крабов» [8, р. 288–289].

Убийство видного колониста продемонстрировало Уайту и его спутникам желание большинства индейского населения Роанока и дальше мстить англичанам за преступления, совершенные ими, в первую очередь губернатором Лейном и его подчиненными. Соплеменники Пемисапана не забыли о том, как их обидчики совершали набеги на индейские деревни, поджигая их, расхищая и вымогая у них плоды скудного урожая. Помнили они и о том, как англичане похищали людей, подолгу удерживая их в заложниках, как всюду распространяли болезни и сеяли страх, стремясь запугать коренное население. В результате вместо любви к себе и своим религиозным верованиям английские протестанты собственными дей-

ствиями в считанные годы взрастили враждебность большинства индейских племен.

Если коренные жители из-за своей враждебности перестали соответствовать представлениям английских колониальных идеологов о дружелюбных и простодушных наивных аборигенах, то и англичане не смогли соответствовать их же идеалистическим стандартам об англичанах, несущих освобождение от языческих суеверий. На деле уже к 1587 г. тактика англичан обернулась для коренного населения многочисленными бедствиями, и самой серьезной проблемой для него стала весьма негативная перспектива: оставят ли колонизаторы хоть одно индейское племя в живых для пресловутого «освобождения» и обращения в христианство.

Английская колониальная идеология в полной мере обнажила свои отрицательные стороны тогда, когда англичане повсюду, куда бы они ни отважились ступить, стали находить «тиранов» и создавать мятежников. Не стал исключением и Роанок, где колонизаторы показали себя бескомпромиссными и жестокими завоевателями, реализуя здесь свое культурное превосходство, предоставлявшее им, как они считали, право вторгаться и заселять те регионы, где царили язычество, тирания и хаос. Когда Лейн говорил об «измене союзных нам дикарей», он позаимствовал этот аргумент из сложной английской системы убеждений, которая в равной степени допускала и узаконивала вторжение, обращение индейцев в христианство и завоевание их [9, p. 264; 10, p. 253].

Завоевание, в свою очередь, могло быть узаконено как ответ на агрессию, такую как восстание коренных жителей против английских захватчиков/поселенцев. Конечно, англичане не оставляли коренному населению особого выбора: либо мирно подчиниться и смириться с английским присутствием, либо восстать против него и столкнуться с вооруженным противостоянием превосходящих сил, чреватым и утратой большей части территории, и колоссальными людскими потерями. Но идеологически, по мнению англичанина-колонизатора, завоевание/колонизация происходили потому, что индейцы выступали против законной власти и законного владения в соответствии с английскими стандартами XVI-XVIII столетий, а не только потому,

что аборигены считались культурно «неполноценными» в глазах многих британских идеологов.

Поскольку англичане определяли тиранию как агрессию, направленную против них самих, они находили ее и провоцировали повсюду. Когда они могли спровоцировать восстание против себя, тогда в ход шли и карательные меры, и захватнические войны, развязанные против «предателей» навязанной аборигенам власти. Так те или иные экзекуции и завоевания в конечном итоге становились «законными» и «оборонительными» ответами на якобы «тираническую агрессию» против предшествующей ей колонизации Нового Света, морально и юридически оправданной англичанами.

Среди идеологических основ вторжения в Америку почетное место принадлежит английскому этноцентризму и протестантской миссии, которые ярко проявили себя не только в ходе раннего и во многом неудачного колониального освоения островной территории Роанока, но и несколько позже, в процессе основания расположенного на материке Джеймстауна. Своим появлением Джеймстаун обязан соединенным усилиям англиканской церкви и английской короны, которые стремились объединить если не все, то очень многие слои английского общества в едином порыве патриотического империализма. В то время как более поздние колонии – в Плимуте и Массачусетском заливе – были основаны в качестве убежищ для сектантов, добывающихся реализации не столько общегосударственных, сколько их особых религиозно-политических интересов.

В своих «Статьях, инструкциях и приказах», адресованных правительству Виргинии и датированных ноябрем 1606 г., король Джеймс требовал от подданных содействовать религиозной миссии в Новом Свете. Он обязал их сделать все, дабы они смогли «обеспечить, чтобы истинное слово и служение Богу и христианской вере проповедовались, насаждались и использовались не только в каждой из упомянутых нескольких колоний и плантаций», но и, «насколько это возможно, среди спасенных людей ... в соответствии с доктриной, правами и религией, которые в настоящее время исповедуются и установлены в нашем королевстве Англии» [11, p. 15].

Как видно, статьи содержали настоящее требование, адресованное будущим колонистам, использовать все благие средства, привлечь все население колонии, как англичан, так и язычников, к истинному служению богу и своему королю. Стоит ли удивляться тому, что Виргинская компания с момента ее основания в 1606 г. стремилась выглядеть не просто особым акционерным обществом, а национальной корпорацией, сочетающей христианский империализм с меркантильными выгодами. Не прошло и пяти лет, как те же идеи стали чуть ли не всеобщим достоянием населения Лондона. Люди самых разных профессий, званий и состояний – от первого дворянина до последнего суконщика и пивовара – в массовом порядке откликнулись на очередной патриотический призыв, прозвучавший из уст лидеров английской нации. Уже весной 1610 г. новые авантюристы вслед за священнослужителями и мэром Лондона стали говорить: «Взоры всей Европы устремлены на наши усилия по распространению Евангелия среди язычников Виргинии, насаждению там английской нации и устройению торговли в тех краях» [12, р. 19, 23]. Выходит, начиная с самых первых шагов Виргинской компании на колониальной почве, ее история немислима вне общегосударственного контекста, вне национальных целей. Именно для достижения таковых она изначально выступала в роли своеобразного колониального инструмента.

Среди множества убедительных аргументов, как стратегических, так и экономических, исходивших из уст идеологов колониализма, наибольшее значение приобрела идея христианизации индейцев. Джордж Пекхэм, английский юрист-католик, был одним из тех, кому еще в 1583 г. удалось удачно вписать эту идею в идеологию колонизации. По словам ее адепта, «вовсе не ради особого товара для нас самих и нашей страны (как обычно бывает при других трудах и путешествиях)» англичанам необходимо настойчиво стремиться к берегам Америки и колонизировать ее. Главная цель состояла в ином – в обеспечении перехода аборигенов «от суеверного идолопоклонства к искреннему христианству». Хотя тот же Пекхэм не упустил возможности прорекламировать и другие выгоды колонизационного процесса, именно эта идея возобладала над другими идейными конструкциями в ходе

колониального освоения Виргинии. Так у английских авантюристов появилось основание надеяться, что за этим предприятием стояла «святая десница». Как уверял своих соотечественников Пекхэм, Бог собственноручно «благословил» их «прежде всех остальных» [13, р. 24, 27]. Неудивительно, что данная идея тут же стала средством формирования общественного мнения, благоприятствующего деятельности компании, ответом на большую часть критики, использовалась прежде всего для оправдания оккупации чужой территории.

Поскольку компания предлагала основать постоянное поселение, не ограничивая себя лишь развитием торговли, одна из ее задач состояла в том, чтобы связать сообщества индейцев и английских колонистов общностью религиозных интересов. Отсюда проистекала мессианская миссия Виргинской компании, пронизанная явным идеализмом. Вплоть до самого последнего дня своего существования она хранила верность этой миссии, считая непоколебимыми религиозные обязательства компании, продиктованные отечественными колониальными идеологами.

Вторжение в Северную Америку началось с проникновения англичан в ее островные и материковые пределы, в том числе в ту самую Виргинию, территориальные параметры которой весьма расплывчато были обозначены Уолтером Рейли. Поскольку оно протекало медленно и постепенно, то самый старый доминион на североамериканском побережье первоначально развивался как небольшой и сопротивляющийся всем невзгодам гарнизон, располагавшийся в Джеймстауне. Между 1607 и 1609 г. колониальное поселение с аналогичным названием представляло собой мизерный плацдарм Британской империи в Северной Америке, лишенный надежного продовольственного снабжения. По этой причине население колониального эмбриона периодически голодало, страдало от болезней и неуклонно сокращалось. Так, Джон Смит, наиболее энергичный и эффективный колониальный лидер, возвратившись из очередного путешествия в Джеймстаун, обнаружил здесь «около тридцати восьми несчастных и больных существ, которых можно было содержать только за счет всех больших территорий Виргинии. Таковы были слабости этого бедного содружества, и если бы дикари не накормили

нас, мы бы погибли» [14, р. 28]. По-видимому, вместо того чтобы уничтожить голодающее население колонии, верховный вождь поватан спас англичан от голодной смерти, рассчитывая использовать их в борьбе с более серьезным соперником – враждебными ему индейцами-монаканцами. Как и подчиненные ему вожди, правившие в других местах восточного побережья, Поухатан приложил все усилия, чтобы помочь новоприбывшим пережить первую зиму, обеспечив их едой.

В ответ «благодарные» англичане приняли нелепую попытку коронации верховного вождя, которому подчинялось коренное население края. Капитан Ньюпорт, действуя от лица метрополии, но вопреки желанию тогдашнего лидера Джеймстауна, пытался использовать феодально-правовую процедуру, чтобы продемонстрировать индейцам близлежащих территорий вассальную зависимость их правителя от английского короля. Раз за разом пытаясь водрузить медную корону на голову индейского вождя, англичане столкнулись с большой проблемой. Дело в том, что «он, не зная ни величия, ни значения короны, ни преклонения колен, вынес столько уговоров, примеров и наставлений, что утомил их всех». В конце концов «сильно навалившись на его плечи, чтобы он немного наклонился, трое державших в руках корону надели ее ему на голову». Именно таким был финальный акт «коронации Поухатана», казавшейся странным действием даже современникам капитана Джона Смита. Ничем иным, как пустой тратой времени и продовольствия, истощением людей, вынужденных переносить все необходимое, а также «раненых и больных на своих собственных плечах», как предвидел проницательный лидер колонистов, она завершиться не могла. Столь же негативные оценки звучали и в отношении «дорогостоящих безделушек», бездарно потраченных в качестве правительственных даров вождю, и разного рода заискиваний перед ним. Все эти акции, адресованные индейскому вождю, «вынудили его настолько сильно переоценить себя», что он еще больше осознал собственное величие и могущество [15, р. 196, 193; 16, 423].

Против такого вывода вряд ли найдутся возражения со стороны современных исследова-

телей, изучающих колониальные реалии Америки XVII столетия. Так, Джеймс Смит, соглашаясь с тем, что «церемонии только усилили тщеславие главного вероэнса», заключает: «Он ни в коем случае не превратился в верно-подданного английского монарха, как того хотели белые поселенцы» [17, р. 48]. Хотя англичане во главе с Ньюпортом сделали все, чтобы скрыть от верховного вождя истинный смысл «коронации», Вахунсонакок, больше известный как Поухатан, не пал перед ними на колени и не признал Якова I своим сувереном.

Однако благодарность колонистов была недолгой, они постоянно желали все больше и больше продовольствия, нередко используя для достижения этой цели мечи и ружья. Больше того, колонисты пытались заполучить столь ценное для них продовольствие из рук монаканцев – злейших врагов поватан, стремясь установить с ними дружеские отношения. В ответ Поухатан приказал своим людям отказаться от торговли со Смитом или его агентами и нападать на англичан там и тогда, где и когда они смогут их обнаружить. Англичане расценили все эти действия как предательство, и началась целая серия конфликтов, которые активизировались осенью 1609 г.

Насильственные столкновения, возникающие в результате контакта первых колонистов Джеймстауна с индейцами-поватанами, веками хозяйничавшими на этом небольшом полуострове и на территории всей Ценакоммака, можно было предсказать заранее. Не сумев организовать полноценную продовольственную базу колонии, руководство Виргинской компании тем не менее настоятельно советовало поселенцам, чтобы они разделились «на три команды: одна – для укрепления и обороны, другая – для посадки сельскохозяйственных культур и третья – для исследования прохода в Азию». Настаивая на создании форта «на какой-нибудь большой реке», расположенного на большом удалении от моря, руководители компании совершенно умолчали о каких-либо переговорах с коренными жителями по поводу землепользования. Поэтому конфликты с ними стали неизбежными [18, р. 39]. Едва окрепнув, английские колонисты встали на путь грабежа продовольственных запасов, накопленных индейцами, угрожая убийством

их вождей и целых деревенских сообществ. Затем, используя свое военно-технологическое превосходство над аборигенами, они пытались присваивать их земли. Так, капитан Мартин со своими людьми решил захватить остров Нансемонд, принадлежащий индейцам. Поскольку попытка оказалась неудачной, «люди Мартина побрели домой», но далеко не все смогли возвратиться в Джеймстаун – «некоторые позже были найдены мертвыми на территории Нансемонда с полным ртом, набитым кукурузным зерном (очевидный индейский жест презрения)» [19, р. 52].

На протяжении всей зимы 1608–1609 гг. индейцы не оставляли попыток блокировать англичан в Джеймстауне, отрезать их от источников продовольствия. Для осажденных колонистов началась пора многомесячного голода, который «был так велик», что «один из них убил свою жену, припудрил ее [посоллил] и съел часть [1609–1610 гг.] ее ... за что он был казнен» [20, р. 499].

Казалось бы, индейцы могли торжествовать полную победу, но англичане выжили и после прибытия подкрепления стали яростно атаковать индейские сообщества. При этом они использовали ту же тактику террора, которой были обучены во время завоевания Ирландии. Подвергая разгрому одно за другим три индейских племени, английские солдаты сжигали их поселения, убивали без разбора и женщин, и детей. Весной 1613 г. капитану Самюэлю Аргаллу удалось захватить в плен любимую дочь Поухатана. Верховный вождь всех поватанов был вынужден остановить боевые действия и заключить мир со своими врагами. Преемник престарелого вождя, умершего в 1618 г., первоначально занимал выжидательную позицию. Но к 1622 г. по причине захвата англичанами все новых индейских территорий ситуация в аграрной сфере стала нестерпимой для аборигенов, и они, действуя в своем праве и на своей земле, восстали. Хотя сотни колонистов были убиты, сотни новых иммигрантов, привлеченные слухами о скором обогащении за счет новых плантаций табака – «коричневого золота» английской Виргинии, способствовали ее росту и процветанию. Отныне враждебное отношение к индейцам было закреплено законодательно. В феврале 1631 г. колониальной ассамблеей был принят специальный акт,

в котором говорилось: «Что касается индейцев, то мы должны считать их нашими неисправимыми врагами»¹. Данный акт стал продолжением другого, принятого в октябре 1629 г. Он гласил: «По мнению всего состава ассамблеи, необходимо совершить три отдельных похода на индейцев в три разных времени года, а именно: сначала в ноябре, во-вторых, в марте, в-третьих, в июле». При этом преследовалась цель «очистить данные части и территории и нанести индейцам всевозможный ущерб и оскорбления, которые могут быть нанесены»².

Новая волна территориальной экспансии привела в 1644 г. к новому восстанию, которое закончилось очередным поражением индейцев-поватан. С тех пор их преследовали только поражения, утрата земли, дезорганизация родоплеменных структур, полный крах традиционного образа жизни и вымирание. С начала XVIII в. и вплоть до нашего времени, от Роберта Беверли и до Кристиана Феста, исследователи неоднократно отмечали катастрофическое падение численности поватанов. Так, раскрывая всю сложность ситуации, в которой оказалось коренное население Виргинии к 1703 г., Р. Беверли сетовал на то, что поватаны, даже «все вместе взятые, не смогут собрать и пятисот воинов» [14, р. 62]. Еще меньшее их число – только 100 лучников – приводит в своей статье Кристиан Фест. При этом он использует данные переписи 1702 г. и наблюдения губернатора Виргинии Эдмунда Андроса. Иначе выглядела общая численность алгонкинского населения в начале предыдущего столетия – тогда она колебалась в «диапазоне от 14 300 до 22 300 человек» [21, р. 77, 74]. Хотя сам Фест склоняется к нижнему пределу этого диапазона, даже в этом случае цифры свидетельствуют о постигшей поватанов катастрофе.

1 Act LXI. Acts of Assembly of February, 1631 // The statutes at large; being a collection of all the laws of Virginia, from the first session of the legislature, in the year 1619. Published pursuant to an act of the General assembly of Virginia, passed on the fifth day of February one thousand eight hundred and eight / by Virginia. Laws, statutes, etc; Virginia (Colony). Laws, statutes, etc; Henning William Waller. Volume 1. New York [etc.] : Bartow [etc.], 1823. P. 176 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/statutesatlargeb01virg> (дата обращения: 27.09.2023).

2 Act III. Acts of Assembly of October, 1629 // The statutes at large... Vol. 1. P. 140–141 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/statutesatlargeb01virg> (дата обращения: 27.09.2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении всего периода своего колониального становления Джеймстаун, год за годом теряя значительную часть населения, мог повторить судьбу Роанока и пополнить список «потерянных колоний». Но в самый критический момент его истории, когда колонисты уже были готовы сжечь свой форт и навсегда оставить Джеймстаун, из метрополии к ним пришла подмога. Именно тогда совместными усилиями двум колониальным лидерам – Томасу Гейтсу и лорду де Ла Варру – удалось реорганизовать колонию, установив в ней жесткий военно-полицейский режим, и разгромить одно за другим три близлежащие индейские сообщества.

Уничтожением племенных центров вместе с их населением, а нередко и целых племен, жестокими расправами с заложниками, разорением кукурузных полей решались вполне определенные задачи – колониальным лидерам было необходимо внушить всему индейскому населению Чесапика тотальный ужас перед закованными в броню англичанами и всемогущим английским оружием. Действительно, когда губернатор де Ла Варр узнал о том, что солдатам Джорджа Перси удалось пленить жену индейского вождя вместе с малолетними детьми, взбешенный тем, что ее оставили в живых, он потребовал немедленно сжечь индианку. Даже Перси, казнивший ее мечом, счел такую кару чрезмерной, ибо неповинной женщине перед собственной смертью пришлось наблюдать за тем, как солдаты сначала сбросили ее детей в воду, а затем выстрелами из мушкетов вышибли им мозги. Подобными преступными массовыми акциями можно было превратить в пустоши многие территории, ранее принадлежавшие индейцам, лишить уцелевших суверенитета, почти всех прав и свобод. Можно было обратить их в данников новоявленной колониальной империи, заставив признать своим верховным сувереном и собственником всей американской земли английского короля. Но никакими преступными деяниями, направленными против индейцев, невозможно было добиться от них того, чтобы они добровольно уверовали в англиканского бога.

Провал этой миссии, неразрешимость той самой суперзадачи, которую английское коро-

левское правительство и руководство Виргинской компании ставили перед каждой новой колониальной экспедицией, отправляющейся за океан, той самой тотальной христианизации индейцев, следует расценивать как одну из главных неудач английской колониальной политики в Джеймстауне. Ибо христианизация алгонкинов Чесапика была задумана не только и не столько как миссия по их приобщению к английской цивилизованности. Ее главная задача состояла в ином – колонизаторам были необходимы новые подданные с крайне низким статусом.

Столь же недостижимой для колонистов оказалась и другая, не менее грандиозная задача. Речь идет об обнаружении прямого водного сообщения Джеймстауна с великими имперскими цивилизациями Азии. Никто в тогдашнем мире не ведал, как далеко от него на Запад простирается Северо-Американский континент. Равным образом дело обстояло и с открытием месторождений драгоценных металлов, недостижимых для ранних колонистов. Все это вместе взятое представляет собой яркое свидетельство несостоятельности первичного колониального замысла.

Из колониального неудачника в образец колониального успеха Джеймстаун превратился, только когда алчные и агрессивные колонисты предпочли тотальной христианизации индейцев и прочим недостижимым целям тотальное обезземеливание аборигенов. Именно тогда Джеймстаун стал олицетворением английской колониальной классики, когда населявшие его англичане, активизируя колониальные захваты, оккупировали весь Чесапик, истребили и поработили уцелевших туземцев. О том, что такого рода деятельность и позже в какой-то мере подрывала политику метрополии в Новом Свете, можно судить на основании жалобы Моргана Годвина губернатору Беркли на своих соотечественников, игнорирующих задачу духовной конверсии, задачу обращения индейцев Виргинии в христианство. Завершая свое послание к губернатору, преподобный Годвин с подчеркнутым вниманием напишет: «Я заканчиваю тем, что Бог открывает нам эти страны». Несмотря на подобную данность, «наша новая раса христиан считает, что это настолько праздно и нелепо, настолько совершенно ненужно и нецелесообразно, что ни один человек не мо-

жет потерять свою репутацию больше, чем из-за любого другого предложения, выглядящего таким образом или стремящегося к этому» [22, р. 172].

Как бы далеко не отходила колониальная практика от основных целей английской колонизации, ее главным итогом стало установление в Чесапике нового политико-правового режима – колониального режима, при котором те из индейцев, кому удалось уцелеть, были вынуждены довольствоваться унижительным для них статусом данников английской короны, а порой и рабов. Сохранив за собой остатки племенного самоуправления и пользование землей, они утратили прежние полноправие и достаток. Отныне их удел – бедность и страх за свою жизнь, за свое достояние, за сохранение которых каждый их городок, «согласно мирным договорам 1677 г., ежегодно платит 3 индейские стрелы за свою землю и 20 бобровых шкур за защиту» [14, р. 62].

На весь спектр прав и свобод теперь станет претендовать лишь растущее множество английских колонистов. Подстегиваемые алчностью, волна за волной, они переселяются в отдаленные пределы Виргинии, едва отличая коренных обитателей «от зверских созданий» и не желая соблюдать договоры, заключенные с этими созданиями.

Так все новые родоплеменные группы коренных американцев теряли не только права и свободы, но и то, что всегда им было дорого: здоровье, земли, наконец, свое самое главное достояние – жизнь. Все это лишний раз свидетельствует о несостоятельности идеи «забытого геноцида», от которого якобы пострадали колонисты Виргинии, она же удерживает объективного исследователя от поисков каких-либо позитивных признаков геноцида действительного, направленного против тех же индейцев, которые некогда гордились многонаселенностью своего края.

Список источников

1. Barlowe A. The first voyage to Roanoke, 1584 : the first voyage made to the coasts of America, with two barks, wherein were Captains M. Philip Amadas and M. Arthur Barlowe, who discovered part of the country now called Virginia, anno 1584 / A., Barlowe, R. Lane. – Boston : Directors of the Old South Work, 1898. – 24 p. – URL: <https://archive.org/details/firstvoyagetoroa00barl> (дата обращения: 16.02.2023).
2. Bennett J.T. The Forgotten Genocide in Colonial America: Reexamining the 1622 Jamestown Massacre within the Framework of the UN Genocide Convention // *Journal of the History of International Law*. – 2017. – № 19 (1). – P. 1–49. – URL: <https://sci-hub.ru/10.1163/15718050-12340077> (дата обращения: 25.09.2023).
3. Wolfe P. Settler colonialism and the elimination of the native / P. Wolfe // *Journal of Genocide Research*. – 2006. – Vol. 8. – P. 387–409. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/14623520601056240?cookieSet=1> (дата обращения: 25.09.2023).
4. December 1584. Bill to Confirm Raleigh's Patent, As Passed by the House of Commons // *The Roanoke Voyages, 1584–1590. Documents to illustrate the English Voyages to North America under the Patent granted to Walter Raleigh in 1584.* / ed. by D.B. Quinn. – London : Routledge, 2017. – Vol. I. – P. 110–111.
5. The second voyage made to Virginia by sir Richard Grenville for sir Walter Ralegh, Anno 1585: at what time the first colonie of English was there left under the government of M. Ralph Lane, now knight // *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. In Twelve Volumes* / by R. Hakluyt. – Glasgow : James MacLehose and Sons, 1904. – Vol. VIII. – P. 310–318. – URL: <https://ia801607.us.archive.org/25/items/principalnaviga00unkngoog/principalnaviga00unkngoog.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

REFERENCES

1. Barlowe A., Lane R. The first voyage to Roanoke, 1584 : the first voyage made to the coasts of America, with two barks, wherein were Captains M. Philip Amadas and M. Arthur Barlowe, who discovered part of the country now called Virginia, anno 1584. Boston, Directors of the Old South Work Publ., 1898. 24 p. Available at: <https://archive.org/details/firstvoyagetoroa00barl>.
2. Bennett J.T. The Forgotten Genocide in Colonial America: Reexamining the 1622 Jamestown Massacre within the Framework of the UN Genocide Convention. *Journal of the History of International Law*, 2017, no. 19 (1). pp. 1–49. Available at: <https://sci-hub.ru/10.1163/15718050-12340077>.
3. Wolfe P. Settler colonialism and the elimination of the native. *Journal of Genocide Research*, 2006, vol. 8, pp. 387–409. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/14623520601056240?cookieSet=1>.
4. December 1584. Bill to Confirm Raleigh's Patent, As Passed by the House of Commons. In Quinn D.B. (ed.). *The Roanoke Voyages, 1584–1590. Documents to illustrate the English Voyages to North America under the Patent granted to Walter Raleigh in 1584.* London, Routledge Publ., 2017. Vol. I, pp. 110–111.
5. The second voyage made to Virginia by Sir Richard Grenville for Sir Walter Ralegh, Anno 1585: at what time the first colonie of English was there left under the government of M. Ralph Lane, now knight. In Hakluyt R. *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. In Twelve Volumes.* Glasgow, James MacLehose and Sons Publ., 1904. Vol. VIII, pp. 310–318. Available at: <https://ia801607.us.archive.org/25/items/principalnaviga00unkngoog/principalnaviga00unkngoog.pdf>.

6. Hariot T. A briefe and true report of the new found land of Virginia / T. Hariot. – London : Excerptis, 1590. – 25 p. – URL: https://nationalhumanitiescenter.org/pds/amerbegin/exploration/text4/Hariot_Brief_and_True_Report_1590.pdf (дата обращения: 25.02.2023).
7. Raleigh's first Roanoke Colony: the account by Lane Ralph, Sir. – Boston : Directors of the Old South Work, 1902. – 24 p. – URL: <https://archive.org/details/raleighsfirstroa00lane> (дата обращения: 25.02.2023).
8. The fourth voyage made to Virginia with three ships, in the yere 1587, by governor John White // Early English and French voyages, chiefly from Hakluyt, 1534–1608 / by H.S. Burrage (Henry Sweetser). – New York : C. Scribner's Sons, 1906. – P. 279–300. – URL: <https://archive.org/details/earlyenglishand04haklgoog> (дата обращения: 28.02.2023).
9. Ralph Lane's discourse on the first colony // The Roanoke Voyages, 1584–1590. Documents to Illustrate the English Voyages to North America under the Patent Granted to Walter Raleigh in 1584 / by D.B. Quinn. – Surrey ; London : Hakluyt Society, 2010. – Vol. I. – P. 255–264. – URL: https://ebook-hunter.org/the-roanoke-voyages-1584-1590-documents-to-illustrate-the-english-voyages-to-north-america-under-the-patent-granted-to-walter-raleigh-in-1584-by-davidbeers-quinn_62e782978106eaf9b8ebde6/ (дата обращения: 28.02.2023).
10. Account of the Particularities of the Employments Englishmen of the left in Virginia, by master Ralph Lane // Early English and French voyages, chiefly from Hakluyt, 1534–1608 / ed. by H.S. Burrage. – New York : C. Scribner's Sons, 1906. – Vol. 3. – P. 243–272. – URL: <https://archive.org/details/earlyenglishand04haklgoog> (дата обращения: 28.08.2023).
11. Articles, Instructions and Orders. November 20, 1606 // The Three Charters of the Virginia Company of London. With Seven Related Documents; 1606–1621 / With an introduction by S.M. Bemiss. – Williamsburg : Virginia 350th Anniversary Celebration Corp., 2018. – 160 p. – URL: https://knigi-lib.com/book/34281968/#download_links (дата обращения: 29.08.2023).
12. The Virginia Company of London, 1606–1624 / by W.F. Craven. – Williamsburg : Virginia 350th Anniversary Celebration Corporation, 1957. – 38 p. – URL: <https://archive.org/details/CravenWesleyF.TheVirginiaCompanyOfLondon16061624/mode/2up> (дата обращения: 29.08.2023).
13. Sir George Peckham's true Report of the late discoveries // The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. XIII. America. – Pt. II. – P. 2–36. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/25645/25645-pdf.pdf> (дата обращения: 30.08.2023).
14. The history of Virginia, in four parts / by R. Beverley. – London : Printed for B. and S. Tooke, 1722. – 352 p. – URL: <https://archive.org/details/historyofvirgini00inbeve/page/n13/mode/2up> (дата обращения: 04.09.2023).
15. The true travels, adventures and observations of Captaine Iohn Smith, in Europe, Asia, Africke, and America: beginning about the yeere 1593, and continued to this present 1629 / by J. Smith. – Richmond : Republished at the Franklin Press, 1819. – Vol. I. – 516 p. – URL: https://archive.org/details/trvetravelsadven01smit_0 (дата обращения: 30.08.2023).
16. American Indian history Vol. I. Aboriginal Action Plan – Oliphant v. Suquamish Indian Tribe / ed. by C.A. Barrett. – Pasadena : Salem Press, Inc., 2003. – 819 p. – URL: <https://g.eruditor.one/file/2146361/> (дата обращения: 04.09.2023).
17. Seventeenth-Century America: Essays in Colonial History / ed. by J.M. Smith. – Williamsburg : University of North Carolina Press, 1959. – 238 p. – URL: <https://g.eruditor.one/file/3545238/> (дата обращения: 04.09.2023).
6. Hariot T. A briefe and true report of the new found land of Virginia. London, Excerptis Publ., 1590. 25 p. Available at: https://nationalhumanitiescenter.org/pds/amerbegin/exploration/text4/Hariot_Brief_and_True_Report_1590.pdf.
7. Raleigh's first Roanoke Colony: the account by Lane Ralph, Sir. Boston, Directors of the Old South Work Publ., 1902. 24 p. Available at: <https://archive.org/details/details/raleighsfirstroa00lane>.
8. The fourth voyage made to Virginia with three ships, in the yere 1587, by governor John White. In Burrage H.S. (Henry Sweetser). Early English and French voyages, chiefly from Hakluyt, 1534–1608. New York, C. Scribner's Sons Publ., 1906, pp. 279–300. Available at: <https://archive.org/details/earlyenglishand04haklgoog>.
9. Ralph Lane's discourse on the first colony. In Quinn D.B. The Roanoke Voyages, 1584–1590. Documents to Illustrate the English Voyages to North America under the Patent Granted to Walter Raleigh in 1584. Surrey, London, Hakluyt Society Publ., 2010. Vol. I. pp. 255–264. Available at: https://ebook-hunter.org/the-roanoke-voyages-1584-1590-documents-to-illustrate-the-english-voyages-to-north-america-under-the-patent-granted-to-walter-raleigh-in-1584-by-davidbeers-quinn_62e782978106eaf9b8ebde6/.
10. Account of the Particularities of the Employments Englishmen of the left in Virginia, by master Ralph Lane. In Burrage H.S. (ed.). Early English and French voyages, chiefly from Hakluyt, 1534–1608. New York, C. Scribner's Sons Publ., 1906. Vol. 3, pp. 243–272. Available at: <https://archive.org/details/earlyenglishand04haklgoog>.
11. Articles, Instructions and Orders. November 20, 1606. In Bemiss S.M. The Three Charters of the Virginia Company of London. With Seven Related Documents; 1606–1621. Williamsburg, Virginia 350th Anniversary Celebration Corp. Publ., 2018. 160 p. Available at: https://knigi-lib.com/book/34281968/#download_links.
12. Craven W.F. The Virginia Company of London, 1606–1624. Williamsburg, Virginia 350th Anniversary Celebration Corporation Publ., 1957. 38 p. Available at: <https://archive.org/details/CravenWesleyF.TheVirginiaCompanyOfLondon16061624/mode/2up>.
13. Sir George Peckham's true Report of the late discoveries. *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation*. Vol. XIII. America, pt. II, pp. 2–36. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/25645/25645-pdf.pdf>.
14. Beverley R. The history of Virginia, in four parts. London, Printed for B. and S. Tooke Publ., 1722. 352 p. Available at: <https://archive.org/details/historyofvirgini00inbeve/page/n13/mode/2up>.
15. Smith J. The true travels, adventures and observations of Captaine Iohn Smith, in Europe, Asia, Africke, and America: beginning about the yeere 1593, and continued to this present 1629. Richmond, Republished at the Franklin Press, William W. Gray Publ., 1819. Vol. I. 516 p. Available at: https://archive.org/details/trvetravelsadven01smit_0.
16. Barrett C.A. (ed.). American Indian history Vol. I. Aboriginal Action Plan – Oliphant v. Suquamish Indian Tribe. Pasadena, Salem Press, Inc. Publ., 2003. 819 p. Available at: <https://g.eruditor.one/file/2146361/>.
17. Smith J.M. (ed.). Seventeenth-Century America: Essays in Colonial History. Williamsburg, University of North Carolina Press Publ., 1959. 238 p. Available at: <https://g.eruditor.one/file/3545238/>.

18. Warpaths: invasions of North America / by I.K. Steele. – New York : Oxford University Press, – 1994. – 282 p. – URL: <https://g.eruditor.one/file/2565517/> (дата обращения: 08.09.2023).

19. Pocahontas's People: The Powhatan Indians of Virginia Through Four Centuries / by H.C. Rountree. – Norman : University of Oklahoma Press, 1990. – 404 p. – URL: <https://ru.annas-archive.org/md5/f64d079aa0796fdb30b31b27043d313> (дата обращения: 06.09.2023).

20. Travels and Works of Captain John Smith President of Virginia, and Admiral of New England 1580–1631 / ed. by E.Arber. – Edinburgh : John Grant, 1910. – Vol. I, pt. II. – 616 p. – URL: <https://archive.org/details/travelsworksofca01smituoft> (дата обращения: 03.10.2023).

21. Feest Ch.F. Seventeenth Century Virginia Algonquian Population Estimates / Ch.F. Feest // *Quarterly Bulletin, Archeological Society of Virginia*. – 1973. – № 28 (2). – P. 66–79. – URL: https://www.researchgate.net/publication/263851645_Seventeenth_Century_Virginia_Algonquian_Population_Estimates (дата обращения: 02.10.2023).

22. The Negro's and Indian's Advocate, suing for their Admission to the Church, or, A persuasive to the Instructing and Baptizing of the Negro's and Indians in Our Plantations / by M.Godwyn. – London : Printed for the Author, 1680. – 174 p. – URL: https://prdl.org/author_view.php?a_id=6877 (дата обращения: 06.10.2023).

18. Steele I.K. Warpaths: invasions of North America. Oxford University Press Publ., 1994. 282 p. Available at: <https://g.eruditor.one/file/2565517/>.

19. Rountree H.C. Pocahontas's People: The Powhatan Indians of Virginia Through Four Centuries. University of Oklahoma Press Publ., 1990. 404 p. Available at: <https://ru.annas-archive.org/md5/f64d079aa0796fdb30b31b27043d313>.

20. Arber E. (ed.). Travels and Works of Captain John Smith President of Virginia, and Admiral of New England 1580–1631. Edinburgh, John Grant Publ., 1910. Vol. I. Pt. II. 616 p. Available at: <https://archive.org/details/travelsworksofca01smituoft>.

21. Feest Ch.F. Seventeenth Century Virginia Algonquian Population Estimates. *Quarterly Bulletin, Archeological Society of Virginia*, 1973, no. 28 (2), pp. 66–79. – Available at: https://www.researchgate.net/publication/263851645_Seventeenth_Century_Virginia_Algonquian_Population_Estimates.

22. Godwyn M. The Negro's and Indian's Advocate, suing for their Admission to the Church, or, A persuasive to the Instructing and Baptizing of the Negro's and Indians in Our Plantations. London, Printed for the Author Publ., 1680. 174 p. Available at: https://prdl.org/author_view.php?a_id=6877.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимонин Максим Анатольевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timonin Maxim Anatolyevich – Postgraduate Student of the Chair of Theory and History of State and Law of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 21.10.2023; одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 23.11.2023. The article was submitted 21.10.2023; approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 23.11.2023.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 35+004
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.7

Original article

АБАСОВ Ибрагим Рагимович
ИП Абасов, Стерлитамак, Россия;
e-mail: ibragim.abasov@list.ru;
<https://orcid.org/0009-00009-4425-8488>

ABASOV Ibragim Ragimovich
Private Entrepreneur Abasov,
Sterlitamak, Russia.

ГАЛИМХАНОВ Азат Булатович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: alflaw@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-0052-2912>

GALIMKHANOV Azat Bulatovich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ЮСУПОВ Рахимьян Галимьянович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: yusupovr.g@yandex.ru;
<https://orcid.org/8061960R>

YUSUPOV Rakhimian Galimianovich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

О КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ON THE MONITORING AND SUPERVISION OF THE STATE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TECHNOLOGIES DEVELOPMENT

Аннотация. Мы живем в информационную эпоху, характеризующуюся широким проникновением цифровых технологий во все сферы деятельности и взаимодействия власти, бизнеса и общества. Распространение технологий сопряжено с вызовами и рисками, что вызывает негативную реакцию специалистов разного профиля. Однако отказаться от запущенного процесса цифровизации мы объективно не можем. К тому же у этого процесса есть очевидные плюсы. В статье проблема рассмотрена на примере цифровой трансформации контрольно-надзорной деятельности в сфере образования. Цель: анализ подходов к современной организации контрольно-надзорной деятельности в сфере образования и их отражения в нормативных правовых актах в условиях развития цифровых технологий. Методы: общетеоретические (анализ, обобщение), частнонаучные (нормативистский, формально-логический метод изучения общественных отношений). В ходе

Abstract. We live in the information age, characterized by the widespread penetration of digital technologies into all areas of activity and interaction between government, business and society. The spread of technologies is associated with challenges and risks, which causes negative reactions of specialists of different professions. However, we objectively cannot refuse the launched process of digitalization. In addition, this process has obvious advantages. The article considers this problem on the example of the digital transformation of monitoring and supervision activities in the field of education. Purpose: to analyze the approaches to the modern organization of monitoring and supervision activities in the field of education and their reflection in regulatory legal acts in the context of the digital technologies development. Methods: general theoretical (analysis, generalization), specific scientific (normativist, formal-logical

цифровой трансформации контрольно-надзорной деятельности в сфере образования был разработан комплекс информационных систем и требования к образовательным организациям по размещению необходимой для контроля (надзора) информации на своих официальных сайтах. Принятые меры легли в основу переориентации контроля (надзора) на принципы открытости и экономии времени, а появившаяся возможность постоянного мониторинга деятельности образовательных организаций и упрощение коммуникаций с ними позволили органам контроля (надзора) сместить внимание с наказания за обнаруженные нарушения на их профилактику и развитие учебных заведений. В целом можно отметить положительный эффект от нововведений, выразившийся, в частности, в сокращении количества жалоб в адрес образовательных организаций, и подтвердить целесообразность внедрения новейших технологий в сферу контроля (надзора).

Ключевые слова: государственное управление, контроль, надзор, сфера образования, цифровизация, цифровые технологии

Для цитирования: Абасов И.Р. О контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти Российской Федерации в сфере образования в условиях развития цифровых технологий / И.Р. Абасов, А.Б. Галимханов, Р.Г. Юсупов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.7// Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 62–70.

method of studying social relations). Results: in the course of the digital transformation of monitoring and supervision activities in the field of education, a set of information systems and requirements for educational organizations to place the necessary information for monitoring (supervision) on their official sites has been developed. The measures taken underpinned the reorientation of control (supervision) to the principles of openness and time saving, and the opportunity to constantly monitor the activities of educational organizations and simplify communications with them allowed the control (supervision) bodies to shift their attention from punishment for detected violations to their prevention and development of educational institutions. In general, we can note the positive effect of innovations, expressed, in particular, in reducing the number of complaints against educational organizations, and confirm the feasibility of introducing the latest technologies in the field of monitoring (supervision).

Keywords: state administration, monitoring, supervision, sphere of education, digitalization, digital technologies

For citation: Abasov I.R., Galimkhanov A.B., Yusupov R.G. On the monitoring and supervision of the state authorities of the Russian Federation in the field of education in the context of the digital technologies development. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 62–70 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos pravgos-2023.4.7.

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с мировыми тенденциями общественного развития Россия переживает период возросшего внимания к совершенствованию цифровых технологий и их внедрения в различные сферы деятельности, в том числе профессиональную. Реакция на происходящие процессы неоднозначна. Тревогу вызывают, в частности, угрозы безопасности личных данных, выхода машин из-под контроля, вытеснения человека из профессиональной среды и т. д. Критически оцениваются некоторые формально-правовые нюансы (например, до сих пор по-разному трактуется соотношение понятий «информационные технологии», «информационно-коммуникационные технологии» и «цифровые технологии», что «влечет рассогласованность регулирования и правовую неопределенность» [1, с. 120]). С другой стороны, невозможно игнорировать тот факт, что мировое сообщество, развивая экономику и совершенствуя качество жизни людей, давно идет по цифровому пути. Наша огромная

страна не может себе позволить роль аутсайдера, застрявшего во вчерашнем дне, ибо так можно оказаться на обочине прогресса со всеми вытекающими последствиями. Более того, Россия уже ощутила последствия технологического отставания от стран – цифровых лидеров. Это большая тема, но кратко отметим, что в позднесоветский период и последующие годы отсутствие конкурентоспособных электронных технологий обернулось тем, что Россия, избавившаяся от железного занавеса, вошла на мировой рынок в основном как поставщик сырья. Это объективно был самый невыгодный курс, который не мог не отразиться на российской экономике и вообще на жизни всего российского общества.

Изложенное позволяет говорить о том, что чрезвычайно актуально решение двух крупных задач. Во-первых, развивать цифровые технологии все-таки необходимо. Во-вторых, необходимо знать и учитывать обусловленные технологическими новациями риски, о которых твердят и специалисты, и рядовые пользователи, с тем чтобы своевременно и эф-

фактивно блокировать негативные последствия цифровизации.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ

В России информатизация была обозначена как одно из приоритетных направлений государственного развития еще в 2008 г. Именно тогда было подписано распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», в котором провозглашался переход экономики на новую технологическую базу (информационные, био- и нанотехнологии) и курс на создание и развитие информационного общества¹. В 2017 г. Указом Президента РФ была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. В документе подчеркивалось, что использование технологий (прежде всего, технологий анализа больших объемов данных) является конкурентным преимуществом государства. Стратегия, принимая во внимание риски (технологии «основаны на зарубежных разработках», а отечественных аналогов нет), определила условия устойчивого функционирования российской информационной инфраструктуры, среди которых значилась замена импортного оборудования, программного обеспечения и электронной компонентной базы своими аналогами в целях обеспечения информационной безопасности и технологической независимости. В Стратегии были прописаны цели развития отечественных технологий в национальных интересах, в частности отмечалась актуальность повышения эффективности государственного управления, развития экономики и социальной сферы². Ареал применения технологий, как мы видим, был определен доста-

точно широко. Понятно, что в контексте Стратегии никакие технологические достижения и возможности не навязывались гражданам (в личных целях они вправе пользоваться любыми способами получения, использования и передачи информации, не противоречащими закону). В плане же совершенствования экономических процессов и взаимодействия государства и общества вопрос был поставлен ребром.

В соответствии со Стратегией в том же 2017 г. была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В ней упор делался на взаимодействие государства, бизнеса и науки, нацеленное на повышение конкурентоспособности российской экономики и ее отраслей на глобальном рынке. На экономике и было сосредоточено внимание. Но в документе имелось указание на то, что планируется дополнение программы разделами, посвященными отдельным отраслевым направлениям, среди которых упоминалось государственное управление, «включая контрольно-надзорную деятельность»³.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вопросы всего ареала цифровизации не входят в наши исследовательские задачи. Нам в рамках темы важно понять, какова была мотивация включения в цифровой ареал государства. В научной литературе этот вопрос обсуждается.

Так, Л.С. Леонтьева и ее коллеги считают, что развитие цифрового государственного управления «направлено на повышение доступа к востребованным государственным услугам без необходимости посещения гражданами государственных органов и организаций» [2, с. 279]. А, например, Д.С. Вагабова очерчивает проблему шире. По ее мнению, цифровизация государственного управления актуальна не только с точки зрения повышения удобства и доступности государственных услуг для граждан. Этот фактор не менее важен для бизнеса. Кроме того, как утвержда-

1 Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docrefstorf&oid=102449187&refs=1> (дата обращения: 25.07.2023).

2 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 25.07.2023).

3 О программе «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р [Электронный ресурс] // Правительство РФ : сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 29.07.2023).

ет автор, цифровизация государственного управления нацелена еще и на снижение трудозатрат государственных служащих, обеспечение прозрачности деятельности государственных органов и, что важно, возможности принятия управленческих решений «на основе наиболее актуальных и точных данных» [3, с. 115].

Еще более развернуто проблему актуализировали разработчики концепции «Государство-как-Платформа» (Центр стратегических разработок). Они детализировали значимость цифрового подхода к государственному управлению применительно к гражданам, бизнесу и самому государству. В представленной ими концепции преимущества для граждан заключаются в достижении скорости и качества оказания услуг и минимизации очного контакта граждан с государственными органами, высокой доли услуг, оказываемых в проактивном режиме, персонализации государственных услуг и пр. Преимущества для бизнеса заключаются в снижении различных административных издержек, нагрузки по представлению отчетности, в росте объема используемых государственных данных и пр. Целый ряд преимуществ получает само государство: встраивание данных в процессы принятия решений, автоматические алгоритмы принятия решений, мониторинг ситуации в режиме реального времени, скорость процессов, адресность государственной поддержки и пр. Отдельной строкой прописан пункт «дистанционный контроль объектов контроля и надзора» [4, с. 5].

Если обобщить изложенное, можно заключить, что ключевым преимуществом «цифры» является скорость сбора и обработки информации. Человек, распоряжающийся бумажными носителями, не в состоянии даже приблизиться к «цифре» ни по скорости обращения с информацией, ни по объему ее охвата. Не лишне обратить внимание на еще один фактор, который упомянутыми авторами прямо не называется, но явно подразумевается: математический алгоритм не способен принимать субъективные решения, то есть формально он всегда объективен, а это препона для проявлений неоправданного бюрократизма и коррупции. Соответственно, можно говорить о том, что цифровизация государственного управления – это путь к снижению социального напряжения и повышению доверия бизнеса и граждан к государству.

ТРЕБОВАНИЯ К ЦИФРОВИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Как мы отметили, в сферу применения цифровых технологий вошла контрольно-надзорная деятельность государства. Первые значимые шаги в этом направлении были сделаны еще в 2017 г. Тогда появился важный документ, чаще называемый Стандартом информатизации контрольно-надзорной деятельности (КНД). Еще одно название этого документа – Комплексные требования к информационным системам, обеспечивающим выполнение контрольно-надзорных функций органами исполнительной власти. Из этого названия ясно, что информатизация контрольно-надзорной деятельности должна базироваться на специально разработанных информационных системах. В тексте же даны указания на то, что все ведомственные и иные системы должны встраиваться в Единую информационную среду контрольно-надзорной деятельности, которая призвана обеспечивать информационное взаимодействие контрольно-надзорных органов между собой и с проверяемыми лицами и ориентировать всех участников в требованиях и поручениях, содержащихся в правовых актах, программах и дорожных картах, связанных с реформируемой КНД. Надо сказать, Стратегия – достаточно объемный документ, детализирующий и систематизирующий многие аспекты поставленной перед разработчиками задачи. Считаем важным отметить, что в нем четко представлено, что конкретно планируется автоматизировать, а именно процессы управления рисками при осуществлении КНД, внедрения системы оценки результативности и эффективности КНД, учета обязательных требований к проверяемым лицам и видам деятельности, информационного взаимодействия между контрольно-надзорными органами и проверяемыми лицами, органами прокуратуры, иными государственными органами, заинтересованными гражданами и организациями и т. д.⁴

⁴ Комплексные требования к информационным системам, обеспечивающим выполнение контрольно-надзорных функций органами исполнительной власти (Стандарт информатизации контрольно-надзорной деятельности) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222111/dda260456aae341fcee9c7558e086ead99b9cf92/ (дата обращения: 08.08.2023).

Цифровизация государственного управления, в том числе КНД, оказалась задачей сложной. Подходы к ее реализации менялись, проекты корректировались, какие-то документы утрачивали силу, взамен принимались другие, но процесс продолжался. В частности, в 2019 г. утратила силу программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017). Взамен был разработан национальный проект с тем же названием, включающий перечень конкретных мер и указание на срок реализации – до 31 декабря 2024 г. В структуру национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» вошло несколько федеральных проектов («Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность» и др.). Среди них отметим проект «Цифровое государственное управление», в котором, согласно паспорту, предусмотрены пункты, обязывающие обеспечить «управление деятельностью сотрудников государственных органов с использованием платформы исполнения государственных функций, в том числе при осуществлении контрольной (надзорной) деятельности» (до 31 декабря 2021 г.) и организовать независимый сквозной учет событий в контрольно-надзорной деятельности – Единый реестр проверок (до 31 декабря 2024 г.)⁵.

На уровне законодательства проблема интеграции «цифры» в сферу контроля и надзора была урегулирована в 2020 г., когда вступил в силу Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Закон предписал создать ряд реестров, в том числе единых реестров видов контроля (надзора) и контрольных (надзорных) мероприятий, реестра заключений о подтверждении соблюдения обязательных требований, иных информационных систем, в том числе информационных систем контрольных (надзорных) органов (ст. 17)⁶. Специалисты поясняют, что информационные системы, создаваемые ор-

ганами контроля и надзора для организации и проведения государственного контроля (надзора), «должны обеспечивать передачу необходимых сведений в единый реестр видов контроля и единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий» [5, с. 79]. Новым источником информации стал реестр заключений о подтверждении соблюдения обязательных требований. Суть нововведения разъяснена в приказе Росаккредитации «Об утверждении порядка формирования и ведения реестра заключений о подтверждении соблюдения обязательных требований», утвержденном в ноябре 2021 г. В приказе сказано, в частности, что искомый реестр – это открытый государственный информационный ресурс, в который вносятся заключения о соответствии «с приложением полного перечня обязательных требований, на соответствие которым была проведена независимая оценка контролируемых лиц, с указанием нормативных документов, устанавливающих данные требования»⁷.

Можно заключить, что Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» заложил правовой фундамент открытости контрольно-надзорной функции государства, которая за предшествующие годы обросла коррупционно-бюрократическими изъятиями и стала негативно восприниматься субъектами предпринимательской и иной деятельности.

СПЕЦИФИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Сфера государственного контроля (надзора) чрезвычайно обширна, и система образования, к которой предъявляются обязательные требования, также входит в эту сферу. Понятно, что порядок проверок образовательных организаций базируется на положениях Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». В соответствии с этими положениями были изложены

5 Паспорт Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Правительство РФ : сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 08.08.2023).

6 О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 04.08.2023 № 483-ФЗ) [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45790> (дата обращения: 10.08.2023).

7 Об утверждении порядка формирования и ведения реестра заключений о подтверждении соблюдения обязательных требований : приказ Росаккредитации от 12.11.2021 № 222 [Электронный ресурс] // Национальная система аккредитации : сайт. URL: <https://fsa.gov.ru/documents/15719/> (дата обращения: 28.07.2023).

ст. 93 и 93.1 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», который определил предмет контроля (надзора) в системе образования, последствия нарушений требований законодательства об образовании, органы, уполномоченные осуществлять контрольно-надзорную деятельность в системе образования, и пр.)⁸. Здесь уместны некоторые уточнения.

Закон устанавливает, что государственный контроль (надзор) в сфере образования осуществляют уполномоченный федеральный орган исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в рамках переданных им полномочий по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере образования. Под уполномоченным федеральным органом исполнительной власти понимается Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор). В субъектах Российской Федерации учреждены свои органы, осуществляющие государственное управление в сфере образования (в Республике Башкортостан, например, действует Министерство образования и науки Республики Башкортостан). Им делегирована часть государственных полномочий в пределах территорий их регионов. Контрольно-надзорные полномочия исполнительных органов регионов не распространяются на образовательные организации высшего образования и федеральные государственные профессиональные образовательные организации, реализующие образовательные программы среднего профессионального образования в важнейших для государства сферах обеспечения безопасности.

Подчеркнем также, что в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» имеются уточнения относительно обязательных требований к образовательным организациям. К их числу отнесены лицензионные требования к образовательной деятельности, требования, предъявляемые федеральными государственными образовательными стандартами, а также требования к выполнению аккредитационных показателей (ст. 93).

Более детально контрольно-надзорная

деятельность в образовательной сфере регламентируется Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования, которое было утверждено в июне 2021 г. постановлением Правительства РФ. Документ, в частности, определяет ареал распространения цифровых технологий на исследуемую отрасль, упоминая формирование таких ресурсов, как реестр лицензий на осуществление образовательной деятельности; реестр организаций, осуществляющих образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам; государственная информационная система государственного надзора в сфере образования; Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении; иные государственные и региональные информационные системы, создаваемые в рамках межведомственного информационного взаимодействия⁹.

Итак, цифровая трансформация контрольно-надзорной деятельности в сфере образования опирается на ряд информационных систем, связанных с контрольно-надзорной деятельностью в целом и контрольно-надзорной деятельностью непосредственно в отрасли.

Как было отмечено, завершение реализации федерального проекта «Цифровое государственное управление» запланировано на конец 2024 г., но многие мероприятия, определяющие вектор развития КНД, уже осуществлены. Например, создан Единый реестр видов контроля (для этого оцифрованы более 30 тыс. нормативных актов) с подсистемой – реестром категоризированных объектов (в 2022 г. в нем значилось более 5 млн объектов). Реестр объектов связан с Единым реестром контрольных (надзорных) мероприятий, куда вносится вся информация о проверках и некоторых профилактических мероприятиях. Невнесение соответствующей информации в реестр наказуемо (ответственность определена в ст. 19.6.1 КоАП РФ). Для внесения данных о предмете проверки и выявленных нарушениях в Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий предусмотрены возможные зна-

8 Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 04.08.2023 № 479-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745> (дата обращения: 10.08.2023).

9 Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования : постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 997 [Электронный ресурс] // Правительство РФ : сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/135196/> (дата обращения: 28.07.2023).

чения, которые совпадают со значениями Реестра обязательных требований. Последний содержит не только перечень обязательных требований, но и информацию о нормативных правовых актах, их установивших. В 2022 г. в пяти субъектах Российской Федерации, включая Республику Башкортостан, в пилотном порядке были запущены региональные сегменты Реестра обязательных требований, что обусловлено спецификой правового регулирования (требования изложены не только в федеральных, но и в региональных актах)¹⁰.

Цифровизация контрольно-надзорной деятельности непосредственно в системе образования в определенном смысле опередила общий процесс цифровизации КНД. Она началась за несколько лет до появления Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, еще в 2013 г., когда вслед за вступлением в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» постановлением Правительства РФ¹¹ была инициирована разработка государственной информационной системы государственного надзора в сфере образования. Положения постановления в том же 2013 г. нашли отражение в ст. 98 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и, несмотря на дальнейшие изменения в подходах к цифровой трансформации КНД, актуальны до сих пор. В п. 7 ст. 98 сказано, что государственная информационная система государственного надзора в сфере образования необходима для «обеспечения единства требований к осуществлению государственного надзора в сфере образования и учета его результатов». В систему вносятся сведения об образовательных организациях и контролирующих органах, планы мероприятий по государственному надзору (контролю) и их результаты, выявленные нарушения и пр.

Считаем нужным отметить, что на этапе разработки системы Правительство РФ разделило два ключевых понятия: государствен-

ный надзор в сфере образования и государственный контроль в сфере образования.

Контроль связан с качеством образования и предполагает проведение проверок на соответствие деятельности образовательных организаций требованиям федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) и устранение выявленных нарушений. Надзор адресован как организациям, осуществляющим образовательную деятельность, так и органам государственной власти, осуществляющим управление в сфере образования, на предмет соответствия их действий требованиям законодательства об образовании и нацелен на пресечение и (или) устранение последствий выявленных нарушений.

Как было отмечено, за истекшие годы разработана информационная система, необходимых для реализации государственного контроля (надзора) в сфере образования, продолжилась. Динамику можно проследить, например, по исправлениям и дополнениям, внесенным в ст. 93 и 98 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Сформирован блок реестров и иных информационных систем. Помимо упомянутых запущены федеральный реестр апостилей, поставленных на документах об образовании и (или) о квалификации, федеральная и региональные информационные системы доступности дошкольного образования.

Переход к контрольной (надзорной) деятельности в сфере образования с использованием средств дистанционного взаимодействия происходит постепенно. По данным за август 2022 г., в 2022 г. в отношении субъектов Российской Федерации доля таких проверок Рособнадзора должна была составить не менее 30 %, в отношении образовательных организаций – не менее 60 %. В 2023 г. – 50 и 80 % соответственно¹².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе настоящего исследования мы обратили внимание на то, что в научной литературе и СМИ широко и зачастую критически

10 Цифровизация контрольно-надзорной деятельности в 2022 году и планы на 2023 год : доклад Правительства [Электронный ресурс] // Цифровая Россия : сайт. URL: <https://d-russia.ru/cifrovizacija-kontrolno-nadzornoj-dejatelnosti-v-2022-godu-i-plany-na-2023-god-doklad-pravitelstva.html> (дата обращения: 29.07.2023).

11 О государственной информационной системе государственного надзора в сфере образования : постановление Правительства РФ от 20.08.2013 № 719 [Электронный ресурс] // Правительство РФ : сайт. URL: <http://government.ru/docs/3946/> (дата обращения: 08.08.2023).

12 Ведомственная программа цифровой трансформации Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов от 15.08.2022 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_425006/ (дата обращения: 10.08.2023).

обсуждаются проблемы интеграции «цифры» в систему образования. Действительно, ситуация непростая. Так сложились обстоятельства, что в деле цифровизации процесса обучения не все происходит удачно. Например, негативные эффекты, причем в массовом порядке, проявились при вынужденном переходе на дистанционный формат в период эпидемиологических (ковидных) ограничений. Как бы ни расхваливались специалистами технологические новации, на практике уровень подготовки школьников, в том числе выпускников, и студентов, обучавшихся дистанционно, откровенно разочаровал. Таких примеров на самом деле много, и об этом сегодня активно говорят и пишут психологи, социологи, педагоги-практики и т. д. При этом вопросы цифровой трансформации контрольно-надзорной деятельности в сфере образования остаются почти незамеченными, хотя внедрение «цифры» методично шло на протяжении нескольких лет и продолжается до сих пор. Позволим себе предположить, что исследователи не видят выраженных негативных последствий цифровой трансформации контроля (надзора) в данной сфере. Реализация проектов в ней имеет в основном реестровый характер. В реестрах систематизируются данные, необходимые для проверок (что логично) и стимулирующие адекватные действия как органов, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность, так и образовательных организаций (что актуально). Персональные данные граждан в реестрах затрагиваются ограниченно – прежде всего в части, касающейся документов об образовании. Причем оцифровку таких данных можно оценить исключительно с положительной стороны как способ ликвидации некогда распространенной проблемы продажи липовых дипломов об образовании чуть ли не в переходах и трудоустройства лиц с такими дипломами.

Заметим, что реестровая инфраструктура поддерживает в основном формальную сторону КНД, упорядочивающую по унифицированным параметрам деятельность органов, осуществляющих контроль (надзор), а также образовательных организаций. Формальная сторона – это не предел КНД, но для надзора за соответствием действий всех участников требованиям законодательства об образовании она чрезвычайно важна. С нее, собственно, и должен начинаться контроль (надзор) в любой сфере, в том числе в сфере образования.

Контроль в сфере образования, как отмечено, связан с качеством образования и предполагает проведение проверок на соответствие деятельности образовательных организаций требованиям ФГОС. В этом вопросе формальный подход явно недостаточен, поскольку контроль качества образования предполагает среди прочего ознакомление экспертов с содержанием учебных планов, образовательных программ, рабочих программ и других документов. Но и в этом деле ряд проблем был снят посредством внедрения технологий. Сейчас необходимая информация размещается на официальных сайтах образовательных организаций. Соответственно, у экспертов, получивших возможность дистанционного ознакомления с этой информацией, сужается спектр поводов совершать инспекционные визиты.

В целом можно констатировать, что внедрение технологий в контрольно-надзорную деятельность в сфере образования дало хорошие результаты. Как пишет А.А. Кирилловых, на протяжении нескольких последних лет отмечается снижение плановых и внеплановых проверок Рособрнадзора и других уполномоченных органов. Автор связывает эту тенденцию с усилением профилактических мер, стимулирующих добросовестное соблюдение образовательными организациями обязательных требований («деятельность Рособрнадзора переориентирована с поиска и обнаружения фактов нарушений к их предупреждению»). В частности, он выделяет меры, обусловленные технологическими преобразованиями: своевременное правовое информирование, консультирование, профилактическое сопровождение и пр. Заработали принципы экономии времени и открытости, на которые делалась ставка при цифровизации КНД. В итоге стало снижаться общее количество жалоб со стороны потребителей образовательных услуг, что, в свою очередь, позитивно отразилось на проверочных инициативах контрольно-надзорных органов [6, с. 43–44].

Следует отметить, что цифровые преобразования, во многом нацеленные на ликвидацию избыточной нагрузки на образовательные организации и дублирования предметов контроля (надзора), вовсе не означают снижения внимания к образовательным организациям. Другое дело, что теперь изменился подход к решаемым в ходе КНД задачам. Если

предшествующая модель предполагала контроль (надзор) от проверки к проверке, то новый ее формат, в котором большая роль отводится современным информационным ресурсам, напротив, позволяет осуществлять по-

стоянный мониторинг и комплексную оценку образовательной (научной) деятельности организаций, но не столько в целях их наказания, сколько в целях их развития на основе своевременных рекомендаций и предостережений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарев А.В. Правовая природа цифровых технологий в государственном управлении / А.В. Бондарев // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 113–122.
2. Леонтьева Л.С. Формирование национального цифрового суверенитета в условиях дифференциации пространственного развития / Л.С. Леонтьева, М.В. Кудина, А.С. Воронов, С.С. Сергеев [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – Вып. 84. – С. 277–299. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/84_2021leontieva_kudina_voronov_sergeev.htm (дата обращения: 19.09.2023).
3. Вагабова Д.С. Цифровизации государственного управления / Д.С. Вагабова // Материалы Афанасьевских чтений. – 2023. – № 1. – С. 115–117.
4. Петров М. Государство как платформа / М. Петров, В. Буров, М. Шклярчук, А. Шаров. – Москва : Центр стратегических разработок, 2018. – 52 с.
5. Ладнушкина Н.М. Государственный контроль (надзор) в сфере образования в условиях цифровизации общественных отношений / Н.М. Ладнушкина // Образовательное право и правовое воспитание в условиях цифровых трансформаций : сборник статей Всероссийского круглого стола с международным участием в Московском городском педагогическом университете. – Москва ; Саратов : Саратовский источник, 2022. – С. 79–86.
6. Кирилловых А.А. Механизм «регуляторной гильотины» в образовании: проблемы и перспективы практической реализации в деятельности Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки / А.А. Кирилловых // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 17 (4). – С. 7–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абасов Ибрагим Рагимович – юриконсульт;

Галимханов Азат Булатович – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права;

Юсупов Рахимьян Галимьянович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abasov Ibragim Ragimovich – legal advisor;

Galimkhanov Azat Bulatovich – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Institute of Law;

Yusupov Rakhimian Galimianovich – Doctor of Sciences (History), Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023; одобрена после рецензирования 02.11.2023; принята к публикации 03.11.2023. The article was submitted 01.10.2023; approved after reviewing 02.11.2023; accepted for publication 03.11.2023.

REFERENCES

1. Bondarev A.V. The legal nature of digital technologies in public administration. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 113–122 (In Russian).
2. Leontieva L.S., Kudina M.V., Voronov A.S., Sergeev S.S. Creating national digital sovereignty in the context of spatial development differentiation. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik = Public Administration. E-journal*, 2021, Iss. 84, pp. 277–299. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/84_2021leontieva_kudina_voronov_sergeev.htm.
3. Vagabova D.S. Digitalization of Public Administration. *Materialy Afanas'evskih chtenij = Materials of Athanasian Readings*, 2023, no. 1, pp. 115–117. (In Russian).
4. Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. State as a platform. Moscow, Centr strategicheskikh razrabotok Publ., 2018. 52 p.
5. Ladnushkina N.M. State control (supervision) in the field of education in the context of digitalization of public relations. *Educational law and legal education in the context of digital transformations. Collection of articles from the All-Russian round table with international participation at the Moscow City Pedagogical University*. Moscow, Saratov, Saratovskij istochnik Publ., 2022, pp. 79–86. (In Russian).
6. Kirillovykh A.A. The «Regulatory Guillotine» mechanism in education: Problems and prospects of practical implementation in the work of the federal service for supervision in the field of education and science. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, no. 17 (4), pp. 7–45. (In Russian).

Научная статья
УДК 349.4, 349.6
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.8

Original article

МАШКОВА Татьяна Юрьевна
Московский государственный университет
геодезии и картографии (МИИГАиК),
Москва, Россия;
e-mail: t_mashkova@miigaik.ru

MASHKOVA Tatyana Yuryevna
Moscow State University of Geodesy and
Cartography (MIIGAiK), Moscow, Russia.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ ПРИ ОСВОЕНИИ «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО» И «АРКТИЧЕСКОГО» ГЕКТАРА

WASTE MANAGEMENT PROBLEMS IN THE «FAR EASTERN» AND «ARCTIC»
HECTARE DEVELOPMENT

Аннотация. Одной из актуальных социально-экономических и демографических задач Российской Федерации на современном этапе является реализация долгосрочной программы переселения граждан на удаленные дальневосточные и арктические территории страны. Но почти шестилетний период действия специального «дальневосточного» законодательного акта не показал высокие результаты. Одной из многочисленных причин этого, по мнению автора, выступает недостаточный учет земель, загрязненных отходами производства и потребления, в Федеральной информационной системе «надальнийвосток.рф» (далее – ФИС), в которой земельные участки для граждан – потенциальных обладателей дальневосточного гектара и арктического гектара – представлены как пригодные для освоения. Цель: анализ правовых и социально-экологических проблем, связанных с освоением программ «Дальневосточный гектар» и «Арктический гектар», загрязнением земель производственными и коммунальными (или бытовыми) отходами, «накопленным экологическим вредом» Арктической зоны России. Методы: сравнения, описания, формальной и диалектической логики, юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило выявить недостатки организационно-разрешительной деятельности муниципальных и региональных властей дальневосточных и арктических регионов, органов Росреестра, связанные с реализацией программ «Дальневосточный гектар» и «Арктический гектар». С одной стороны, для их устранения требуется уточнение и корректировка местоположения указанных в ФИС земельных участков, выделенных для реализации прав граждан на дальневосточный гектар и арктический гектар. С другой стороны, из исследования вытекает необходимость более полного выявления территорий с накопленным экологическим

Abstract. Currently, one of the urgent socio-economic and demographic tasks of the Russian Federation is the implementation of a long-term program for the resettlement of citizens to remote Far Eastern and Arctic territories of the country. Nevertheless, the almost six-year period of the special «Far Eastern» legislative act has not shown good results. One of the numerous reasons for this, according to the author, is the insufficient accounting of lands contaminated by production and consumption waste in the Federal Information System «nadalniy.vostok.rf» (hereinafter – FIS), in which land plots for citizens – potential owners of Far Eastern hectares and Arctic hectares – are presented as suitable for development. Purpose: to analyze legal and socio-environmental problems related to the development of the «Far Eastern hectare» and «Arctic hectare» programs, land pollution by industrial and municipal (or household) waste, «accumulated environmental harm» of the Arctic zone of Russia. Methods: comparison, description, formal and dialectical logic, legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study reveals the shortcomings of organizational and licensing activities of municipal and regional authorities of the Far Eastern and Arctic regions, as well as the Federal Registration Service (Rosreestr) bodies related to the implementation of the «Far Eastern hectare» and «Arctic hectare» programs. On the one hand, in order to eliminate the identified problems, it is necessary to clarify and adjust the location of the land plots designated in the FIS for the realization of citizens' rights to the Far East hectare and Arctic hectare. On the other hand, the study highlights the need to better identify the areas of accumulated environmental damage and

вредом и утилизации отходов производства и потребления, а также корректировки регионального законодательства с целью недопущения выделения под программу «Дальневосточный гектар» территорий, ранее используемых для размещения отходов производства и потребления.

Ключевые слова: закон о «дальневосточном гектаре», дальневосточный гектар, арктический гектар, промышленные отходы, твердые коммунальные отходы, коренные малочисленные народы, проект «Чистая Арктика»

Для цитирования: Машкова Т.Ю. Проблемы обращения с отходами при освоении «дальневосточного» и «арктического» гектара / Т.Ю. Машкова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 71–77.

production and consumption waste disposal, as well as to adjust the regional legislation to avoid the allocation to the «Far East Hectare» program of territories previously used for the production and consumption waste disposal.

Keywords: «On the Far Eastern hectare» Law, Far Eastern hectare, arctic hectare, industrial waste, solid household waste, indigenous small-numbered peoples, «Clean Arctic» Project

For citation: Mashkova T.Yu. Waste management problems in the «Far Eastern» and «Arctic» hectare development. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 71–77 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.8.

ПРАВОВАЯ СПЕЦИФИКА МНОГОЛЕТНЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗЕМЕЛЬНО-ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ «ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГЕКТАР»

Программа переселения российских граждан в отдаленные районы Дальнего Востока, для реализации которой был принят специальный Федеральный закон¹ (далее – закон о «дальневосточном гектаре», ФЗ № 119, «дальневосточный» закон), действует уже более 6 лет. Однако реальные результаты ее реализации далеки от прогнозов и ожиданий запланированных темпов переселения граждан на удаленные территории страны, хотя география программы постоянно расширяется. Первоначальное применение «дальневосточного» закона, ограниченное территориями девяти субъектов Российской Федерации, в настоящее время распространено на 18 российских регионов (с учетом присоединения к ранее существовавшим 9 сибирским субъектам Республики

Бурятия и Забайкальского края)², а также арктические территории нескольких северных регионов страны³.

Законом о «дальневосточном гектаре» внесены серьезные изменения в традиционные земельно-правовые отношения, предусмотренные ЗК РФ. Программа предоставляет потенциальным обладателям пустующих дальневосточных и арктических земель страны однократное право получения в безвозмездное пользование земельного участка как из состава земель сельскохозяйственного назначения, так и лесного фонда, а в отдельных случаях – земель населенных пунктов из разряда государственной или муниципальной собственности.

2 О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 : Указ Президента РФ от 03.11.2018 № 632 [Электронный ресурс]. URL: kremlin.ru>acts/bank/43719 (дата обращения: 26.10.2023).

3 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части предоставления гражданам «арктического гектара» : Федеральный закон от 28.06.2021 № 226-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: consultant.ru>document/cons_doc_LAW_388478/ (дата обращения: 26.10.2023).

1 Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: base.garant.ru>71388648/ (дата обращения: 26.10.2023).

Для ускорения темпов реализации дальневосточной переселенческой программы в 2021 г. в закон о «дальневосточном гектаре» внесены изменения, позволяющие после успешного освоения земельного участка выделять дополнительно еще по гектару дальневосточной земли в расчете на каждого переселенца⁴. Кроме того, для увеличения привлекательности программы заселения пустующих дальневосточных и арктических земель также предложено усилить льготное кредитование и другие преференции.

Дополнительной инновацией закона о «дальневосточном гектаре» стали изменения, внесенные в ст. 1, 2, 4 ФЗ № 119, позволившие применять «дальневосточный» закон не только для российских граждан, но и для граждан зарубежных стран, имеющих статус участников Госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию зарубежных соотечественников⁵. Более подробно о преференциях правового и организационного характера, в том числе о мерах государственной поддержки, а также о проблемах применения закона о «дальневосточном гектаре» говорится в других публикациях автора [1; 2].

Таким образом, несмотря на усиливающиеся меры поддержки «дальневосточной» программы, ее результаты довольно скромные: за 6 лет на Дальний Восток переехало немногим более 108 тыс. переселенцев, хотя заявлений

подано почти вдвое больше. Программа «Арктический гектар» действует чуть более года, а заявки на начало освоения участков на арктических территориях уже подали около 10 тыс. граждан⁶.

ПРОБЛЕМЫ НАКОПЛЕННЫХ ОТХОДОВ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ» ПРОГРАММЫ

Среди причин невысокого результата переселения можно выделить многокомпонентную проблему, связанную с обращением с отходами производства и потребления. Так, в Читинской области на территории, выделенной на окраине сельского поселения Бургень для размещения подросткового лагеря для военно-патриотического воспитания по программе «Дальневосточный гектар», обнаружилась свалка⁷. Оказалось, что при закреплении земельного участка через специально созданный Минвостокразвития для реализации программы информационный ресурс не было учтено, что когда-то на этом участке была мусорная свалка. В дело вмешалась Читинская межрайонная природоохранная прокуратура, внесшая представление органам местного самоуправления района, а также направившая в суд иск о признании незаконным бездействие муниципальных властей в сфере обращения с отходами. После этого границы земельного участка для лагеря были скорректированы. При этом Генеральная прокуратура РФ взяла ситуацию на контроль и поручила подведомственным надзорным органам выявлять подобные случаи.

Еще более вопиющий случай произошел под Хабаровском, где под выделение участков попала территория бывшего Хорского биохимического комбината. Прилегающая к предприятию зеленая зона была превращена в масштабную несанкционированную свалку отходов комбината. Таким образом, на терри-

4 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части закрепления дополнительных земельных участков : Федеральный закон от 28.06.2021 № 226-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388478/ (дата обращения: 26.10.2023).

5 О внесении изменений в Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 3 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в части предоставления земельных участков соотечественникам : Федеральный закон от 27.12.2018 № 503-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: kremlin.ru/acts/bank/43927 (дата обращения: 26.10.2023).

6 Мишустин предложил продлить право получить арктический и дальневосточный гектар [Электронный ресурс]. URL: rg.ru (дата обращения: 13.10.2022).

7 ДВ-гектар с мусором под Читой заменили после вмешательства Генпрокуратуры РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mkchita.ru/social/2021/06/23/dvgektar-s-musorom-pod-chitoy-izmenili-posle-vmeshatelstva-genprokuratury-rf.html?ysclid=lpctlfmqm935812347> (дата обращения: 01.11.2023).

тории, выделенной под программу «Дальневосточный гектар», оказались промышленные отходы предприятия биохимической промышленности. И в этом случае для замены выделяемых участков и устранения нарушений потребовалось вмешательство прокуратуры и прочих уполномоченных органов Хабаровского края (краевого Министерства земельных и имущественных отношений)⁸.

На юге острова Сахалин, на берегу Анивского залива Охотского моря, вблизи пляжа, предназначенного для массового отдыха, муниципальные власти выделили местным жителям в качестве дальневосточных гектаров земельные участки, на которых ранее была размещена масштабная свалка. После коллективного обращения местного населения в органы Росприроднадзора муниципальные власти Анивского городского округа предложили пользователям земельных участков самим очистить пляж от мусора (а это около 3 тыс. м²)⁹.

Подобных примеров, связанных с выделением дальневосточных земель, загрязненных отходами производства и потребления, немало. Понятно, что эти факты дискредитируют государственную дальневосточную переселенческую программу, следовательно, должны более тщательно контролироваться надзорными органами. Поэтому заинтересованным субъектам необходимо учитывать возможности развития регионального законодательства, предусмотренные нормами п. 2 ст. 2 «дальневосточного» закона. В частности, у причастных субъектов Российской Федерации имеется возможность издания законов или иных нормативно-правовых актов, в которых «могут быть определены территории, в границах которых земельные участки не могут быть предоставлены в безвозмездное пользование», а п. 3.2 этой же статьи предусматривает необходимость описания местоположения таких «запретных» территорий. Следовательно, приведенные факты указывают на недостаточность проработки регионального законодательства, регулирующего, наряду

с федеральным законом, отдельные вопросы переселенческой программы. Региональным законодателям целесообразно заняться доработкой своих нормативных актов с внесением соответствующих изменений, препятствующих земельно-правовым нарушениям, то есть необходимо законодательно закрепить невозможность выделения по программе «Дальневосточный гектар» территорий, ранее используемых для разных видов обращения как с коммунальными, так и с промышленными отходами, особенно для размещения полигонов отходов и несанкционированных свалок.

Еще один пример связан с тем, что муниципалитеты дальневосточных территорий не всегда могут знать, какую именно деятельность организует обладатель земельного участка. Ведь все процедуры оформления происходят в автоматическом режиме через информационный портал «надальнийвосток.рф». Потенциальный переселенец уведомляет местные власти о видах деятельности, которыми он планирует заниматься, то есть изначально, на этапе регистрации участка, возможен выбор только легальной, узаконенной деятельности. Однако отдельные претенденты решили использовать послабляющие нормы ФЗ № 119 для организации экологически опасной деятельности в обход экологического законодательства.

Так, московский бизнесмен заявил свою деятельность как «складские площадки, недропользование, нефтехимическая и строительная промышленность», что на начальном этапе не противоречило нормам действующего законодательства, так как его земельный участок располагается в производственной зоне поселка Горячие Ключи на острове Итуруп Сахалинской области¹⁰. Однако позже предприимчивый обладатель дальневосточного участка вознамерился использовать его иначе, обойдя с помощью норм «дальневосточного» закона обязательные процедуры, требуемые для размещения экологически опасного объекта по хранению промышленных отходов 3-го класса опасности (буровых и нефтяных шламов). В частности, для размещения подобного объекта требуется положительное

8 Выданный жителю поселка под Хабаровском «дальневосточный гектар» превратили в свалку [Электронный ресурс]. URL: dvnovosti.ru/2017/08/01/69932 (дата обращения: 26.10.2023).

9 На Сахалине «дальневосточные гектары» выдали на земле с мусором [Электронный ресурс]. URL: trud-ost.ru/?p=527193 (дата обращения: 01.11.2023).

10 Дальневосточный гектар: как делают экологически опасный бизнес на бесплатной земле [Электронный ресурс]. URL: ECOportal.su/news/view/109022.html (дата обращения: 26.10.2023).

заключение государственной экологической экспертизы. Поскольку на острове работают такие крупные отечественные нефтекомпании, как «Роснефть» и «Газпромнефть», а также зарубежные (Shell, ExxonMobil), то проблема промстоков, особенно бурового и нефтяного шлама, стоит на Сахалине особенно остро. Но подобную деятельность нельзя отнести к недропользованию и иным заявленным видам деятельности предпринимателя. Только вмешательство природоохранных и правоохранительных органов не позволило реализовать размещение экологически опасного объекта под прикрытием освоения программы «Дальневосточный гектар».

Таким образом, для недопущения нарушений, связанных с потенциальным несанкционированным накоплением и хранением опасных промышленных отходов, особенно в регионах активной нефтедобычи, требуется организация систематического контроля за видами деятельности, которыми планируют заниматься участники программы «Дальневосточный гектар».

ОСОБЕННОСТИ ПРОГРАММЫ «АРКТИЧЕСКИЙ ГЕКТАР»

Для реализации программы «Полярный гектар», или «Арктический гектар», часть норм «дальневосточного» закона была изменена¹¹. Наиболее значимым отличием является возможность получения земельных участков Арктической зоны, непосредственно примыкающих или даже входящих в территорию городов. Другое важное отличие – участие в организационных вопросах программы специально созданного в 2020 г. Общественного совета Арктической зоны. Так, в согласовании выделения конкретных участков помимо властей каждого субъекта Российской Федерации участвует этот совещательно-консультативный орган при Министерстве РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. Основными задачами Общественного совета Арктической зоны, в состав которого входят ис-

ключительно представители общественных и некоммерческих организаций, являются: мониторинг взаимодействия резидентов Арктической зоны с коренными малочисленными народами Российской Федерации, участие в разработке мероприятий по защите хрупкой окружающей среды Арктической зоны, выработка предложений по повышению эффективности управления Арктической зоной. Важной новаторской нормой «дальневосточного» закона для реализации арктической программы можно рассматривать учет особенностей деятельности коренных малочисленных народов (далее – КМН). Эти нормы особенно актуальны для таких северных регионов, как республики Коми и Карелия, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, так как синхронизованы с требованиями соответствующего закона – Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ, обеспечивающего гарантии прав российских КМН¹².

Однако по ряду рассмотренных далее причин территории указанных регионов, как и большинства северных территорий, не пользуются спросом у потенциальных обладателей арктического гектара, так как только малая часть арктических земель может быть использована в хозяйственной деятельности по объективным причинам. Несмотря на то что территория полуострова Ямал по площади превосходит Францию, огромная его часть – это малодоступные участки в виде лесотундры и тундровых болот. Кроме того, огромные участки полуострова выведены из оборота, так как на них находятся месторождения углеводородов (11 газовых и 15 нефтегазоконденсатных месторождений), а также Государственный природный заказник регионального значения «Ямальский», что весьма ограничивает возможности выделения арктического гектара.

Аналогичная картина складывается и на другом крупнейшем полуострове страны, Таймыре, который расположен в Красноярском крае и является самой северной материковой частью российской суши. Здесь тоже сосредоточены крупнейшие месторождения углево-

¹¹ О внесении изменений в ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков...» в части предоставления гражданам «арктического гектара»: Федеральный закон от 28.06.2021 № 226-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru/document/420387763 (дата обращения: 26.10.2023).

¹² О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru/document/901732262 (дата обращения: 01.11.2023).

дорогов и находится один из самых больших природных биосферных заповедников страны – «Таймырский». По причинам нередко случающихся разливов нефти и других неблагоприятных факторов (превышений ПДК по загрязнению атмосферного воздуха) ограниченные земельные участки территорий этих полуостровов, которые могут быть получены по программе «Арктический гектар», потенциальными заявителями не востребованы [3].

Таким образом, не только суровые климатические условия, но и экологические факторы, иные социально-экономические причины не способствуют активному и эффективно-му запуску программы «Арктический гектар» в таких северных регионах, как Республика Коми, Ямало-Ненецкий автономный округ и Красноярский край. Хотя именно в этих регионах сконцентрирована традиционная хозяйственная деятельность КМН, указанные регионы показывают самую низкую конкуренцию среди потенциальных обладателей дальневосточного гектара.

Получению гражданами арктического гектара не способствуют выделенные к освоению территории, где раньше велась интенсивная сельскохозяйственная и промышленная деятельность. Так, на полуострове Таймыр за десятилетия эксплуатации накоплена колоссальная концентрация промышленных отходов от производств «Норильского никеля», который к тому же не привык строго соблюдать экологические нормы. Земельные участки по программе «Арктический гектар» в Воркуте предусмотрены к выделению в местах заброшенных шахтерских поселков и интенсивного развития в советские годы сельскохозяйственных ферм, промплощадок объединения «Воркутауголь»¹³. Подобные примеры не могут способствовать возрождению деградирующих территорий моногородов Крайнего Севера.

Кроме того, полигоны и свалки твердых бытовых и промышленных отходов, занимающие огромные площади северных территорий, не только существенно влияют на изменение полярных ландшафтов, но и оказывают серьезное негативное воздействие на хруп-

кую северную природу, формируют неблагоприятную окружающую среду. Для недопущения подобных случаев наложения земельных участков, выделяемых претендентам, с территориями, занятыми свалками, следует более тщательно отслеживать внесение земельных участков в ФИС, а также в региональном законодательстве, принимаемом в соответствии с п. 3.7 ст. 2 ФЗ № 119, указывать конкретные местоположения территорий, запрещенных к выделению.

Ликвидация «накопленного вреда» как импульс развития программы «Арктический гектар»

На популярность и востребованность программы «Арктический гектар» положительный эффект может оказать волонтерский проект «Чистая Арктика»¹⁴, а также более объемный национальный проект «Чистая страна»¹⁵. Только за 2021 г. с арктических территорий страны вывезено более 1,5 тыс. тонн отходов, в том числе емкостей с отработанным топливом, пластика, крышек и прочих бытовых и промышленных отходов. При этом только на арктических территориях Якутии было накоплено более 4 млн тонн металлолома, а предполагаемые затраты на его утилизацию оцениваются более 60 млрд рублей. Подобная «уборка» арктической зоны, главной задачей которой является ликвидация накопленного за многие годы вреда и утилизация отходов, инициирована общественностью и поддержана на государственном уровне серьезными организациями мерами и финансовыми вложениями. При этом планируется восстановить более 100 гектаров разрушенных и захлажденных арктических земель.

Есть надежда, что указанные меры правового, организационного, социально-экономического и экологического характера смогут повысить привлекательность программ «Дальневосточный гектар» и «Арктический гектар», что позволит качественно улучшить демографическую ситуацию в удаленных регионах страны и в целом в России.

¹⁴ О проекте «Чистая Арктика» [Электронный ресурс]. URL: eco-projects.ru/projects/arctic/about/index.html (дата обращения: 18.10.2023).

¹⁵ «Чистая страна» – Национальный проект Экология [Электронный ресурс]. URL: ecologyofrussia.ru (дата обращения: 18.10.2023).

¹³ Развитию арктического гектара мешает коррупция [Электронный ресурс]. URL: https://spb.octagon.media/politika/razvitiyu_arkticheskogo_gektara_meshaet_korrupciya.html?ysclid=lpсup03wxi22169422 (дата обращения: 18.10.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Злотникова Т.В. Современные правовые механизмы освоения дальневосточных территорий / Т.В. Злотникова, Т.Ю. Машкова // Современные тенденции развития экологического, земельного и аграрного права : материалы международной научно-практической конференции (Москва, ИГП РАН, 19 июня 2018 г.) / отв. ред. В.В. Устюкова, Т.В. Редникова, О.А. Самончик, Ю.А. Каспрова. – Москва : ИГП РАН, 2018. – С. 331–335.
2. Машкова Т.Ю. Безвозмездное использование земель: новые управленческо-правовые и социально-экономические механизмы / Т.Ю. Машкова // Вестник Удмуртского университета. – 2020. – Т. 30, № 3. – С. 412–417.
3. Гребенец В.И. Проблема размещения отходов в арктических регионах России / В.И. Гребенец, В.А. Толманов, А.Г. Хайрединова // Проблемы региональной экологии. – 2019. – № 3. – С. 63–67 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-razmescheniya-othodov-v-arkticheskikh-regionah-rossii> (дата обращения: 01.11.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Машкова Татьяна Юрьевна – старший преподаватель кафедры земельного права и государственной регистрации недвижимости.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mashkova Tatyana Yuryevna – Senior Lecturer of the Department of Land Law and State Registration of Real Estate.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 25.11.2023. The article was submitted 20.10.2023; approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 25.11.2023.

REFERENCES

1. Zlotnikova T.V., Mashkova T.Yu. Modern legal mechanisms for the development of Far Eastern territories. In Ustyukova V.V., Rednikova T.V., Samonchik O.A., Kasprov Yu.A. (eds.). Modern trends in the development of environmental, land and agricultural law. Materials of the international scientific and practical conference (Moscow, IGP RAS, June 19, 2018). Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 331–335. (In Russian).
2. Mashkova T.Yu. Gratuitous utilization of land: new management and legal, social economic mechanisms. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of Udmurt University*, 2020, vol. 30, no. 3, pp. 412–417. (In Russian).
3. Grebenets V.I., Tolmanov V.A., Khairedinova A.G., Yurov F.D. Issues of waste disposal in the Russian Arctic regions. *Problemy regional'noj ekologii = Regional Environmental Issues*, 2019, no. 3, pp. 63–67. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-razmescheniya-othodov-v-arkticheskikh-regionah-rossii>.

Научная статья
УДК 342.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.9

Original article

ХИМЧЕНКО Алексей Игоревич
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия;
e-mail: alekseykhimchenko@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-1171-6023>

KHIMCHENKO Alexey Igorevich
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia.

АКТУАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ ДОВЕРИЯ

TOPICAL INFORMATION AND LEGAL ISSUES OF FORMING A DIGITAL
TRUST ENVIRONMENT

Аннотация. Решение задачи формирования цифровой среды доверия требует теоретического исследования концептуальных вопросов реализации составляющих механизмов, правовых аспектов и систематизации подходов к его обеспечению. В статье осмысливается трансформация понятия «доверие» в условиях цифровизации. Рассматривается значимость доверия для функционирования цифровой среды, организации взаимодействия в современных условиях. Анализируются правовые вопросы реализации механизмов доверия и тенденции законопроектной деятельности, выделяются ключевые направления стимулирования доверия, векторы развития, отраслевые подходы. Цели исследования: анализ и систематизация информационно-правовых подходов к формированию доверия в цифровой среде. Методы исследования: диалектики, обобщения и системного анализа общественных отношений, связанных с проблемами взаимодействия в цифровой среде, правового моделирования. В статье проанализированы и структурированы ключевые элементы и принципы реализации доверия в цифровой среде, предложен концептуальный подход к формированию его структуры.

Ключевые слова: информационная инфраструктура, доверенная сторона, цифровое пространство, среда доверия, цифровая трансформация, цифровые активы, идентификация, достоверность, субъекты взаимодействия

Для цитирования: Химченко А.И. Актуальные информационно-правовые вопросы формирования цифровой среды доверия / А.И. Химченко. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 78–86.

Abstract. Solving the task of forming a digital trust environment requires a theoretical study of conceptual issues of implementing constituent mechanisms, legal aspects and systematization of approaches to ensuring it. The article examines the transformation of the concept of «trust» in the conditions of digitalization. The significance of trust for the functioning of a digital environment, organization of interaction in modern conditions is considered. The article analyzes legal issues of trust mechanisms implementation and trends in legislative activity, identifies key directions of trust stimulation, development vectors, and sectoral approaches. Research purposes: to analyze and systematize information and legal approaches to the formation of trust in the digital environment. Research methods: dialectics, generalization and system analysis of public relations related to the problems of interaction in the digital environment, legal modeling. The article analyzes and structures the key elements and principles of trust implementation in the digital environment, proposes a conceptual approach to the formation of its structure.

Keywords: information infrastructure, trusted party, digital space, trust environment, digital transformation, digital assets, identification, credibility, interaction subjects

For citation: Khimchenko A.I. Topical information and legal issues of forming a digital trust environment. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 78–86 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.9.

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Доверие традиционно является одним из ключевых принципов реализации взаимодействия в любой среде. Суть этого многозначного понятия отражает один из феноменов, лежащих в самой основе социальности, принципы организации и существования социальных институтов и общества [1, с. 5].

В правовой сфере фактор доверия имеет особое значение, поскольку в той или иной степени присутствует на всех этапах правоотношений, определяя в том числе сущностные и функциональные проявления права [2, с. 7].

Цифровая трансформация, меняя подходы и формы реализации взаимодействия при осуществлении общественных отношений, обуславливает и изменение самой сущности доверия, условий его реализации, формирования и выражения. Особую актуальность приобретают концептуальные вопросы определения сущности доверия в цифровой среде, соотношения степени доверия и содержания правоотношений, критериев доверия и риска, моделирования оптимального набора механизмов и архитектуры составляющих процессов, выработки мер повышения доверия.

Недостаточный уровень доверия субъектов взаимодействия друг другу ведет к росту транзакционных, ресурсных и управленческих издержек, снижению эффективности как отдельных институтов, так и публичного управления в целом, что в условиях постпандемийного изменения форматов работы, увеличения доли дистанционных сервисов и услуг в традиционном деловом обороте детерминирует поиск оптимальных решений, составляющих цифровую среду доверия, а вопросы, предвещающие эти решения, требуют научного осмысления.

Задача поиска решений повышения доверия в цифровой среде осложняется как недостаточной исследованностью и необходимостью поиска правовых конструкций регулирования отдельных технологий, составляющих саму цифровую среду [3, с. 152], так и общей тенденцией снижения доверия к праву [4, с. 140]. В то же время она имеет большое значение, поскольку качество пространства доверия в цифровой среде будет задавать вектор развития самой среды и определять принципы взаимодействия с ней человека.

СУТЬ ВОПРОСА

Категория «доверие», заключающаяся в «уверенности в добросовестности, искренности какого-либо субъекта, в правильности чего-либо»¹, часто используется в российском праве при регулировании широкого спектра общественных отношений. Прежде всего, она используется в Конституции РФ, в соответствии со ст. 75.1 которой создаются условия для взаимного доверия государства и общества. Правовая конструкция, основанная на доверии (недоверии), используется в конституционном праве в отношении оценки Государственной Думой деятельности Правительства, выражения недоверия, отказа в доверии.

Служебным законодательством предусмотрено увольнение государственных и муниципальных служащих в связи с утратой доверия. Избирательное законодательство предусматривает участие в процессе доверенных лиц политических партий и кандидатов, а административное и уголовное законодательство содержат положения о недопустимости злоупотребления доверием.

Более широко понятие «доверие» использует отраслевое законодательство. Так, Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»² содержит нормы о доверии и принципах его обеспечения, доверенной третьей стороне.

Термин «доверие» часто используется в законодательстве и концептуальных отраслевых документах в контексте формирования доверия к отдельным сферам и институтам. Например, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»³ предусматривает норму, в соответствии с которой полиция предписывается обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан. Банк России проводит мероприятия по повышению доверия потребителей к финансовым инструментам⁴.

Вместе с тем доверие используется и для описания нисходящих тенденций. Так, в Кон-

1 Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6771> (дата обращения: 30.03.2023).

2 Собрание законодательства РФ. 2011. № 15, ст. 2036.

3 Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

4 Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 15.01.2023).

цепции создания цифровой аналитической платформы, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 декабря 2019 г. № 3074-р⁵, описываются условия, которые могут приводить к снижению обоснованности принимаемых управленческих решений и снижению доверия к статистической информации. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229⁶, фиксирует дефицит доверия в международных делах.

Однако, несмотря на всю ширину спектра общественных отношений, затрагиваемых влиянием доверия, правового определения столь активно применяемого термина в действующем законодательстве нет [5, с. 14], как нет и определения понятия «цифровая среда доверия». В научных работах цифровое доверие преимущественно рассматривается в контексте цифровой экономики, что находит отражение в авторских подходах и определениях, а также неизменном признании значимой роли вопросов цифрового доверия [6, с. 18].

Так, Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновы цифровое доверие определяют как информированное ожидание участников рынка добросовестного и честного поведения контрагентов и посредников, которое подчиняется алгоритму компьютерной программы, созданной с использованием цифровой технологии [6, с. 21].

И.И. Кучеров отмечает, что «в недрах цифровой экономики необходимо обеспечить принципиально новый, практически абсолютный уровень доверия при взаимодействии экономических субъектов, а цифровая среда требует еще более высокого уровня доверия среди участников экономических отношений» [7, с. 38].

Существующая терминологическая неопределенность, признаваемая исследователями значимость доверия в цифровой среде предопределяют необходимость анализа и систематизации ключевых элементов, способствующих формированию пространства доверия в цифровой среде.

Идентификация

Значительное увеличение доли дистанционных технологий электронного взаимодействия, усложнение архитектуры и принципов

их функционирования способствовали росту востребованности идентификации участников, предопределив ее высокую роль в формировании среды доверия.

Как отмечает В.Б. Наумов, доверие – это полная идентификация субъектов, участвующих в коммуникациях [8, с. 26]. Разделяя указанный подход, Л.К. Терещенко отмечает необходимость создания условий для достоверного подтверждения личности (идентификации, аутентификации) [9, с. 13].

Подход, при котором вопросам идентификации отводится ключевая роль в методологии формирования цифровой среды доверия, нашел отражение в документах государственного планирования. В частности, в рамках мер по созданию правовых условий для формирования единой цифровой среды доверия «Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике»⁷ предусматривал расширение возможностей и способов идентификации.

Глубина потенциала и роль, отводимая вопросам идентификации в архитектуре информационной среды, закреплены в документах стратегического планирования. В соответствии с Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»⁸ в состав ключевых направлений развития технологий включены доверенные технологии электронной идентификации и аутентификации. Не ставя целью настоящего исследования анализ ключевых механизмов в сфере идентификации, стоит отметить признанную востребованность указанных решений.

Так, Банк России в «Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов» отмечает увеличивающийся спрос на платежи с использованием упрощенных идентификаторов (мобильный телефон, адрес электронной почты, социальный ID

⁷ Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен Правительством РФ 23.09.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333667/?ysclid=lpv3cssd7i782903228 (дата обращения: 15.01.2023).

⁸ Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

⁵ Собрание законодательства РФ. 2019, № 52 (ч. II), ст. 8054.

⁶ Собрание законодательства РФ. 2023, № 14, ст. 2406.

и т. п.) и планирует соответствующие мероприятия по формированию среды доверия⁹.

В качестве примера реализации новых решений стоит отметить «Единую цифровую платформу подписания документов» («Госключ»), реализующую возможность подписания заявителями документов в электронной форме. Посредством приложения «Госключ» была реализована верификация аккаунта через ЕПГУ с отображением соответствующего статуса после прохождения процедуры подтверждения личности на платформе «Авито». Индикация статуса верификации повысила трафик через подтвержденные аккаунты, снизив вероятность мошенничества и недобросовестных действий, тем самым способствуя повышению доверия пользователей.

Можно прогнозировать, что новые формы и модели экономической активности будут стимулировать развитие новых решений по идентификации. Например, логика развития цифровых экосистем указывает на востребованность новых бесшовных методов идентификации для совершения юридически значимых действий внутри контура экосистемы, которые в числе новых проектов, среди которых технологии видеопотока, цифровых отпечатков, платформа «Знай своего клиента», Единая информационная система проверки сведений об абоненте, потребуют соответствующей правовой проработки.

При этом тематика идентификации помимо разработки новых механизмов реализации ставит и фундаментальные правовые вопросы, среди них, как отмечает В.Б. Наумов, добровольность, соразмерность и конфиденциальность идентификации. Решение этих вопросов подразумевает разработку специального законодательства в сфере удаленной идентификации [10, с. 75].

Отдельно стоит выделить важную роль, выполняемую институтом идентификации в гуманитарных и культурных сферах, в числе которых Т.А. Полякова и А.В. Минбалева отмечают стратегическую задачу формирования «электронного пространства знаний» [11, с. 236].

БЕЗОПАСНОСТЬ

К ключевым элементам формирования доверия в цифровой среде следует отнести комплекс вопросов, связанных с безопасно-

стью информации непосредственно в самой цифровой среде.

Распространение дистанционной модели работы, увеличение доли дистанционных сервисов и услуг в традиционном деловом обороте способствовали увеличению киберактивности и последующему росту рисков цифровой среды.

Безопасность цифровой среды справедливо отнесена учеными к перспективному направлению правовых исследований [11, с. 115], а непосредственно безопасность цифровых технологий выделяется среди ключевых факторов, обеспечивающих доверие к ним [12, с. 19].

Частично научный подход к пониманию среды доверия нашел отражение в Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности (утверждены Указом Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213)¹⁰. Среди основных направлений государственной политики Российской Федерации признается выработка мер укрепления доверия в области противодействия применения технологий для осуществления противоправных действий в глобальном информационном пространстве.

Признаваемая Доктриной информационной безопасности Российской Федерации¹¹ проблема реализации совместного, справедливого, основанного на принципах доверия управления сетью Интернет фиксирует высокую роль доверия в механике функционирования цифровой среды и актуальность работы по ее достижению. Отмечаемые Доктриной в качестве одной из угроз национальной безопасности рост масштабов компьютерной преступности и увеличение числа преступлений, в том числе при обработке персональных данных с использованием информационных технологий, подчеркивают критические риски информационной среды. В указанных условиях, учитывая степень проникновения цифровой среды в повседневную жизнь и деловой оборот, вопросы ее безопасности имеют значительное влияние на потенциал доверия.

В целях обеспечения безопасности информационной среды положениями Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹² реализован ком-

⁹ Вестник Банка России. 2022. № 63.

¹⁰ Собрание законодательства РФ. 2021. № 16 (ч. 1), ст. 2746.

¹¹ Собрание законодательства РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

¹² Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448.

плекс мер, регламентирующих порядок распространения информации и направленных на повышение достоверности сведений.

Так, правовой режим распространения информации в сети Интернет предусматривает исключение возможности ущемления личных неимущественных прав, в частности на честь, достоинство, деловую репутацию, посредством установления запрета для определенных субъектов взаимодействия (владельца социальной сети, новостного агрегатора, аудиовизуального сервиса) на распространение указанных категорий сведений. Кроме того, на новостной агрегатор возложена обязанность проверять достоверность общественно значимых сведений до их распространения, не допускать сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения недостоверной общественно значимой новостной информации под видом достоверных сообщений. Владелец социальной сети предписано осуществлять мониторинг в целях выявления информации с последующим принятием мер по ограничению доступа к установленной информации.

ДОСТОВЕРНОСТЬ

К ключевым элементам системы доверия в цифровой среде стоит отнести комплекс вопросов, связанных с обеспечением достоверности и неизменности электронных документов. Указанный подход нашел отражение в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, о чем свидетельствует отнесение комплекса вопросов по продвижению проектов по внедрению электронного документооборота в организациях, созданию условий для повышения доверия к электронным документам, осуществлению в электронной форме идентификации и аутентификации участников правоотношений к основным задачам применения информационных технологий. Кроме того, Доктриной информационной безопасности Российской Федерации к направлениям реализации национальных интересов в информационной сфере отнесено формирование безопасной среды оборота достоверной информации.

Исследуя условия формирования цифровой среды доверия, Л.К. Терещенко в дополнение к достоверному подтверждению личности (идентификации, аутентификации) отмечает необходимость подтверждения достоверности и неизменности электронных документов.

При рассмотрении особенностей реализации достоверности информации в цифровой среде следует отметить реализованный нормами Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»¹³ механизм электронных подписей (далее – ЭП), предназначенный для определения подписанта информации при совершении юридически значимых действий. Элементом доверия в случае применения ЭП является признание подписанного ЭП электронного документа равнозначным подписанному собственноручной подписью документу и возможность использования при осуществлении правоотношений в зависимости от особенностей ЭП.

Для обеспечения доверия в процессе информационного обмена данными введен институт доверенной третьей стороны, функциональную роль которой осуществляет юридическое лицо посредством проверки ЭП в электронных документах в установленный момент времени в отношении лица, подписавшего электронный документ.

Нормами закона предусмотрена обязанность доверенной третьей стороны по обеспечению конфиденциальности, целостности и доступности информации при ее обработке, хранении и передаче и ответственность за нарушение порядка реализации своих функций и исполнения обязанностей, а также за убытки, причиненные третьим лицам вследствие их доверия к информации, указанной в сертификате ключа проверки электронной подписи.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, несмотря на актуальность и эффективность применения электронного документооборота, отдельные элементы системы требуют регуляторного внимания, поскольку отсутствует комплексная нормативная основа для осуществления юридически значимого электронного документооборота, а также единые подходы к созданию, обороту, хранению и использованию электронных документов. Нормы действующего законодательства не предусматривают механизмов обеспечения сохранности юридической силы документов на период архивного хранения (создания надежной доверенной среды хранения), создания копий электронных документов и соответствующей конвертации.

¹³ Собрание законодательства РФ. 2011. № 15, ст. 2036.

ИНСТРУМЕНТЫ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Процесс цифровой трансформации экономики обусловил появление новых объектов, активно используемых в гражданском обороте. Использование современных инструментов цифровой экономики уже сейчас является неотъемлемым элементом процесса взаимодействия с цифровой средой, при этом очевидна тенденция его дальнейшей интенсификации. Вопросы цифровых активов, осложненные в том числе и тем, что особенности организации выпуска и обращения цифровой валюты в действующем законодательстве не находят своего отражения, в то время как их использование на территории Российской Федерации в качестве средства платежа законодательно запрещено, а также ввиду особой чувствительности финансовой сферы в целом, приобретают актуальность в контексте доверия и заслуживают отдельного рассмотрения.

Отношения, возникающие в части цифровых финансовых активов, регулируются нормами Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁴.

Элемент доверия реализован в особенностях правового режима, согласно которому цифровые финансовые активы и цифровая валюта подлежат учету, осуществляемому операторами информационной системы и операторами обмена, для которых установлен перечень обязанностей.

Так, оператор системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, обязан обеспечить возможность восстановления доступа обладателя цифровых финансовых активов к записям системы по его требованию, бесперебойность и непрерывность, целостность и достоверность информации о цифровых финансовых активах, корректность реализации алгоритмов создания, хранения и обновления информации, а также невозможность внесения изменений в установленные алгоритмы иными лицами. Кроме того, на оператора информационной системы возложена обязанность предоставлять в установленном порядке

информацию о цифровых финансовых активах, принадлежащих их обладателю, обеспечить хранение информации о сделках в течение установленного срока.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Отдельным фактором повышения доверия к цифровой среде является сокращение возможности использования цифровых сервисов в недобросовестных целях.

Массивы данных и технологии их обработки создают качественно новые возможности для всех участников взаимодействия в цифровой среде, при этом формируя для владельца данных риски создания искусственной заинтересованности либо потребности в определенном товаре (услуге).

Очевидно, что приоритетными при этом являются интересы собственников и бенефициаров алгоритмов, направленные на их монетизацию, в связи с чем поиск сбалансированных решений регулирования механики функционирования рекомендательных алгоритмов (с реализацией возможности полного или частичного отказа пользователей от их применения, возможности выбора перечня сервисов для применения алгоритмов, раскрытие принципов функционирования и др.) будет способствовать повышению доверия к таким сервисам и цифровой среде в целом.

Специфику применения алгоритмов отражает и логика проекта федерального закона № 160278-8, в соответствии с которым предлагается признавать применение цифровых алгоритмов в картельных соглашениях отягчающим обстоятельством при привлечении к административной ответственности.

В контексте доверия необходимо упомянуть и особенности использования цифровых профилей физических и юридических лиц, порождающие ряд вызовов современной системе гражданско-правовой защиты личных немущественных прав граждан [12, с. 11].

ЗАЩИТА ПРАВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

На доверие к финансовым институтам и цифровой среде влияет наличие механизмов и возможности реализации интересов и защиты прав субъектов взаимодействия в цифровой среде.

¹⁴ Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5018.

К примерам, стимулирующим повышение доверия, можно отнести реализованные нормами Федерального закона от 18 марта 2023 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»¹⁵ расширение способов подачи заявления при обращении в Агентство страхования вкладов с требованием о выплате возмещения по вкладам, включившее возможность подачи заявления в электронной форме (в зависимости от условий идентификации вкладчика).

Анализ законопроектной деятельности позволяет выделить вектор реализации мероприятий, направленных на стимулирование доверия к цифровой среде. К ним можно отнести проект федерального закона № 197920-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе»», разработанный в целях совершенствования механизма противодействия хищению денежных средств со счетов клиентов кредитных организаций и механизма их возврата.

Продуктивным направлением является также совершенствование финансовых инструментов, направленных на минимизацию возможности их использования в неправомерных целях и преобразование в цивилизованный финансовый инструмент, работающий на развитие цифровой экономики.

Так, на снижение противоправной деятельности в цифровой среде направлен проект федерального закона № 322818-8, посредством которого предлагается обязать кредитные и микрофинансовые организации уведомлять заемщиков о заключении договоров потребительского кредита (займа) и микрозайма путем направления уведомления через портал «Госуслуги».

Проект федерального закона № 341256-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)»», направленный на предупреждение мошеннического получения потребительских займов (кредитов) третьими лицами, предусматривает право гражданина установить в своей кредитной истории запрет на заключение с ним договоров потребительского займа и снять такой запрет.

ОТРАСЛЕВЫЕ ПОДХОДЫ

В рамках настоящего исследования подходов к пониманию и реализации цифровой среды доверия следует отметить тенденцию включения тематики доверия в отдельные отраслевые документы. При этом подход к проблематике реализован либо на декларативном уровне, либо интеграцией различных по содержательному наполнению мероприятий.

Например, Концепцией развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 21 февраля 2020 г. № 381-р¹⁶, предусмотрен набор мер, реализация которых призвана стимулировать процессы доверия. Так, предусмотрено расширение возможностей и способов идентификации, создание платформы идентификации, включая биометрическую идентификацию, облачную квалифицированную ЭП, цифровые профили гражданина и юридического лица, единое пространство доверия ЭП на базе единой системы идентификации и аутентификации, применения и визуализации ЭП для документов.

В Концепции информационной безопасности в сфере здравоохранения на основе подхода, предусмотренного в национальных стандартах Российской Федерации в сфере информационных технологий, определяется понятие доверия, в том числе инструменты анализа доверия: свидетельство доверия, уровень доверия, а реализация мер защиты информации в информационных системах в сфере здравоохранения подразумевает использование средств доверенной загрузки.

Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 г.¹⁷ предполагается решение задач, одним из приоритетных направлений которых является формирование среды доверия посредством обеспечения технической, организационной и правовой защиты интересов граждан, бизнеса и государственных интересов.

¹⁵ Собрание законодательства РФ. 2023. № 12, ст. 1896.

¹⁶ Собрание законодательства РФ. 2020. № 10, ст. 1357.

¹⁷ Законность. 2017. № 12.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какие же выводы можно сделать по результатам проведенного исследования?

1. В действующем законодательстве доверие используется как составной элемент ключевых процессов широкого спектра общественных отношений. В то же время характерно широкое использование доверия в чувствительных для личности и критических для общества сферах. В условиях отсутствия легального определения необходима модернизация понятийного аппарата, выработка общего концептуального подхода и единого понимания архитектуры «Доверия в цифровой среде». Комплексность проблематики обеспечения доверия в цифровой среде не подразумевает возможности решения через определение. При этом представляется целесообразным использовать подход, при котором под доверием в цифровой среде будет пониматься состояние составляющих ее процессов, отвечающее определенному набору критериев и требований.

2. Формирование цифровой среды доверия – это комплексный многовекторный процесс, находящийся на стыке различных сфер и компетенций. Подразумевается широкий спектр мер по регламентации деятельности

технологических процессов, обеспечению качества и безопасности взаимодействия в цифровой среде.

3. В настоящее время отсутствуют механизмы анализа состояния доверия в цифровой среде. Необходимо выработать систему индикаторов и критериев доверия, разработать методологические подходы к измерению уровня доверия в условиях цифровой трансформации. При разработке критериев целесообразно учитывать такие факторы, как наличие сертификатов безопасности, используемые решения по идентификации и документообороту, структуру политик конфиденциальности по работе с персональными данными и др.

4. Среда доверия в цифровом пространстве должна предусматривать наличие механизмов обеспечения сохранности юридической силы документов на период архивного хранения (создания надежной доверенной среды хранения), создание копий электронных документов и соответствующей конвертации.

5. Проблематика доверия в цифровой среде часто находит отражение в отраслевых документах планирования, при этом отсутствие единого системного подхода поднимает вопрос выработки методологии и синхронизации подходов.

Список источников

1. Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства : материалы к заседанию Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Аналитический вестник. – 2020. – № 7 (750). – 68 с.
2. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право / А.Н. Кокотов. – Москва : Норма: Инфра-М, 2020. – 190 с.
3. Батурич Ю.М. Искусственный интеллект: правовой статус или правовой режим? / Ю.М. Батурич, С.В. Полубинская // Государство и право. – 2022. – № 10. – С. 141–154.
4. Polyakova T.A. Trust in the law during the digital transformation / T.A. Polyakova, V.B. Naumov, A.V. Minbaleev // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 139–147.
5. Нарутто С.В. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе / С.В. Нарутто, А.В. Никитина // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 7. – С. 13–18.
6. Санникова Л.В. Цифровые активы: правовой анализ : монография / Л.В. Санникова, Ю.С. Харитонов. – Москва : 4 Принт, 2020. – 304 с.
7. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : научно-практическое пособие / под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. – Москва : ИЗИСП, НОРМА, 2022. – 376 с.

REFERENCES

1. Trust as a critical factor in achieving the strategic goals of the socio-economic and political development of the state: Materials for the meeting of the Scientific Expert Council under the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. *Analyticheskij vestnik = Analytical Bulletin*, 2020, no. 7 (750). 68 p. (In Russian).
2. Kokotov A.N. Confidence. Mistrust. Law. Moscow, Norma: Infra-M Publ., 2020. 190 p.
3. Baturin Yu.M., Polubinskaya S.V. Artificial intelligence: legal status or legal regime? *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 10, pp. 141–154. (In Russian).
4. Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 11, pp. 139–147.
5. Narutto S.V., Nikitina A.V. The constitutional principle of trust in the modern Russian society. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2022, no. 7, pp. 13–18. (In Russian).
6. Sannikova L.V., Kharitonov Yu.S. Digital assets: legal analysis. Moscow, 4 Print Publ., 2020. 304 p.
7. Kucherov I.I., Sinitsyn S.A. (eds.). Digital economy: current directions of legal regulation. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, NORMA Publ., 2022. 376 p.

8. Наумов В. Цифровая среда доверия / В. Наумов, Е. Авакян, А. Чубурков, Янковский Р., Белова С., Тевс М., Махносов Э., Рыбалко В. // Закон. – 2019. – № 9. – С. 25–38.
9. Терещенко Л.К. Единая цифровая среда доверия как условие формирования цифровой экономики / Л.К. Терещенко // Информационное право. – 2020. – № 4. – С. 12–15.
10. Наумов В.Б. Задача обеспечения тайны идентификации в информационном праве / В.Б. Наумов // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 3 (32). – С. 70–75.
11. Полякова Т.А. Формирование единого российского электронного пространства знаний как стратегическая задача обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2018 : сборник материалов. – Минск, 2018. – С. 235–240.
12. Полякова Т.А. Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев // Государство и право. – 2021. – № 9. – С. 115.
13. Минбалеев А.В. Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан / А.В. Минбалеев // Гражданское право. – 2022. – № 2. – С. 9–11.
8. Naumov V. et al. Digital environment of trust. *Zakon = Law*, 2019, no. 9, pp. 25–38. (In Russian).
9. Tereshchenko L.K. Unified digital environment of trust as a condition for the formation of the digital economy. *Informacionnoe pravo = Information Law*, 2020, no. 4, pp. 12–15. (In Russian).
10. Naumov V.B. The task of ensuring the secrecy of identification in information law. *Monitoring pravoprimereniya = Monitoring of Law Enforcement*, 2019, no. 3 (32), pp. 70–75. (In Russian).
11. Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Formation of a unified Russian electronic knowledge space as a strategic task of ensuring information security in the Russian Federation. *Information Technologies and Law: Legal Informatization – 2018. Collection of materials*. Minsk, 2018, pp. 235–240. (In Russian).
12. Polyakova T.A., Minbaleev A.V. The concept and legal nature of digital maturity. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2021, no. 9, pp. 115. (In Russian).
13. Minbaleev A.V. Problems of the civil law protection of personal non-property rights in the process of the digital profiling of citizens. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*, 2022, no. 2, pp. 9–11. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Химченко Алексей Игоревич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры информационного права и цифровых технологий.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khimchenko Alexey Igorevich – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Department of Information Law and Digital Technologies.

Статья поступила в редакцию 13.10.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 14.11.2023.
The article was submitted 13.10.2023; approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 14.11.2023.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Научная статья
УДК 347.191.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.10

Original article

МАКАРОВА Ольга Александровна
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: moamoa@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-3021-6449>

MAKAROVA Olga Alexandrovna
Saint-Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russia.

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПУБЛИЧНЫХ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

RUSSIAN LEGISLATION ON PUBLIC JOINT STOCK COMPANIES: PAST AND PRESENT

Аннотация. Статья посвящена характеристике российского законодательства о публичных акционерных обществах, для которого это понятие является достаточно новым, поскольку оно получило легальное закрепление только с 2014 г., когда произошло реформирование ГК РФ, а вслед за ним реформирование всего корпоративного законодательства Российской Федерации. Законодательство о публичных акционерных обществах рассматривается и в узком – только федеральные законы, и в широком смысле – иные нормативные правовые акты, прежде всего, принимаемые Центробанком России. Законодательное регулирование публичных акционерных обществ характеризуется как императивное, иначе говоря, «жесткое» регулирование. Вместе с тем определенную роль в регулировании правового положения публичного акционерного общества играет и так называемое «мягкое» регулирование, представленное Кодексом корпоративного управления. С начала 2022 г. российские корпорации, прежде всего публичные акционерные общества, осуществляют свою деятельность в условиях беспрецедентных экономических санкций и ограничений, введенных коллективным Западом и США. Ограничения повлияли на порядок и условия управления в корпорациях, что не могло в конечном счете не нарушить права и законные интересы их акционеров (участников). Принятые в начале 2022 г. и действующие в 2023 г. законодательные меры направлены на сохранение управляемости корпораций, создание механизмов, обеспечивающих работоспособность советов директоров (наблюдательных советов) как стратегических органов корпораций, а также защищающих интересы корпораций и их акционеров (участников).

Abstract. The article is devoted to the characteristics of the Russian legislation on public joint stock companies, for which this concept is quite new, since it received legal recognition only in 2014, when the Civil Code of the Russian Federation was reformed, followed by the reform of the entire corporate legislation of the Russian Federation. The legislation on public joint stock companies is considered both in a narrow sense – only federal laws, and in a broad sense – other regulatory legal acts, primarily those adopted by the Central Bank of Russia. Legislative regulation of public joint stock companies is characterized as imperative, in other words, «strict» regulation. At the same time, the so-called «soft» regulation represented by the Corporate Governance Code also plays a certain role in regulating the legal status of a public joint stock company. Since the beginning of 2022, Russian corporations, primarily public joint stock companies, have been operating under unprecedented economic sanctions and restrictions imposed by the collective West and the United States. The restrictions affected corporate governance procedures and conditions, which ultimately violated the rights and legitimate interests of their shareholders (participants). Legislative measures adopted at the beginning of 2022 and in force in 2023 are aimed at maintaining the manageability of corporations, creating mechanisms to ensure the functionality of boards of directors (supervisory boards) as strategic bodies of corporations, as well as protecting the interests of corporations and their shareholders (participants). In general, corporate governance in Russian corporations, despite the

В целом корпоративное управление в российских корпорациях, несмотря на введенные санкционные ограничения, демонстрирует высокий уровень устойчивости и продолжает функционировать как эффективная система. Цель: показать динамику развития законодательства о публичных акционерных обществах, проанализировать трансформацию законодательства в условиях санкционных ограничений. Методы: теоретический метод, включающий анализ действующих нормативных правовых актов, а также синтез, формализацию, конкретизацию и обобщение нормативного правового материала. Результаты: несмотря на небольшое количество публичных акционерных обществ¹ по сравнению с непубличными акционерными обществами и открытыми акционерными обществами, следует признать, что становление российского законодательства о публичных акционерных обществах завершилось. В настоящее время продолжается его развитие, сопряженное с введением целого ряда мер санкционного ограничительного характера. Принятые законодателем в 2022–2023 гг. меры имеют экстраординарный характер, не всегда соответствуют принципам надлежащего корпоративного управления (в частности, разделение компетенции между советом директоров и исполнительным органом, информационной прозрачности и открытости публичного акционерного общества), но они носят вынужденный характер и направлены на сохранение управляемости публичных акционерных обществ.

Ключевые слова: публичное акционерное общество, совет директоров (наблюдательный совет), раскрытие информации, императивное регулирование

Для цитирования: Макарова О.А. Российское законодательство о публичных акционерных обществах: прошлое и настоящее / О.А. Макарова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 87–95.

¹ По данным ФНС, на 1 февраля 2021 г. количество зарегистрированных в ЕГРЮЛ ПАО составляло 933, на 1 января 2022 г. – 868, на 1 февраля 2023 г. – 911, на 1 июля 2023 г. – 890 (см.: Федеральная налоговая служба : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/10553558/ (дата обращения: 19.07.2023)).

imposed sanctions and restrictions, demonstrates a high level of sustainability and continues to function as an effective system. Purpose: to show the dynamics of legislative development on public joint stock companies, to analyze the transformation of legislation in the conditions of sanction restrictions. Methods: theoretical method, including analysis of current regulatory legal acts, as well as synthesis, formalization, specification and generalization of regulatory legal material. Results: despite the small number of public joint stock companies compared to non-public joint stock companies and open joint stock companies, it should be recognized that the formation of Russian legislation on public joint stock companies has been completed. Currently, its development continues, coupled with the introduction of a number of restrictive sanction measures. The measures adopted by the legislator in 2022–2023 are extraordinary in nature and do not always comply with the principles of good corporate governance (in particular, the separation of competence between the board of directors and the executive body, information transparency and openness of a public joint stock company), but they are of a forced nature and are aimed at preserving the manageability of public joint stock companies.

Keywords: public joint stock company, board of directors (supervisory board), information disclosure, imperative regulation

For citation: Makarova O.A. Russian legislation on public joint stock companies: Past and present. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 87–95 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.10.

ВВЕДЕНИЕ

Под законодательством о публичных акционерных обществах (ПАО) в узком смысле понимаются федеральные законы, в широком – совокупность федеральных законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих правовое положение ПАО. В ус-

ловиях введенных ограничений российский законодатель вынужден был принять экстраординарные меры, направленные на сохранение работоспособности органов ПАО. Принятые меры определены как федеральными законами, так и нормативными правовыми актами Президента РФ, Правительства РФ и Центробанка РФ.

Периодизация российского законодательства о публичных акционерных обществах

В своем становлении и развитии российское законодательство о ПАО прошло несколько этапов.

Первый этап – начало 90-х годов прошлого века – 1994 г. – становление российского акционерного законодательства, характеризующееся делением акционерных обществ на закрытые и открытые. Последние рассматривались как аналог ПАО.

Первые российские законодательные акты об акционерных обществах, принятые в начале 1990-х годов, не определяли правовое положение ПАО.

Первый российский нормативный правовой акт – Положение об акционерных обществах, утвержденное Постановлением Совета Министров РСФСР 25 декабря 1990 г. № 601¹ (далее – Положение № 601) – закрепляло деление акционерных обществ на открытые и закрытые. В соответствии с ним «общество может быть открытым или закрытым, что отражается в уставе. Акции открытого общества могут переходить от одного лица к другому без согласия других акционеров. Акции закрытого общества могут переходить от одного лица к другому только с согласия большинства акционеров, если иное не оговорено в уставе» (п. 7).

В последующем деление акционерных обществ на открытые и закрытые было закреплено Федеральным законом от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», вступившим в силу с 1 января 1996 г.², а также ГК РФ.

Положение № 601 и первая редакция Федерального закона «Об акционерных обществах» были ориентированы на американское корпоративное законодательство. По сути, с Положения № 601 происходит в некотором роде «американизация» складывающейся системы российского корпоративного управления и отход от более близкого российскому правопорядку германского варианта управления акционерными обществами. Достаточно сказать, что с Положения № 601 в российском

корпоративном законодательстве прочно закрепилось понятие «совет директоров», который рассматривается как высший орган управления общества в промежутках между общими собраниями, решающий все вопросы деятельности общества, если они не отнесены к исключительной компетенции общего собрания акционеров.

Развитие законодательства об акционерных обществах происходило под сильным влиянием приватизационного законодательства. Первые российские открытые акционерные общества были созданы в процессе преобразования государственных предприятий в акционерные общества в соответствии с приватизационным законодательством. Акционерами таких обществ наряду с государством являлись работники бывших государственных предприятий, имевшие право приобретать акции создаваемого акционерного общества на льготных условиях. Такие акционерные общества отличались распыленным акционерным капиталом и, как результат, слабыми механизмами управления. В этом отношении они напоминали американские корпорации с большим количеством мелких акционеров.

Период 1992–1993 гг. знаменовался хроническими задержками и невыплатами заработной платы. Работники, став акционерами акционерного общества, не понимали сути происходящих изменений и, желая получить хоть какие-нибудь средства, продавали принадлежащие им акции. В этот период начинается практически не регулируемая законодательством массовая скупка акций у работников-акционеров.

Второй этап в развитии законодательства о ПАО – 1994–2014 гг. С 1 января 1994 г. вступила в силу гл. 4 ГК РФ³, с 1 января 1996 г. – Федеральный закон «Об акционерных обществах», а с 25 апреля 1996 г. – Федеральный закон «О рынке ценных бумаг»⁴, который определял требования к регистрации ценных бумаг и к раскрытию информации на рынке ценных бумаг. В последующие годы, особенно в начале 2000-х, в акционерный закон вносятся многочисленные изменения, имеющие выборочный, непоследовательный характер. С одной стороны, принимаются изменения и дополне-

¹ Собрание постановлений Правительства РФ. 1991. № 6, ст. 92.

² Собрание законодательства РФ. 1996. № 1, ст. 1.

³ Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

⁴ Собрание законодательства РФ. 1996. № 17, ст. 1918.

ния, направленные на обеспечение и защиту прав и интересов миноритарных акционеров. В частности, в акционерный закон включается положение об избрании членов совета директоров кумулятивным голосованием, вводятся в оборот «дробные» акции. С другой стороны, вносятся изменения, имеющие диаметрально противоположное действие, расширяющие свободу менеджеров, не являющихся акционерами, и тем самым ущемляющие интересы акционеров. Например, Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»» было установлено, что членом совета директоров может быть только физическое лицо, в том числе и не акционер.

Ситуация, сложившаяся к началу 2000-х годов, свидетельствовала о том, что акционерные общества с большим числом миноритарных акционеров становятся слабоуправляемыми и подверженными не только корпоративным захватам, но, прежде всего, корпоративному шантажу со стороны все тех же миноритарных акционеров. В связи с этим необходимы были меры, направленные на повышение управляемости акционерного общества. Иными словами, в связи с проявлением различных форм корпоративного шантажа со стороны миноритарных акционеров необходимо было защитить само акционерное общество от акционеров, а не акционеров от общества.

На повышение управляемости акционерными обществами был направлен Федеральный закон от 5 января 2006 г. № 7-ФЗ⁵, который включил в акционерный закон гл. X1.1 о вытеснении миноритарных акционеров, то есть о порядке приобретения 30 % акций открытых акционерных обществ. Следует отметить, что процесс «вытеснения» миноритарных акционеров, несмотря на ряд определений Конституционного Суда РФ, прошел достаточно спокойно. Более того, в результате «вытеснения» многие акционерные общества сумели избавиться от «потерянных» акционеров, известив их о выкупе акций по адресу, имевшемуся у регистратора, и перечислив де-

нежные средства за выкупленные у них акции в депозит нотариуса.

Большую роль в развитии акционерного законодательства сыграл Федеральный закон от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», получивший название «антирейдерский»⁶. В законе были закреплены принципиально новые и важные положения, кардинально изменившие правоприменительную практику в сфере корпоративных отношений. Были установлены сокращенные сроки исковой давности для обжалования решений общего собрания акционеров, определены решения общего собрания акционеров и решения совета директоров, являющиеся ничтожными, не имеющими силы независимо от обжалования их в судебном порядке. Также был установлен судебный контроль и расширена возможность акционера при наличии соответствующих оснований обращаться в суд с требованием о понуждении общества включить предложенный вопрос в повестку дня общего собрания акционеров, о понуждении к проведению внеочередного общего собрания акционеров, о включении в список кандидатов для избрания в органы акционерного общества. Кроме того, закон закрепил право акционеров обжаловать в судебном порядке не только решения общих собраний акционеров, но и решения совета директоров и коллегиального исполнительного органа акционерного общества.

Третий этап в развитии законодательства о публичных акционерных обществах начался с сентября 2014 г., в связи со вступлением в силу так называемой «корпоративной части» ГК РФ, в соответствии с Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»⁷.

В ГК РФ были внесены принципиально важные новые статьи о корпоративных юридических лицах (ст. 65.1), о правах и обязанностях участников корпорации (ст. 65.2) и об управлении в корпорации (ст. 65.3). По сути, ГК РФ закрепил легальное определение понятия «корпоративное юридическое лицо (кор-

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 05.01.2006 № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 2, ст. 172.

⁶ Собрание законодательства РФ. 2009. № 29, ст. 3642.

⁷ Собрание законодательства РФ. 2014. № 19, ст. 2304.

порация)», что в некоторой степени поставило точку в многочисленных доктринальных спорах о понятии корпорации. Этим же законом было отменено деление акционерных обществ на открытые и закрытые и включены нормы о публичных и непубличных обществах (ст. 66.3) и о публичном акционерном обществе (ст. 97). Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 210-ФЗ в акционерный закон были внесены изменения, направленные на приведение его положений в соответствие с ГК РФ в части статуса публичного и непубличного акционерного общества⁸.

После внесенных в 2014 г. в ГК РФ изменений происходит формирование и своего рода «накопление» нормативно-правового материала, обеспечивающего регулирование правового положения ПАО. При этом наблюдается определенный отход от «американизма» и возврат к европейской (прежде всего немецкой) системе регулирования корпоративных отношений и корпоративного управления.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПУБЛИЧНЫХ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

В течение 2022–2023 гг. развитие законодательства о публичных акционерных обществах происходит в экстраординарных условиях, обусловленных введением ограничительных мер [1].

Определенные меры в сфере регулирования корпоративных отношений, направленные прежде всего на сохранение системы корпоративного управления, обеспечение эффективной работы стратегического органа ПАО – совета директоров (наблюдательного совета), были определены двумя федеральными законами – от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ⁹ и

8 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 29.06.2015 № 210-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27, ст. 4001.

9 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, признании утратившим силу абзаца шестого части первой статьи 7 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования корпоративных отношений в 2022 и 2023 годах : Федеральный закон от 14.07.2022 № 292-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (ч. III), ст. 5259.

от 19 декабря 2022 г. № 519-ФЗ¹⁰. В этих целях закон № 519-ФЗ допускает возможность образования совета директоров ПАО на срок до третьего годового общего собрания акционеров с момента избрания. Так, акционеры «Газпрома» на прошедшем 30 июня 2023 г. заочном годовом собрании избрали новый состав совета директоров. Впервые он избран не на один, а сразу на три года. «Совет директоров «Газпрома» сформирован на срок до третьего годового Общего собрания акционеров компании с момента избрания. Такая возможность предусмотрена федеральным законодательством», – отмечается в сообщении ПАО¹¹.

Кроме того, до 31 декабря 2023 г. предусмотрена возможность не создавать совет директоров (наблюдательный совет) в акционерном обществе по решению общего собрания, если в отношении акционерного общества иностранными государствами и международными организациями введены ограничительные меры, даже если образование совета директоров (наблюдательного совета) предусмотрено законодательством Российской Федерации или уставом такого акционерного общества. В этом случае функции совета директоров (наблюдательного совета) осуществляет коллегиальный исполнительный орган общества (при наличии), а в его отсутствие – единоличный исполнительный орган акционерного общества.

Федеральным законом от 7 октября 2022 г. № 381-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрена возможность приобретения публичным обществом размещенных им акций на организованных торгах для достижения определенной (определенных) цели (целей) в соответствии с программой приобретения акций, которая утверждается решением общего собрания акционеров или совета директоров,

10 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 19.12.2022 № 519-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212190006> (дата обращения: 19.07.2023).

11 Акционеры «Газпрома» выбрали на три года новый совет директоров с одним новым участником [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/909560> (дата обращения: 19.07.2023).

если данный вопрос отнесен к его компетенции уставом ПАО¹². Так, совет директоров крупнейшего в России золотодобытчика ПАО «Полюс» выделил Р579 млрд на выкуп 30 % собственных акций (buy-back). «Одобрение программы приобретения акций отражает уверенность совета директоров в долгосрочных перспективах развития компании и фундаментальных показателях ее деятельности, – говорится в сообщении. – Приобретенные акции будут использованы для финансовых и коммерческих целей «Полюса» и его дочерних обществ». Выкупленные акции могут использоваться в качестве «встречного предоставления» для потенциальных сделок слияний и приобретений, в рамках возможных размещений на рынке капитала, а также финансирования долгосрочных проектов развития потенциальными инвесторами и для других корпоративных целей¹³.

Кроме федеральных законов некоторые экстраординарные меры по регулированию деятельности ПАО определены указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ. Так, Указом Президента РФ от 25 апреля 2023 г. № 302 (в редакции от 16 июля 2023 г.) «О временном управлении некоторым имуществом» установлено, что в случае изъятия российских активов за рубежом предусматривается передача во временное управление иностранных активов в России. Временным управляющим в этом случае назначается Росимущество. По предложению Росимущества Президент может назначить временным управляющим и иное лицо. В соответствии с данным указом введено временное управление Росимущества по пакетам акций ПАО «Юнипро», ПАО «Фортум», АО «Данон Россия»¹⁴.

12 Новые поступления законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.msk.rsnet.ru/novye-postupleniya/federalnyy-zakon-ot-07-10-2022-381-fz-o-vnesenii-izmeneniy-v-otdelnye-zakonodatelnye-akty-rossiyskoy/> (дата обращения: 19.07.2023).

13 «Полюс» решил выкупить до 30 % своих акций у акционеров [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/business/10/07/2023/64abd4629a7947db67d57892?utm_medium=email&utm_source=Unisender&utm_campaign=300598370 (дата обращения: 19.07.2023).

14 О временном управлении некоторым имуществом : Указ Президента РФ от 25.04.2023 № 302 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49196> (дата обращения: 19.07.2023).

В связи с введенными после февраля 2022 г. санкционными ограничениями Правительством РФ был принят ряд постановлений, дающих право эмитентам не раскрывать «чувствительную» корпоративную информацию. Постановлением Правительства РФ от 4 июля 2023 г. № 1102 «Об особенностях раскрытия и (или) предоставления информации, подлежащей раскрытию и (или) предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона «Об акционерных обществах» и Федерального закона «О рынке ценных бумаг»» определены случаи, при которых эмитенты ценных бумаг вправе осуществлять раскрытие и (или) предоставление информации, подлежащей раскрытию (в том числе в проспекте ценных бумаг) и (или) предоставлению, в соответствии с требованиями указанных законов вне зависимости от целей и форм раскрытия и (или) предоставления в ограниченном составе и (или) объеме, а также определен перечень информации, которую эмитенты вправе не раскрывать и (или) не предоставлять, и лиц, информация о которых может не раскрываться и (или) не предоставляться¹⁵. В новый перечень включены в том числе: сведения о составе органов управления и контроля за финансово-хозяйственной деятельностью эмитентов, информация об аффилированных лицах и дочерних организациях, финансовых вложениях, операциях в иностранной валюте, сделках, включая данные о том, что такие сделки не совершались.

Таким образом, после 2014 г. законодательство о ПАО практически сложилось и представлено, прежде всего, ГК РФ (ст. 97), федеральными законами об акционерных обществах и рынке ценных бумаг. В целом данное законодательство имеет императивный характер, что обусловлено положением ПАО и привлечением неограниченного круга потенциальных инвесторов, права и законные интересы которых могут быть нарушены.

15 Правительство уточнило порядок раскрытия информации компаниями-эмитентами [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/48937/> (дата обращения: 19.07.2023).

ИМПЕРАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПУБЛИЧНЫХ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ

ГК РФ устанавливает только основные требования, касающиеся правового положения ПАО. Законом об акционерном обществе предусматриваются дополнительные требования как к порядку приобретения обществом статуса публичного, так и к управлению ПАО. Так, с 1 января 2021 г. совет директоров (наблюдательный совет) ПАО обязан формировать комитет по аудиту для предварительного рассмотрения вопросов, связанных с контролем за финансово-хозяйственной деятельностью, в том числе с оценкой независимости аудитора ПАО и отсутствием у него конфликта интересов, а также с оценкой качества проведения аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности общества.

С 1 января 2021 г. в ПАО должны быть организованы управление рисками и внутренний контроль. Совет директоров (наблюдательный совет) ПАО утверждает внутренние документы общества, определяющие его политику в области организации управления рисками и внутреннего контроля.

Отдельные требования к деятельности ПАО определены нормативными правовыми актами Центробанка РФ, осуществляющего регулирование всего рынка финансовых услуг. Следует иметь в виду, что нормативные правовые акты Центробанка РФ могут издаваться в форме указаний, положений и инструкций (ст. 7 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»)¹⁶.

Среди нормативных правовых актов Центробанка России следует назвать положение от 19 декабря 2019 г. № 706-П¹⁷. Данные стандарты приняты в соответствии с положениями Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования осуществления эмис-

сии ценных бумаг» (так называемый закон об упрощении эмиссии ценных бумаг).

Стандартами регламентирована процедура предоставления документов для государственной регистрации выпуска ценных бумаг в электронной форме и процедура регистрации регистраторами выпусков акций, которые размещаются при учреждении акционерных обществ.

В целях модернизации системы раскрытия информации и оптимизации требований к раскрытию информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг Центробанком принято положение от 27 марта 2020 г. № 714-П¹⁸, действующее с учетом указания Банка России от 30 сентября 2022 г. № 6283-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 27 марта 2020 года № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг»» (вступило в силу с 1 апреля 2023 г.). Новое положение о раскрытии информации оптимизирует административную нагрузку на эмитентов ценных бумаг, связанную с раскрытием информации в различных формах. С одной стороны, исключается ряд избыточных требований, которые приводили к дублированию раскрываемой информации, увеличению потока незначительных данных, а с другой стороны, вводится требование к раскрытию в проспекте ценных бумаг и отчете эмитента наиболее важной информации на консолидированной основе по группе эмитента. На треть сокращается перечень раскрываемой информации в форме существенных фактов. Исключены требования к содержанию годового отчета акционерного общества, за исключением сведений о соблюдении Кодекса корпоративного управления.

Для ПАО введена обязанность раскрывать в сети Интернет информацию о регистраторе и о содержании внутренних документов по организации и осуществлению внутреннего аудита. В целях повышения эффективности управления рисками Банком России опубликовано информационное письмо от 1 октября 2020 г. № ИН-06-28/143 «О рекомендациях по

¹⁶ Собрание законодательства РФ. 2002. № 28, ст. 2790.

¹⁷ О стандартах эмиссии ценных бумаг : положение Банка России от 19.12.2019 № 706-П [Электронный ресурс]. URL: <http://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/1030> (дата обращения: 19.07.2023).

¹⁸ О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг : положение от 27.03.2020 № 714-П [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/1038> (дата обращения: 19.07.2023).

организации управления рисками, внутреннего контроля, внутреннего аудита, работы комитета совета директоров (наблюдательного совета) по аудиту в публичных акционерных обществах»¹⁹.

Нормы допуска ценных бумаг к публичному размещению, обращению и листингу, требования к правилам включения ценных бумаг в котировальные списки и их исключения из котировальных списков установлены положением Банка России от 24 февраля 2016 г. № 534-П²⁰ и являются обязательными для ПАО.

Кроме нормативных правовых актов Центробанка РФ особую роль играют его информационные письма. Они не являются формой нормативного правового акта, издаваемого в силу ст. 7 Закона о Банке России. Вместе с тем такие информационные письма можно рассматривать как «акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающие нормативными свойствами», что следует из КАС РФ (п. 2 ст. 1).

В 2016–2017 гг. Центробанком был принят ряд информационных писем, направленных на реализацию некоторых положений Кодекса корпоративного управления 2014 г. В их числе следует назвать информационное письмо от 15 сентября 2016 г. № ИН-015-52/66 «О положениях о совете директоров и о комитетах совета директоров публичного акционерного общества»²¹ и от 17 февраля 2016 г. № ИН-06-52/8 «О раскрытии в годовом отчете публичного акционерного общества отчета о соблюдении принципов и рекомендаций Кодекса корпоративного управления»²².

В 2019–2020 гг. Банком России опубликован ряд документов, направленных на повышение эффективности работы совета директоров ПАО. В этих целях Банк России принял

информационное письмо от 22 апреля 2020 г. № ИН-06-28/80 «О рекомендациях по формированию и обеспечению преемственности совета директоров (наблюдательного совета) публичных акционерных обществ»²³. В рекомендациях отражены основные принципы формирования и планирования преемственности совета директоров, состоящие в том, что, с одной стороны, необходимо обеспечить непрерывность процесса стратегического управления, а с другой стороны, учесть потребность общества в ротации состава совета директоров. Способом выявления кадровых потребностей совета директоров является проведение оценки эффективности работы совета директоров и его комитетов²⁴. О повышении эффективности совета директоров (наблюдательного совета) ПАО говорится в информационном письме Банка России от 26 апреля 2019 г. № ИН-06-28/41 «О рекомендациях по организации проведению самооценки эффективности совета директоров (наблюдательного совета) в публичных акционерных обществах», а также в информационном письме от 24 мая 2019 г. № ИН-06-28/45 «О рекомендациях по участию совета директоров (наблюдательного совета) в процессах развития и управления информационными технологиями и управления риском информационной безопасности в публичных акционерных обществах».

Об особенностях формирования советов директоров (наблюдательных советов) ПАО в связи с введением ограничительных мер говорится в информационном письме Банка России от 17 января 2023 г. № ИН-02-28/5 «О формировании советов директоров (наблюдательных советов) публичных акционерных обществ».

Несмотря на существующие проблемы в деятельности, ПАО уделяют внимание вопросам устойчивого развития и реализации

19 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364286/ (дата обращения: 19.07.2023).

20 О допуске ценных бумаг к организованным торгам : положение Банка России от 24.02.2016 № 534-П [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134?fileId=42> (дата обращения: 19.07.2023).

21 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204784/ (дата обращения: 19.07.2023).

22 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194240/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/ (дата обращения: 19.07.2023).

23 Рекомендации по формированию и обеспечению преемственности совета директоров (наблюдательного совета) публичных акционерных обществ [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/59420/20200422_in_06_28-80.pdf (дата обращения: 19.07.2023).

24 О рекомендациях по организации и проведению самооценки эффективности совета директоров (наблюдательного совета) в публичных акционерных обществах : информационное письмо Банка России от 26.04.2019 № ИН-06-28/41 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323820/ (дата обращения: 19.07.2023).

ESG-принципов. Достаточно отметить, что во многих ПАО созданы специальные комитеты совета директоров по устойчивому развитию. В этой связи следует указать информационное письмо Банка России от 12 июля 2021 г. № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ», в котором раскрывается содержание понятия «устойчивое развитие» и принципов ESG-политики.

Наряду с законодательными актами и нормативными правовыми актами Центробанка России, которые составляют императивное регулирование ПАО, иначе называемое «жестким» регулированием, особую роль играет так называемое «мягкое» регулирование, которое представлено Кодексом корпоративного управления, рекомендованным письмом Бан-

ка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463²⁵ к применению прежде всего ПАО.

Выводы

Проведенный анализ подтверждает, что российское законодательство, регламентирующее правовое положение ПАО, сформировалось за достаточно короткий промежуток времени и в целом показывает свою эффективность. В нынешних экономических и политических условиях ПАО сохраняют свою систему корпоративного управления, чему в немалой степени способствовали принятые законодателем экстраординарные меры по регулированию корпоративных отношений в целом.

²⁵ Кодекс корпоративного управления [Электронный ресурс]. URL: cbr.ru/statichitml/file/59420/inf_apr_1014.pdf (дата обращения: 28.07.2023).

Список источников

1. Макарова О.А. Корпоративное законодательство – 2023 / О.А. Макарова // Хозяйство и право. – 2023. – № 2. – С. 25–38.

Информация об авторе

Макарова Ольга Александровна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права.

Information about the author

Makarova Olga Alexandrovna – Doctor of Law, Professor of the Department of Civil and Corporate Law.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 20.10.2023. The article was submitted 05.10.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication 20.10.2023.

REFERENCES

1. Makarova O.A. Corporate laws 2023. *Hozyajstvo i pravo = Economy and Law*, 2023, no. 2, pp. 25–38. (In Russian).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 342.32
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.11

Original article

ГАЛЯУТДИНОВ Рушан Радикович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: rushan-94@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-1205-7608>

GALYAUTDINOV Rushan Radikovich
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСОВ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ДОЛЖНОСТНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ)

TACTICAL FEATURES OF INTERROGATION IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS
IN CASES OF OFFICIAL VIOLENT CRIMES (ON THE EXAMPLE
OF FOREIGN CITIZENS OF THE NEAR ABROAD)

Аннотация. В последние годы стали чаще совершаться должностные насильственные преступления в отношении иностранных граждан ближнего зарубежья. Сведения о должностном лице как о преступнике, его психологических чертах и свойствах получают в ходе допроса, как и сведения о потерпевшем от таких преступлений. Однако допрос потерпевшего – иностранного лица – гражданина ближнего зарубежья – зачастую вызывает сложности в силу различных причин (незнание языка, неправильная интерпретация законодательства и др.). Не затрагивая процессуальные причины таких проблем, предметом настоящего исследования являются в первую очередь тактические особенности допроса иностранных потерпевших по искомым делам, подозреваемых и обвиняемых должностных лиц, а также свидетелей. Цель – определение и систематизация категорий потерпевших иностранных граждан ближнего зарубежья от должностных насильственных преступлений на основе правоприменительной практики, организация тактических приемов допросов потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и свидетелей по рассматриваемым преступлениям. При подготовке статьи использованы различные методы исследования: всеобщий диалектический, логический, статистический, формально-юридический, сравнительно-правовой. Результаты: определены категории иностранных лиц – потерпевших от должностных насильственных преступлений, сформулированы общие положения и тактические приемы допроса должностных лиц и потерпевших, приведены типизированные вопросы для допроса различных категорий лиц.

Abstract. In recent years, official violent crimes against foreign citizens of the near abroad have become more frequent. Information about an official as a criminal, his psychological traits and characteristics is obtained during interrogation, as well as information about a victim of such crimes. However, interrogating a victim who is a foreign national is often difficult due to various reasons (lack of language, misinterpretation of legislation, etc.). Without addressing the procedural causes of such problems, the focus of this study is primarily on the tactical aspects of interrogation of foreign victims in the cases being sought, suspected and accused officials, as well as witnesses. The purpose is to define and systematize categories of foreign victims of official violent crimes on the basis of law enforcement practice and to organize tactical methods for interrogating victims, suspects, accused and witnesses in the crimes under consideration. Various methods of research are used in the preparation of the article: universal dialectical, logical, statistical, formal-legal, comparative-legal. Results: the paper defines categories of foreign victims of official violent crimes, formulates general provisions and tactics of interrogation of officials and victims, and provides typical questions for interrogating different categories of persons.

Ключевые слова: должностные насильственные преступления, тактика допроса, правоприменительная практика, следственная ситуация, потерпевший, свидетель, должностное лицо, иностранное лицо, мигрант, обвиняемый, подозреваемый

Для цитирования: Галяутдинов Р.Р. Тактические особенности допросов на досудебной стадии производства по делам о должностных насильственных преступлениях (на примере иностранных граждан ближнего зарубежья) / Р.Р. Галяутдинов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 96–101.

Keywords: official violent crimes, interrogation tactics, law enforcement practice, investigative situation, victim, witness, official, foreign person, migrant, accused, suspect

For citation: Galyautdinov R.R. Tactical features of interrogation in pre-trial proceedings in cases of official violent crimes (on the example of foreign citizens of the near abroad). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 96–101 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.11.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы должностные насильственные преступления в отношении граждан ближнего зарубежья совершаются все чаще¹. Так, например, «пострадавшему уроженцу Узбекистана удалось записать произошедшее на камеру мобильного телефона. По его словам, он привез в миграционный центр документы для своего знакомого. Один из сотрудников полиции попросил его предъявить водительское удостоверение. А когда мигрант поинтересовался, для чего, его завели в кабинет, положили нецензурной бранью и избили»².

В результате изучения правоприменительной практики и научной литературы автором сформулированы основные положения данного исследования, которые заключаются в следующем: поскольку в ч. 3 ст. 286 УК РФ отсутствует пункт «в отношении иностранного гражданина», то с позиции криминалистической науки такие преступления необходимо рассматривать как отдельную следственную ситуацию [1]. Мы остановимся лишь на тактике допроса подозреваемых (обвиняемых) и потерпевших – иностранных граждан ближнего зарубежья – в ходе расследования совершенных в отношении них должностных насильственных преступлений.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТАКТИКИ ДОПРОСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ДОЛЖНОСТНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Изучению личности потерпевшего при расследовании должностных насильственных преступлений необходимо уделить достаточное внимание, так как своевременное изучение этого участника досудебного производства обеспечивает решение многих задач расследования. Причем при допросе именно иностранного лица такое изучение личности приобретает еще более важное значение. Так, в 2022 г. бывший полицейский Б. был осужден за превышение должностных полномочий с применением насилия в отношении гражданина Таджикистана А. Интересны обстоятельства этого дела: А. был задержан в одном из магазинов по подозрению в хулиганстве; он утверждал, что причиной его задержания стал языковой барьер.

Данные о потерпевших и их поведении позволяют объяснить направленность и мотивы поведения преступника, его общие и индивидуальные качества [2, с. 56]. Все указанное имеет большое значение, так как при совершении преступных действий против личности преступники не случайно выбирают определенных иностранных лиц объектами своих посягательств [3, с. 95].

Тактические особенности производства допросов традиционно в криминалистической литературе рассматриваются в зависимости от того, какое процессуальное положение занимает допрашиваемый: лицо, на которого падает подозрение в совершении преступле-

¹ Состояние преступности в РФ: официальные статистические данные МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 03.10.2023).

² В Томске возбудили дело об избиении мигранта полицейским [Электронный ресурс] // Российская газета. 2021. № 5. URL: <https://rg.ru/2021/05/06/reg-sibfo/v-tomske-vozbudili-delo-ob-izbieni-policejskim-migranta.html> (дата обращения: 05.10.2023).

ния; лицо, которому предъявлено обвинение; лицо, имеющее информацию о событии, или лицо, пострадавшее от преступления [4, с. 58]. С данным мнением мы до конца согласиться не можем. Считаем, что важно определить некоторые общие характеристики, применимые ко всем категориям допрашиваемых в процессе расследования преступлений, связанных с насильственными действиями должностных лиц. Особое внимание следует уделить тактике допроса иностранных граждан.

Чтобы более объективно оценить показания такого потерпевшего, важно предвидеть его поведение во время следствия и допросов, а также избирать обоснованные тактические приемы. Наше мнение подкрепляется актуальными научными источниками. Например, А.В. Сибилькова считает, что «допрос – это двухстороннее взаимодействие с допрашиваемым, и оно происходит по всем психологическим законам общения между людьми, вне зависимости от уголовно-процессуальной категории» [5, с. 104]. В научной литературе достаточно внимания уделено изучению личности допрашиваемого как при подготовке к допросу, так в ходе его проведения. Таким образом, исходя из анализа научной литературы, существует множество разнообразных данных, которые необходимы для проведения допросов [6, с. 31]. Исключительно те факты, которые имеют значение при расследовании преступлений, связанных с превышением должностных полномочий, будут рассмотрены в данной работе.

При наличии возможности до начала допроса предпочтителен сбор информации, которая позволяет уточнить отношение должностного лица к совершенному им преступлению в отношении иностранного гражданина ближнего зарубежья. Если же речь идет о допросе важного свидетеля или потерпевшего, то причина непроведения такой доследственной работы должна быть очень серьезной, поскольку следователю необходимо тщательно готовиться к допросам лиц этой категории. В любом случае эта информация должна найти отражение в материалах уголовного дела, в частности в протоколах дальнейших допросов. Если же соответствующие вопросы будут исследованы в ходе допроса, то предварительная информация будет проверена и уточнена, а при ее отсутствии будет положено началу

ее сбора. У должностного лица обязательно нужно выяснить его национальность и этническую самоидентификацию, испытывает ли он чувство вражды или ненависти к представителям другой национальности, если да, то к какой именно и почему.

Изучение указанных вопросов следует проводить с максимальной осторожностью и деликатностью, поскольку они затрагивают конституционные права граждан и могут оказаться связанными с жизненно важными для допрашиваемого интересами. Неумело или нетактично поставленные вопросы могут вызвать ярко выраженную негативную реакцию, привести к утрате психологического контакта с допрашиваемым. В дальнейшем такое развитие событий может привести к тому, что следователь не сможет получить криминалистически значимую информацию и представление о произошедшем событии с достаточной степенью полноты и достоверности. От того, как ответит допрашиваемый на приведенные вопросы, зависит оценка следователем объективности и полноты данных им показаний, прогнозирование поведения допрашиваемого в процессе дальнейшего расследования, решение о его участии в сложных с эмоционально-психологической точки зрения следственных действиях.

Ответы должны содержать все важные детали и быть основанными на реальных фактах. Оценка достоверности показаний допрашиваемого является важным этапом расследования на досудебной стадии производства по делам о должностных насильственных преступлениях. Оценивается полнота и достаточность информации, чтобы сделать обоснованное решение о включении допрашиваемого в дальнейшее расследование, особенно если это связано с эмоциональными и психологическими аспектами. Однако существует вероятность, что должностное лицо не на все поставленные вопросы даст правдивые ответы, и это следует обязательно учитывать. Но если вопросы будут умело сформулированы и использованы соответствующие тактические приемы, такие как дробление вопросов, уточнение и повторение одного и того же вопроса в различных формулировках, то и положительный результат будет достигнут.

При допросе должностных лиц, обвиняемых в совершении рассматриваемого престу-

пления, обязательно подлежат выяснению следующие обстоятельства: 1) когда и почему должностное лицо оказалось на месте совершения преступления; 2) кто еще находился в том же месте и почему (если это стало известно ранее); 3) каковы причины выбора именно преступного поведения для выражения своих чувств и достижения желаемых результатов; 4) испытывает ли должностное лицо вражду по отношению к определенной национальности; 5) каковы причины, время и иные обстоятельства, в силу которых виновный оказался на месте совершения преступления; 6) знал ли он потерпевшего ранее и какие отношения между ними были; 7) о характере действий потерпевшего до совершения преступления и непосредственно перед началом преступных действий; 8) причины возникновения конфликта; 9) причины выбора конкретного способа совершения должностного насильственного преступления; 10) характер и последовательность совершенных виновным действий по реализации преступного замысла.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСОВ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ – ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ – НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ДОЛЖНОСТНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

С учетом научного обсуждения тактических особенностей допросов иностранных граждан ближнего зарубежья по делам о должностных насильственных преступлениях в целом, мы решили сосредоточиться только на аспектах, применимых к допросам потерпевших и свидетелей. Мы не будем затрагивать процессуальные аспекты, такие как обязательное участие переводчика, и сосредоточимся только на тактических моментах.

Одним из важных тактических решений является выбор правильного момента для допроса потерпевшего, поскольку события могут оставить негативные впечатления у иностранного гражданина, и непосредственно после совершения в отношении него преступления он может ограничиться в пределах дачи показаний. По таким делам у потерпевшего в течение первых нескольких дней после совершенного в отношении него насильственного преступления должностным лицом мо-

гут наблюдаться защитные психические реакции; в науке они называются «вытеснениями» [7, с. 56] и проявляются в том, что потерпевший избегает разговоров о преступлении, его ответы на вопросы создают неоднозначное впечатление, могут вызвать подозрение в причастности к совершенному деянию (к тому же иностранные граждане ближнего зарубежья опасаются правоохранительных органов). Наши мысли находят отражение и в актуальных научных источниках [8, с. 71]. В такой ситуации повторный допрос потерпевшего спустя некоторое непродолжительное время может дать гораздо больше криминалистической информации.

В ходе допроса потерпевшего иностранного гражданина ближнего зарубежья по возможности должны быть получены ответы на следующие вопросы: 1) что потерпевший делал в день совершения в отношении него должностного насильственного преступления; 2) какие противоправные действия и каким образом совершал (если они имели место); 3) совершались ли в отношении него ранее преступления на почве национальной вражды [9, с. 67]; 4) обращался ли он ранее в правоохранительные органы и по какому поводу; 5) каковы были, по его мнению, мотивы преступного посягательства в отношении него; 6) какими словами и выражениями сопровождали свои действия должностные лица; 7) высказывались ли угрозы в отношении него; 8) каким образом к нему была применена физическая сила и специальные средства; 9) запомнил ли он конкретное должностное лицо, наносившее ему увечья.

Для определения особенностей допроса свидетелей по рассматриваемым преступлениям вполне применимы тактические приемы, перечисленные выше, однако отличие в их выборе связано с тем, что должностным насильственным преступлением на свидетелей может быть оказано определенное воздействие, но оно совершенно иное, нежели то, что испытал потерпевший. При этом при совершении данных преступлений оказывается и физическое, и психическое воздействие. В связи с этим от свидетеля можно ожидать более детальных, связанных и последовательных показаний даже на первоначальном этапе расследования. Именно от него можно получить более полную и объективную информа-

цию о событии должностного насильственно-го преступления, об участниках конфликта, о конкретном участии каждого из них. Важно понимать, что свидетелей при совершении рассматриваемых преступлений чаще всего не бывает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определена важность изучения личности потерпевшего – иностранного гражданина ближнего зарубежья – на примере отдельной следственной ситуации в ходе расследования должностного насильственного преступления. Как итог, можно выделить несколько категорий потерпевших – иностранных граждан ближнего зарубежья: 1) личность потерпевшего не была известна должностному лицу, потерпевший является пострадавшим при превышении должностных полномочий с применением насилия в отношении него; 2) личность потерпевшего не была известна должностному лицу, их взаимодействие стало следствием административного правонарушения или преступления, совершенного потерпевшим; 3) личность потерпевшего уже была известна должностному лицу вследствие совершения административных право-

нарушений или преступлений ранее; 4) личность потерпевшего стала известна позже – в ходе расследования уголовного дела, возбужденного в отношении должностного лица или группы должностных лиц. В каждом случае необходимо избирать правильную тактику допроса иностранных граждан ближнего зарубежья с учетом приведенных нами приемов.

Приведены особенности допроса должностных лиц, совершивших насильственные преступления, охарактеризована их тактика. Автором приведены десять типологических вопросов для допроса обвиняемых должностных лиц и девять типологических вопросов для допроса потерпевших иностранных граждан ближнего зарубежья.

Таким образом, личность преступника и личность потерпевшего при совершении должностных насильственных преступлений достаточно тесно взаимосвязаны в силу специфики работы государственных, в основном правоохранительных, органов, в сферу деятельности которых практически невозможно попасть случайно, поэтому в каждом случае совершения рассматриваемых преступлений необходимо точно и правильно определять тактику допроса как подозреваемого (обвиняемого), так и потерпевшего и свидетеля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галаяутдинов Р.Р. Криминалистические аспекты предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о должностных насильственных преступлениях, совершенных работниками правоохранительных органов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Р.Р. Галаяутдинов. – Ростов-на-Дону, 2022. – 285 с.
2. Гаврилин Ю.В. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений : курс лекций / Ю.В. Гаврилин, Н.Г. Шурухнов. – Москва, 2014. – 199 с.
3. Кушхов Р.Х. Потерпевший как элемент криминалистической характеристики преступления / Р.Х. Кушхов // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 8. – С. 95–115.
4. Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем : монография / Е.Е. Центров. – Москва : Юрист, 2010. – 192 с.
5. Сибилькова А.В. Психологические аспекты тактики допроса в парадигме развития криминалистики / А.В. Сибилькова // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 1 (61). – С. 101–109.
6. Драпкин Л.Я. Методика расследования отдельных видов преступлений : учебное пособие / Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 300 с.

REFERENCES

1. Galyautdinov R.R. Forensic aspects of preliminary investigation and judicial consideration of criminal cases of official violent crimes committed by law enforcement officers. Cand. Dis. Rostov-on-Don, 2022. 285 p.
2. Gavrilin Yu.V., Shurukhnov N.G.: Criminalistics methods of investigating certain types of crimes: a course of lectures. Moscow, 2014. 199 p.
3. Kushkhov R.H. The victim as an element of forensic characterization of a crime. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2015, no. 8, pp. 95–115. (In Russian).
4. Centrov E.E. Forensic doctrine of the victim. Moscow, Yurist Publ., 2010. 192 p.
5. Sibil'kova A.V. Psychological aspects of interrogation tactics in the paradigm of criminology development. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2022, no. 1 (61), pp. 101–109. (In Russian).
6. Drapkin L.Ya., Karagodin V.N. Methods for investigating certain types of crimes. Saint Petersburg, Piter Publ., 2000. 300 p.

7. Мамылина Н.В. Психофизиологические особенности реакции организма человека на эмоциональное напряжение во время экзамена : монография / Н.В. Мамылина, С.В. Буцык, Ю.Г. Камскова. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2010. – 207 с.

8. Еременко Е.В. Особенности правового положения иностранных граждан в Российской Федерации / Е.В. Еременко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 70–77.

9. Малаев А.П. Проблемы установления мотива национальной ненависти и вражды в российском уголовном праве / А.П. Малаев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 1. – С. 67–73.

7. Mamylyna N.V., Butsyk S.V., Kamskova Yu.G. Psychophysiological features of the human body's reaction to emotional stress during an exam. Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts Publ., 2010. 207 p.

8. Eremenko E.V. Features of foreign citizens' legal status in the Russian Federation. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, 2015, no. 1 (33), pp. 70–77. (In Russian).

9. Malaev A.P. The problem of establishing a motive of national divisions in criminal law. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, 2015, no. 1, pp. 67–73. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галяутдинов Рушан Радикович – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galyautdinov Rushan Radikovich – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 28.11.2023.
The article was submitted 25.10.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 28.11.2023.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.12

Original article

ГИЗАТУЛЛИН Ирек Альфредович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: gizatullin-irek@rambler.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-2108-690X>

GIZATULLIN Irek Alfredovich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ВОПРОС О СИСТЕМЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КРИТЕРИЕВ КАЧЕСТВА ПРАВОСУДИЯ В МИРОВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПРАКТИКЕ

THE ISSUE OF A SYSTEM OF UNIVERSAL CRITERIA FOR THE QUALITY OF JUSTICE
IN INTERNATIONAL LEGAL LITERATURE AND PRACTICE

Аннотация. Проблема неинформативности единственного официально принятого российскими судами для определения качества правосудия показателя «стабильность» судебных решений определяет необходимость применения дополнительных критериев, позволяющих дать содержательное представление о состоянии правосудия в стране. В связи с этим автор рассматривает зарубежные модели оценки качества правосудия путем их классификации и выделения типологических признаков. Цель исследования – изучение положительного опыта зарубежного судебного менеджмента для обоснования необходимости расширения отечественной методики оценки качества правосудия. Методы: сравнительно-правовой, системного анализа и синтеза. Результаты: показана примитивность количественного (статистического) метода измерения качества правосудия как направленного на выявление лишь таких показателей, которые не выражают специфичность реализуемой судом функции по разрешению социальных конфликтов, а относимы к любым видам государственной службы. Многофакторность и многокомпонентность феномена «правосудие» обуславливает необходимость расширения используемой методологии измерения его качества.

Ключевые слова: оценка качества правосудия, судебные ошибки, универсальные критерии, уголовное судопроизводство, суд.

Для цитирования: Гизатуллин И.А. Вопрос о системе универсальных критериев качества правосудия в мировой юридической литературе и практике / И.А. Гизатуллин. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 102–112.

Abstract. The problem of non-informativeness of the only officially accepted by the Russian courts for determining the quality of justice indicator «stability» of court decisions determines the need for the application of additional criteria in order to give a meaningful picture of the state of justice in the country. In this regard, the author considers foreign models for assessing the quality of justice by classifying them and identifying typological features. The purpose of the research is to study the positive experience of foreign judicial management in order to justify the need to expand the national methodology for assessing the quality of justice. Methods: comparative-legal, system analysis and synthesis. Results: the paper reveals the primitiveness of the quantitative (statistical) method of measuring the quality of justice as aimed at identifying only such indicators that do not express the specificity of the function of resolving social conflicts realized by the court, but are attributable to any type of public service. The multifactor and multicomponent nature of the phenomenon of «justice» determines the need to expand the methodology used to measure its quality.

Keywords: assessment of the quality of justice, judicial errors, universal criteria, criminal proceedings, court

For citation: Gizatullin I.A. The issue of a system of universal criteria for the quality of justice in international legal literature and practice. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 102–112 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.12.

ВВЕДЕНИЕ

В юридической литературе последних двух десятилетий критика хаотичности и нестабильности отечественного уголовно-процессуального законодательства, перестав быть неким научным мейнстримом, давно перетекла в категорию хорошего тона при обосновании автором актуальности своей работы по любой тематике. Коренная ломка уголовного процесса на рубеже текущего тысячелетия, проведенная реформа и следом – контрреформа судебной системы, усиление состязательных начал в судопроизводстве и иные преобразования, проводимые во благо повышения качества правосудия, не изменили одного – методологию оценки его качества. В этом смысле актуальность заявленной темы статьи не объясняется ни упомянутым мейнстримом, ни модным упреком российского законодателя в бессистемности, а обусловлена, как ни странно, как раз закоренелостью установленных еще в советский период методов и средств измерения качества правосудия.

Разумеется, основанием для критики является не столько отсутствие какой-либо модернизации, сколько исходная неполноценность самой системы оценки качества. «Стабильность» судебных решений и статистический метод его выявления априори не способны дать качественные представления о состоянии правосудия в стране. Если не отрицать идею о том, что правосудие – это прежде всего способ защиты прав и интересов людей, а не только разновидность государственной службы, то вполне очевидно, что качество правосудия невозможно отразить лишь в цифрах, содержащих сведения о количестве судебных ошибок. Сами судебные ошибки – это позиция суда вышестоящей инстанции, которая, с одной стороны, может быть выражена только при наличии жалобы на первоначальное решение, а с другой – имеет столь же субъективный характер, как и позиция суда первой инстанции [1, с. 22–30]. Отмена или изменение решения судом второй инстанции также потенциально обжалуемы, и суд, условно говоря, третьей инстанции может высказать совершенно иную позицию, и так можно продолжать до тех пор, пока позволяет предусмотренный законом порядок пересмотра решений и правомочность судов разного уровня. Но очевид-

но, что государство, формируя судебную вертикаль и предусматривая право обжалования судебных решений, никогда не ставило цель, чтобы стороны в конечном счете прошли все возможные этапы рассмотрения дела и получили неоспоримую истину лишь от самой последней инстанции. Судебная ошибка – это зачастую еще и результат допустимого и поощряемого самим уголовно-процессуальным законом судебского усмотрения, а не только объективное нарушение уголовного и уголовно-процессуального закона. Сказанное многократно становилось предметом обсуждений в специальной литературе, в ходе которых давалась критическая оценка многим известным профессиональному юристу явлениям [2]: появление тенденции к оставлению без изменения вышестоящим судом обжалуемого решения, которой нередко придерживаются суды нижестоящих инстанций и которая получила в профессиональной речи собственное наименование – «засилить»; фиктивный характер деятельности контрольных инстанций на практике; внедрение законодателем процедур, позволяющих исправлять ошибки органов предварительного расследования, и т. п.

Вместе с тем на существующем фоне весьма удобно проводить сравнительно-правовые исследования зарубежных моделей оценки качества правосудия для рассмотрения на контрасте других существующих в современном мире систем оценки качества правосудия.

Сегодня большинством государств разработаны и внедрены собственные критерии качества правосудия. Отличия этих систем друг от друга могут быть незначительными либо существенными, что обусловлено географическими, историческими, государственно-правовыми особенностями сравниваемых стран. Изучение нормативных правовых актов наднациональных организаций и иностранных государств, специальной зарубежной литературы позволило автору вычленив в таких системах характерные черты и объединить наиболее схожие из них в три большие группы. В основу дифференциации заложено различие подходов государства к формированию систем оценки качества правосудия. Есть определенная доля условности в предлагаемых далее формулировках самих подходов, но для решения исследовательских, сравнительно-правовых задач она является допустимой.

Количественный (статистический) подход

Данный подход к формированию системы критериев качества правосудия в настоящее время можно наблюдать в некоторых странах постсоветского пространства, включая Российскую Федерацию. Зарождение такого исключительно арифметического способа выражения состояния качества и эффективности правосудия в конкретный момент времени во многом связывают с появлением в СССР в конце 60-х годов прошлого столетия специальной дисциплины – квалиметрии. Суть заключается в том, что она признает возможность выражать качество исследуемого объекта одним количественным показателем, несмотря на множественность его параметров и признаков [3]¹. Поэтому авторы, в то время разрабатывавшие теорию эффективности правосудия, в сущности, проводили квалиметрическую оценку судопроизводства, выводя при этом интегрированные показатели эффективности правосудия [5, с. 173].

Современная отечественная формула подсчета качества работы судьи, с помощью которой получается конкретное числовое зна-

чение упомянутой стабильности выносимых им решений², представляет собой не что иное, как наследие такой советской системы оценки качества судопроизводства. Разумеется, количественный подход государства к построению системы критериев сам по себе не исключает возможности формирования в законодательстве множества гарантий и принципов защиты прав и свобод человека при осуществлении правосудия, независимости суда и т. п., а также их последующей реализации. Подчеркнем, что здесь речь идет не об отношении государства к модели регулирования общественных отношений, а о его отношении к методам оценки качества самих процедур.

Следует заметить, что количественный подход не предполагает возможности внедрения лишь одного показателя – стабильности выносимых судебных решений. Органами судебного сообщества могут быть разработаны иные показатели, объединенные одним признаком – числовая характеристика качества проделанной судьей работы. Например, в отечественной системе оценки качества правосудия, как правило, выделяют еще как минимум два таких показателя: показатель количества рассмотренных дел и показатель соблюдения процессуальных сроков (см. рис. 1).

Рис. 1. Основные показатели количественного (статистического) подхода

¹ О сущности квалиметрии подробно см.: [4, с. 7–27].

² Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.06.2021 № 124 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Значительной особенностью рассматриваемого подхода является также то, что он практически исключает возможность официально, то есть юридически значимого, участия кого бы то ни было в процедуре оценки качества правосудия, кроме контрольных инстанций и органов судейского сообщества. Как правило, показатель стабильности решений конкретного судьи выступает инструментом для внутреннего судебного управления, доступ к которому имеет довольно ограниченный круг лиц, прежде всего председатели судов, председатели коллегий и составов суда. С момента своего появления в статистических данных этот показатель учитывался в вопросах о назначении на должность, применении дисциплинарных взысканий, продлении сроков службы судьи и др., возникающих в рамках, например, оперативных совещаний суда. Объективно обусловленный конфиденциальный характер подобных процессов, а также самих показателей качества, выражаемых в числовом значении, не позволяет включать в процедуру оценки и наблюдения лиц, прямо не участвующих в судебном управлении. Граждане страны, институты гражданского общества, средства массовой информации не имеют возможности самостоятельно использовать данный инструмент для формирования качественных представлений об эффективности правосудия в стране, что определило необходимость разработки специальных критериев и методов. На данное обстоятельство здесь обращено внимание потому, что далее нами будут продемонстрированы подходы государств, которые позволяют определять особые формы взаимодействия общества и государства в вопросах оценки качества правосудия.

При наличии в государстве исключительно числовых индикаторов качества правосудия (тем более если они представлены единственным индикатором) способ оценки сторонними субъектами сводится, условно говоря, к стороннему (например, в качестве слушателей судебного заседания) наблюдению или включенному наблюдению (например, в качестве участников судопроизводства). При этом доступность данного способа во многом определяется степенью транспарентности судебной власти и гласности судебного разбирательства.

Монопольный характер количественного (статистического) метода оценки качества правосудия после распада СССР и в связи с проведением судебных реформ в образованных

государствах стал подвергаться существенной критике на разных уровнях. Есть несколько примеров стран, в которых с разной скоростью происходила определенного рода конвергенция количественного и качественного подходов судебной власти к формированию системы оценки качества своей деятельности. Кратко рассмотрим этот процесс на примере Республики Казахстан³.

Со второй половины 10-х годов нынешнего столетия в указанной республике начинается полномасштабное преобразование судебной системы и стандартов реализации судебной власти с принятием нормативных правовых актов разного уровня и содержания. Эти изменения, базирующиеся на общепризнанных принципах организации судебной власти, повлекли возникновение в 2019 г. специального органа при Верховном Суде Республики Казахстан – Комиссии по качеству правосудия, главной функцией которой является оценка профессиональной деятельности судей. Далее схематично будут отображены группы критериев и методы оценивания качества правосудия, которые закреплены в специальном документе⁴ (см. рис. 2).

Следует отметить несколько принципиальных особенностей системы, отличающих ее от существовавших долгие годы в этой стране исключительно числовых индикаторов качества правосудия. Во-первых, это наличие специального органа судейского сообщества, осуществляющего оценку в отчетный период. Забегая вперед, скажем, что признак характерен для систем, образованных в результате качественного и социально ориентированного подходов государства. Ничего подобного в странах с квалитетрическим методом оценки качества правосудия создано не было.

3 В октябре 2023 г. автор в рамках реализации гранта Главы Республики Башкортостан по поддержке молодых ученых проходил научную стажировку в Конституционном Суде Республики Казахстан и Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан (Астана). Приведенные далее суждения основаны в том числе на опыте профессионального общения с судьями разного звена и итогах сбора эмпирического материала.

4 Методическое руководство по оценке профессиональной деятельности судьи (утв. протокольным решением Комиссии по качеству правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан от 16.09.2019 № 7-3-1/136а, с изм. от 21.10.2019, 18.11.2019) [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Казахстан : сайт. URL: https://sud.kz/sites/default/files/pagefiles/metodicheskoe_rukovodstvo_po_ocenke_professionalnoy_deyatelnosti_sudi_0.pdf (дата обращения: 04.08.2023)

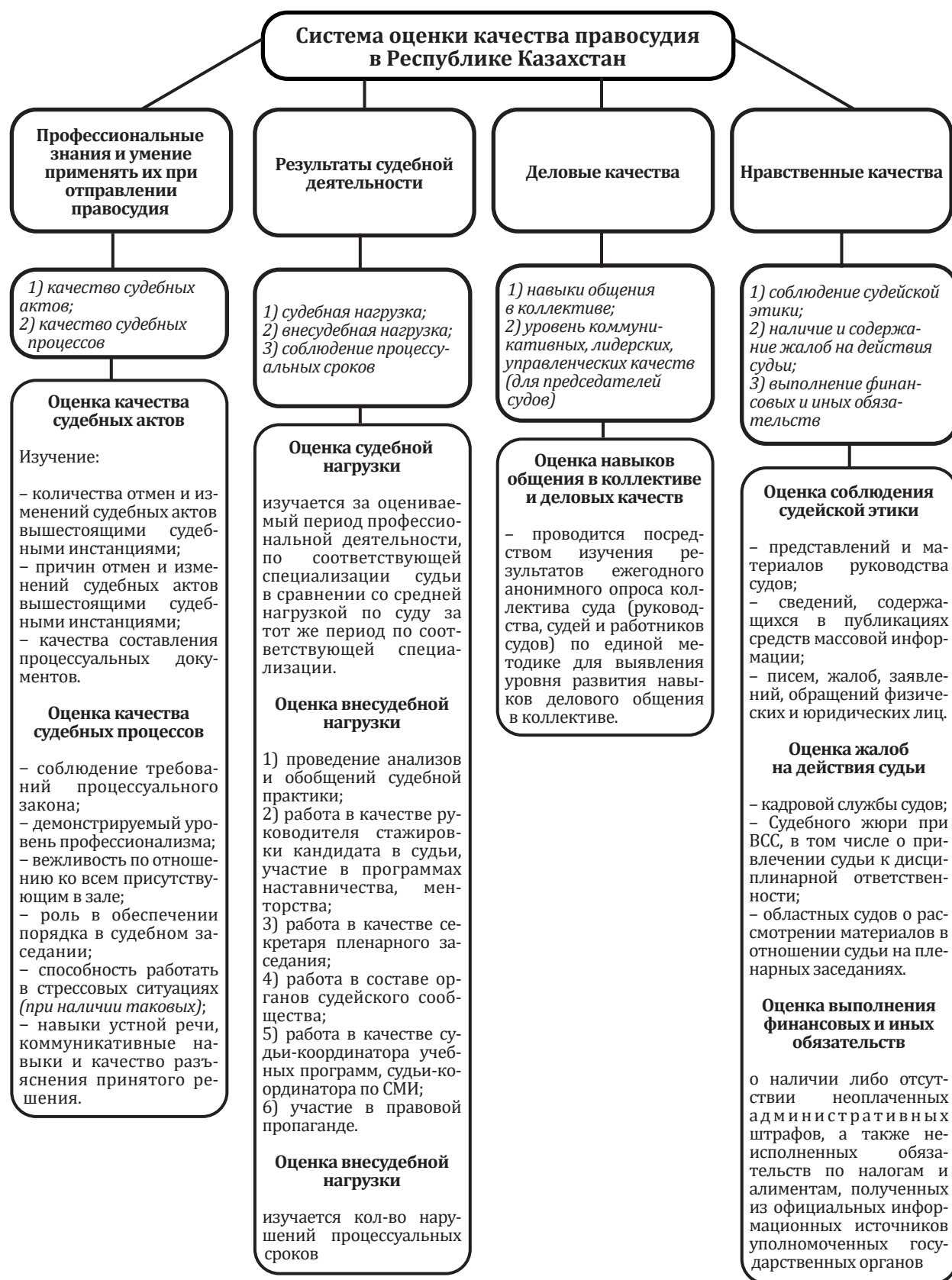

Рис. 2. Система оценки качества правосудия в Республике Казахстан

Во-вторых, критерии оценивания (на схеме выделены курсивом) хоть во многом и схожи с критериями при количественном подходе, однако сами методики подсчета все же ориентированы на выявление качественных (содержательных) элементов судебской деятельности, а не на получение сухих цифр. К примеру, при использовании критерия качества судебных актов признак их стабильности дополняется обязанностью выявления комиссией причин отмен и изменений вышестоящими судебными инстанциями, в то время как п. 15 упомянутых методических рекомендаций и вовсе указывает, что «количество отмененных и измененных судебных актов не является свидетельством или достаточным основанием для формулирования выводов о недостаточной компетентности судьи».

Другой пример с критерием доли нагрузки на судью, который здесь поделен на два вида: судебную и внесудебную. Действительно, нередко судья выполняет функции, прямо не связанные с осуществлением правосудия, принимая участие в работе различных судебных сообществ или выполняя аналитическую работу. Российскому судье знакомы подобные формы деятельности, к которым в контексте оценки качества правосудия можно относиться по-разному. С одной стороны, необходимость учета разных видов нагрузки кажется оправданной – в конце концов, кто-то должен участвовать в заседаниях квалификационных коллегий судей, готовить обзоры судебных практик и годовые отчеты. Другая крайность связана с опасностью имитации профессиональной деятельности, хорошо известной еще с советского периода, «...когда судьи отчитывались о проделанной работе (наряду с представлением статистических данных) еще и информацией о прочитанных ими лекциях, о беседах с населением, о выездных судебных заседаниях, проводившихся на предприятиях с целью повышения правосознания граждан, что не только занимало лишнее время, но и превращало суд в орудие пропаганды, которое должно было обеспечивать в таких процессах также запланированный результат разбирательства – независимо от его обоснованности – и применение судом более строгих мер воздействия» [6, с. 90]. То есть рассматриваемый подход хоть и является более широким, но вряд ли позволяет выявить само качество правосудия, то есть деятельность по разрешению социальных конфликтов, а не любую форму профессиональной

активности судьи. В связи с чем кажутся определенными перегибами такие сферы подсчета как, например, «участие судьи в правовой пропаганде».

В-третьих, система оценки уделяет значительное внимание нравственной составляющей судьи, его умению проявлять деловые и положительные личные качества. Методика оценивания предполагает использование сведений из средств массовой информации, анализ жалоб, писем и обращений граждан, то есть определенную ориентированность на мнение общества о качестве работы конкретных судей.

КАЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОД (ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТЕПЕНИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРОЦЕДУРНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВОСУДИЯ)

Указанный подход, условно названный нами как качественный, предполагает определение степени реализации основополагающих процессуальных гарантий при разрешении судом социальных конфликтов. Сами гарантии, как правило, являются универсальными и характерными не только для разных моделей уголовного судопроизводства, но и видов судопроизводства. К таковым можно отнести: независимость судей, справедливость, беспристрастность, уважение чести и достоинства участников процесса и т. д. В подавляющем большинстве качественный подход используется при формировании системы оценки в европейских странах и США. Измерять степень проявления таких абстрактных свойств без установления числовых показателей и их последующего суммирования практически невозможно, поэтому суды в этих странах не отказываются от ведения статистики. По мнению некоторых авторов, европейская система оценки основана на управленческом подходе (managerial approach) к правосудию, но не в смысле судебного или кадрового управления, а в смысле экономичности и результативности судебной деятельности [7, р. 236]⁵.

⁵ Краткий анализ моделей «судебного управления» стран – участниц Совета Европы представлен в заключении Консультативного совета европейских судей CEPEJ-COOP(2009)1. См.: European commission for the efficiency of justice (CEPEJ) Assessing the Portuguese policy on procedural flows and fight against judicial backlogs. Strasbourg, 15 September 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/european-commission-for-the-efficiency-of-justice-cepej-assessing-the-/1680747567> (дата обращения: 03.08.2023).

Ключевая особенность судебной статистики в этих странах – отсутствие ее абсолютизации и использования в качестве инструмента для судебного или кадрового управления. Возможно, на это оказывает влияние и специфичное правосознание различных наднациональных организаций, таких как Европейский суд по правам человека, Консультативный совет европейских судей, Венецианская комиссия и т. д., которые планомерно рекомендуют судам воздерживаться от чисто формального, статистического отношения к оценке деятельности судьи. К примеру, Венецианская комиссия отрицательно отнеслась к практике использования показателя стабильности судебных решений по итогам оценки судебной системы Республики Сербия в период ее транзитного состояния⁶. Другой консультативный орган, созданный при ОБСЕ – Бюро по демократическим институтам и правам человека, – в 2018 г. в своем заключении о законе Республики Узбекистан «О Высшем судебном совете» также высказался о недопустимости использования показателя стабильности в качестве инструмента для привлечения к дисциплинарной ответственности судьи или как основания для вывода о его непрофессионализме: «...толкование закона, оценка фактов или взвешивание доказательств, проводимые судьями для разрешения дел, не должны влечь за собой гражданско-правовую или дисциплинарную ответственность, за исключением случаев злого умысла и грубой небрежности»⁷.

В странах Европы и в значительной степени в США отсутствует какое-то доминирующее влияние на судебную власть разработанных систем оценки качества правосудия. Государство старается концентрироваться на уже имеющихся принципах своей конституции и процессуального закона, оценивая степень их реализации на практике, но не как участник судопроизводства (сторона процесса), а путем создания специальных ко-

миссий, использующих опросные методики. Нередко принято использовать неспецифичные системы оценки, которые разработаны в сфере социологии, экономики, психологии (например, European Foundation on Quality Management, Balanced Score Card, SixSigma и др.). В США подобные или специально разработанные для оценки качества правосудия программы не имеют юридической силы, принимаются штатами на добровольной основе и используются судами как некий дополнительный инструмент для сбора эмпирики. Наиболее распространенная из них – Judicial Performance Evaluation⁸, – являясь наиболее старой из разработанных программ, по некоторым оценкам, используется менее чем половиной штатов страны. В рамках реализации программы проводится опрос судей, граждан, участников судопроизводства, работников суда, по результатам которого могут назначаться специальные слушания для обсуждения выявленных проблем. Судебная статистика в США уже долгое время является обыкновением, ведется с целью мониторинга достижения показателей, а не определения качества правосудия, не может использоваться для привлечения судей к дисциплинарной ответственности [8, р. 23–44]. Нередко методика формирования показателей в системах оценки строится по типу бенчмаркинга, то есть эталонного сравнения, когда «...устанавливается показатель, к которому надо стремиться, а затем определяется мера близости между фактическим и эталонным показателями» [3, с. 128].

В странах с качественным подходом статистические данные могут применяться как для совершенствования судебной самоорганизации, так и при использовании процессуальных форм снижения нагрузки судей. К примеру, ГПК Республики Казахстан с 1 августа 2022 г. предусмотрено правило об экстерриториальной подсудности, когда при отсутствии возражений сторон «IT-программа отбирает менее загруженный суд независимо от его территориального расположения», который будет рас-

6 Opinion on the Provisions on the Judiciary in the Draft Constitution of the Republic of Serbia adopted by the Commission at its 64th plenary session (Venice, 21–22 October 2005) [Электронный ресурс]. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2005\)023-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2005)023-e) (дата обращения: 04.08.2023).

7 Opinion on the law on the high judicial council of the Republic of Uzbekistan. Warsaw, 1 October 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ecoi.net/en/file/local/1447219/1226_1539934369_327-jud-uzb-1oct2018-en.pdf (дата обращения: 04.08.2023).

8 Информация о данной системе, критерии используемых для подсчета показателей изложены на официальном сайте разработчика – Института развития американской правовой системы. См.: Judicial Performance Evaluation 2.0 [Электронный ресурс]. URL: <https://iaals.du.edu/projects/judicial-performance-evaluation> (дата обращения: 04.08.2023).

смаатривать дело вне всякой привязки к месту жительства ответчика [9, с. 152].

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Третий подход вытекает из предыдущего, то есть содержит все его характерные элементы, но дополнен признаком, который является в некотором смысле гипертрофией социального элемента, наличествующего в качественном подходе. Суд здесь не просто дополняет собственные выводы о качестве своей деятельности какими-либо результатами внепроцессуального микровзаимодействия с обществом, а изначально позиционирует себя (и в последующем воспринимается населением страны) как субъект социального обслуживания. Получатели этих услуг – граждане страны, на мнения которых и ориентированы многие критерии оценки качества правосудия. Финляндия⁹ и Нидерланды являются основными представителями стран, в которых реализован данный подход. Апелляционный суд Рованиеми (Финляндия) в собственном проекте, реализуемом с 2006 г. для оценки качества деятельности, отмечает, что «при разработке настоящего набора показателей качества ведущая идея заключалась в том, чтобы оценить качество судебного разбирательства, прежде всего, с точки зрения сторон и лиц, участвующих в разбирательстве» [11, р. 11].

Социально ориентированный подход не исключает ведение и использование судебной статистики для оценки качества деятельности судов. Как и при качественном подходе, количественные показатели работы судьи (суда) сами по себе не могут являться основанием для привлечения к ответственности или фактором, влияющим на продвижение по карьерной лестнице. Кроме обобщения информации о положении дел в

сфере правосудия статистика может использоваться при решении задач по обеспечению функционирования судебных органов. В той же Финляндии, например, использование статистических данных особенно важно в процессе распределения ресурсов (материальных и кадровых) между судами [12, р. 39–43].

Специфичность социально ориентированного подхода нередко выражается в формировании весьма непривычных для отечественного профессионального менталитета вопросов в опросных листах, например о том, «довольны ли участники процесса проведенным заседанием», «чувствовали ли они, что могут оказать влияние на ход решения по делу», «вежливо ли обращались с ними в ходе судебного заседания» [11, р. 59–79] и т. п.

Представляется, что подобная организация оценки качества работы судов (прежде всего, социально ориентированного подхода) формируется под воздействием известной европейским странам и содержащейся в профессиональном сознании такой ценности, как интегритет (*integrity*), направленной на обеспечение открытости судов перед гражданами. Ее прообразом называют принцип транспарентности, возникший еще в начале XVII в. в Великобритании [13, с. 564]. В настоящее время наиболее удачно смысл *integrity* сформулирован в Бангалорских принципах поведения судей: *Justice must not merely be done but must also be seen to be done*¹⁰ (правосудие должно не только вершиться, но также должно быть видно, как оно вершится).

Такое воззрение оказывает влияние на решения Европейского суда, в которых затрагиваются вопросы должного построения взаимоотношений между судом и обществом. Европейский суд исходит из того, что именно суд должен действовать так, чтобы окружающие испытывали к нему доверие, а если это доверие по каким-либо причинам нарушено, то именно суд должен предпринять достаточные меры для того, чтобы это доверие восстановить¹¹. Задача

⁹ Сразу оговоримся, что социально ориентированный подход больше всего выражен в проекте оценки качества деятельности судов, разработанном и используемом только Апелляционным судом Рованиеми. См.: *How to assess quality in the courts? Quality Benchmarks for Adjudication are a means for improvement of the activity of the courts. Court of the Appeal of Rovaniemi* [Электронный ресурс]. URL: https://oikeus.fi/hovioikeudet/rovaniemenhovioikeus/material/attachments/oikeus_hovioikeudet_rovaniemenhovioikeus/mvEf2FcHH/quality.pdf (дата обращения: 04.08.2023). На национальном уровне в Финляндии, по мнению ученых, проводивших «сквозные» исследования оценки качества правосудия в некоторых европейских странах, эта модель не используется, что позволяет сделать вывод о самостоятельности судов регионов в разработке и использовании своих собственных методик [10, р. 287–288].

¹⁰ Bangalore Principles of Judicial Conduct, (2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/documents/ji/training/bangaloreprinciples.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).

¹¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Сандер против Соединенного Королевства» от 09.05.2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22languageiso%22%3A%5B%5C%22ENG%22%5D%2C%22respondent%22%3A%5B%5C%22GBR%22%5D%2C%22documentcollectionid%22%3A%5B%5C%22JUDGMENTS%22%5D%2C%22itemid%22%3A%5B%5C%22001-58835%22%5D%7D> (дата обращения 03.08.2023).

стью эта позиция противопоставляется отечественному пониманию открытости судов. Так, Конституционный Суд РФ указывает, что это участники судебного разбирательства должны испытывать доверие к суду, которое может быть поставлено под сомнение только на основе достоверных и обоснованных доказательств, сви-

детельствующих об обратном [14, с. 6–9]¹².

На основе всего изложенного систематизируем базовые характеристики подходов государства к оценке качества правосудия и схематично изобразим через пять параметров: предмет, субъект, критерии, методы и результаты оценки (см. рис. 3).

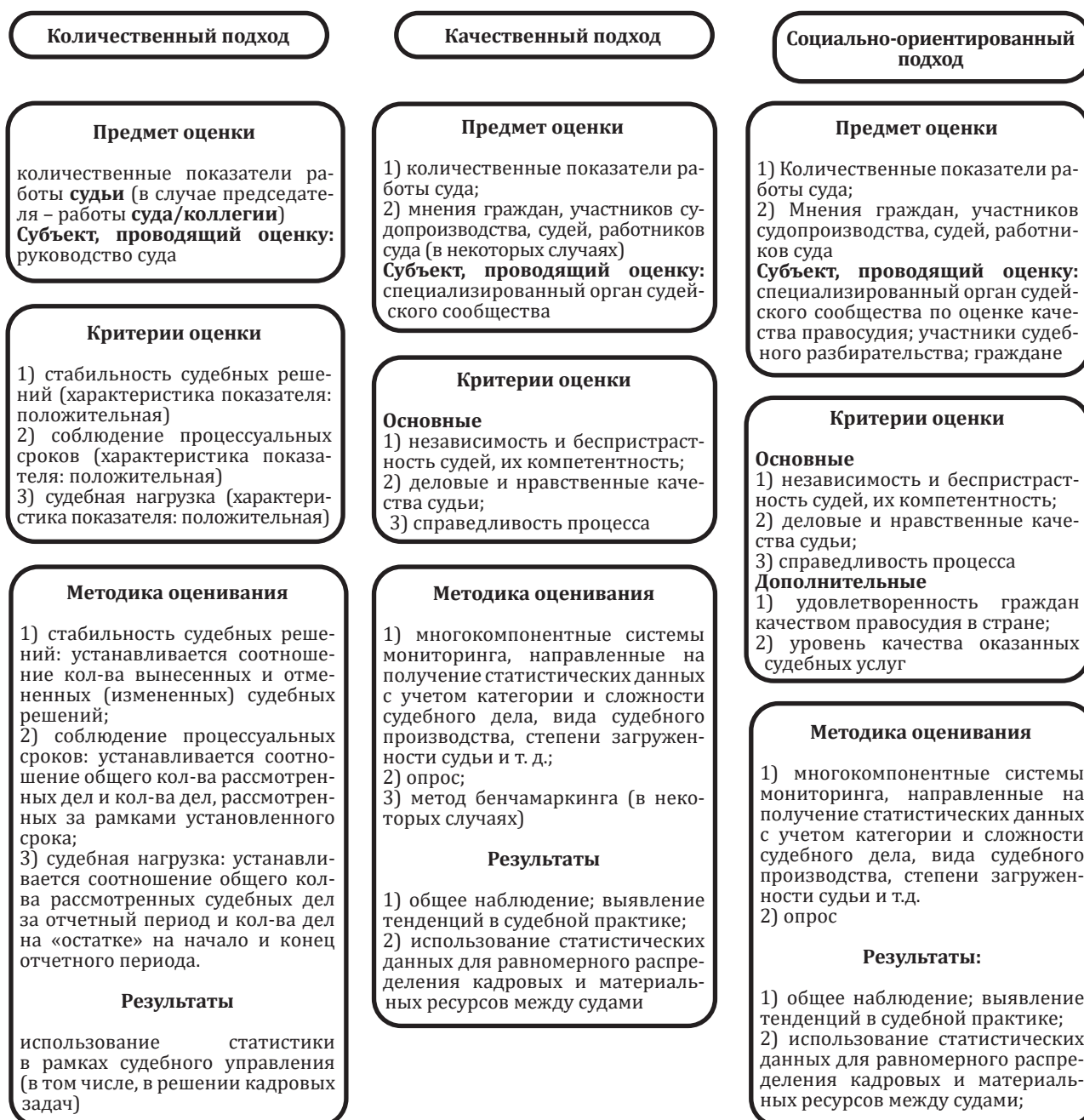

Рис. 3. Типология подходов государства к формированию системы оценки качества правосудия

Выводы

Сравнительный анализ различных систем оценки, принятых и используемых другими государствами, демонстрирует значительное разнообразие средств и методик измерения качества правосудия в сравнении с теми, которые применяются в нашей стране. Этот факт сам по себе не доказывает превосходства какой-либо зарубежной системы оценки и не гарантирует успешность в случае ее рецепции, но свидетельствует о воз-

можности получения более полных сведений о состоянии правосудия в стране.

Ключевая проблема статистического метода заключается в неспособности его результатов отразить всю содержательную характеристику судебного разбирательства. Объективно назревшая для российской судебной системы необходимость получения более информативных данных требует отказа от его абсолютизации и перехода на многокомпонентную методику измерения качества правосудия.

Список источников

1. Поздняков М.Л. Критерии оценки качества работы судей и дисциплинарная ответственность / М.Л. Поздняков. – Москва : Статут, 2014. – 56 с.
2. Васильев Д.С. Показатели судебной статистики как критерии оценки судебной деятельности / Д.С. Васильев // Право и политика. – 2021. – № 3. – С. 79–100.
3. Астафьев А.Ю. Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки / А.Ю. Астафьев // Судебная власть и правосудие. Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2012. – № 1 (12). – С. 129–132.
4. Азгальдов Г.Г. О квалиметрии / Г.Г. Азгальдов, Э.П. Райхман. – Москва : Изд-во стандартов, 1972. – 172 с.
5. Потапов С.А. Вопросы повышения качества работы судов / С.А. Потапов // Вестник ТГУ. – 2015. – Т. 20, вып. 10. – С. 173–179.
6. Морщакова Т.Г. Судебное управление в международных нормах «мягкого права» и российских практиках / Т.Г. Морщакова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 1 (116). – С. 81–94.
7. Fabri M. The administration of Justice in Europe: towards the development of quality standards / M. Fabri, P. Langbroek, H. Pauliat. – Bologna : Lo Scarabeo, 2003. 494 p.
8. An Evaluation of Judicial Case Management Under the Civil Justice Reform Act / J.S. Kakalik, T. Dunworth, L.A. Hill, D.F. McCaffrey, M. Oshiro, N.M. Pace, M.E. Vaiana. – Santa Monica : RAND Corporation, 1996. – 386 p.
9. Баймолдина З.Х. Гражданское судопроизводство в Республике Казахстан: новеллы и тенденции / З.Х. Баймолдина // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 149–155.
10. Comparing the evaluation and development of the quality of Justice in Finland, France, Hungary, Italy and The Netherlands / H. Pauliat, C. Foulquier, M. Bencze et al. // Handle with Care Assessing and designing methods for evaluation and development of the quality of justice/ ed. F. Contini. – Bologna, 2017. – P. 277–296.
11. Evaluation of the quality of adjudication in courts of law: principles and proposed Quality Benchmarks: Quality Project of the Courts in the Jurisdiction of the Court of Appeal of Rovaniemi, Finland. – Rovaniemi : Rovaniemi Court of Appeal, 2006. – 79 p.
12. Handle with Care Assessing and designing methods for evaluation and development of the quality of justice / ed. F. Contini. – Bologna, 2017. – 406 p.

REFERENCES

1. Pozdnyakov M.L. Criteria for assessing the quality of judges' work and disciplinary responsibility. Moscow, Statut Publ., 2014. 56 p.
2. Vasiliev D.S. Indicators of judicial statistics as criteria for assessing judicial activity. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2021, no. 3, pp. 79–100. (In Russian).
3. Astafiev A.Yu. Efficiency of judicial activity: concept and evaluation criteria. *Sudebnaya vlast' i pravosudie. Vestnik VGU. Seriya: Pravo = Judicial Power and Justice. VSU Bulletin. Series: Law*, 2012, no. 1 (12), pp. 129–132. (In Russian).
4. Azgaldov G.G., Reichman E.P. On qualimetry. Moscow, Izdatel'stvo standartov, 1972. 172 p.
5. Potapov S.A. Issues of improving the quality of judicial work. *Vestnik TGU = Bulletin of TSU*, 2015, vol. 20, iss. 10, pp. 173–179. (In Russian).
6. Morshchakova T. Judicial management in international systems of the «soft law» and in the Russian judicial practices. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2017, no. 1 (116), pp. 81–94. (In Russian).
7. Fabri M., Langbroek P., Pauliat H. The administration of Justice in Europe: towards the development of quality standards. Bologna, Lo Scarabeo Publ., 2003. 494 p.
8. Kakalik J.S., Dunworth T., Hill L.A., McCaffrey D.F., Oshiro M., Pace N.M., Vaiana M.E. An evaluation of judicial case management under the Civil Justice Reform Act. Santa Monica, RAND Corporation Publ., 1996. 386 p.
9. Baimoldina Z.Kh. Civil proceedings in the Republic of Kazakhstan: Innovations and trends. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 149–155. (In Russian).
10. Pauliat H., Foulquier C., Bencze M. et al. Comparing the evaluation and development of the quality of Justice in Finland, France, Hungary, Italy and the Netherlands. *Contini F. (ed.). Handle with Care Assessing and designing methods for evaluation and development of the quality of justice*. Bologna, 2017, pp. 277–296.
11. Evaluation of the quality of adjudication in courts of law: principles and proposed Quality Benchmarks: Quality Project of the Courts in the Jurisdiction of the Court of Appeal of Rovaniemi, Finland. Rovaniemi, Rovaniemi Court of Appeal Publ., 2006. 79 p.
12. Contini F. (ed.). *Handle with Care Assessing and designing methods for evaluation and development of the quality of justice*. Bologna, 2017. 406 p.

13. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т.Г. Морщаковой. – Москва : Мысль, 2012. – 584 с.

14. Сидоренко М.В. Правовая определенность позиций Европейского суда по правам человека для системы российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2017. – № 5. – С. 6–9.

13. Morshchakova T.G. (ed.). Standards of fair justice (international and national practices). Moscow, Mysl' Publ., 2012. 584 p.

14. Sidorenko M.V. Legal certainty of positions of the European Court of Human Rights for Russian criminal procedure law system. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya = International Criminal Law and International Justice*, 2017, no. 5, pp. 6–9. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гизатуллин Ирек Альфредович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gizatullin Irek Alfredovich – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 29.10.2023; одобрена после рецензирования 03.12.2023; принята к публикации 04.12.2023.
The article was submitted 29.10.2023; approved after reviewing 03.12.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Научная статья
УДК 343.141, 343.131.3
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.13

Original article

ГОЛОВАЧУК Ольга Сергеевна
Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: persival@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-9331-4046>

GOLOVACHUK Olga Sergeevna
Ural State Law University named after
V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.

РАМЕНСКАЯ Виктория Святославовна
Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: viva-ra@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-0428-7283>

RAMENSKAYA Victoria Svyatoslavovna
Ural State Law University named after
V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ В СВЕТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

WAYS TO IMPROVE THE INSTITUTE OF EVIDENTIARY LAW IN RUSSIAN CRIMINAL
PROCEDURE IN THE LIGHT OF DIGITALIZATION

Аннотация. С момента вступления в силу УПК РФ прошло уже более 20 лет. За указанный период окружающий мир претерпел значительные изменения. Речь, прежде всего, идет о так называемом процессе цифровизации, когда электронная среда все активнее охватывает различные сферы жизни, в том числе уголовное судопроизводство. Можно говорить о двух основных направлениях. Во-первых, информация, имеющая доказательственное значение в рамках производства по делу, довольно часто содержится на электронных носителях: флэш-картах, сим-картах, жестких дисках и т. д. Во-вторых, меняются способы передачи информации. Это требует от законодателя внесения соответствующих изменений в УПК РФ, в частности, это касается норм, регулирующих процесс доказывания по уголовным делам. Цель: анализ проблем применения уголовно-процессуального законодательства, регулирующего процесс доказывания, в условиях цифровизации и поиск путей их решения. Методы: сравнения и интерпретации, формальной и диалектической логики, толкования юридических норм. По результатам проведенного исследования обоснована необходимость закрепления в УПК РФ таких следственных действий, как копирование и осмотр электронных сообщений, выемка информации в цифровой форме, находящейся в виртуальных хранилищах, а также необходимость нормативного определения понятия «электронный носитель информации». Кроме того, следует предусмотреть дополнительные меры по защите сведений, копируемых и хранящихся в цифровой форме на электронных устройствах сотрудников правоохранительных органов, в ходе расследования уголовных дел.

Abstract. More than 20 years have passed since the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation entered into force. During this period, the world has undergone significant changes. The first is the so-called digitalization process, when the electronic environment is increasingly covering various spheres of life, including criminal proceedings. There are two main directions. Firstly, information of evidentiary value in the proceedings is quite often contained on electronic media: flash cards, SIM cards, hard disks, etc. Secondly, the methods of transmitting this information are also changing. This requires the legislator to make appropriate amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; in particular, this concerns the rules governing the process of proving in criminal cases. Purpose: to analyze the problems in the application of criminal procedural legislation governing the process of proving in the conditions of digitalization and to find ways to solve them. Methods: methods of comparison and interpretation; methods of formal and dialectical logic; interpretation of legal norms. Results: the study substantiates the necessity of fixing in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation such investigative actions as copying and inspection of electronic messages, seizure of information in digital form located in virtual storages, as well as a regulatory definition of the concept of «electronic storage medium». In addition, further measures should be provided to protect information copied and digitally stored on electronic devices of law enforcement officers during criminal investigations.

© Головачук О.С., Раменская В.С., 2023

Ключевые слова: следственные действия, передача информации, информационно-телекоммуникационная сеть, электронный носитель информации, цифровизация, электронные сообщения

Для цитирования: Головачук О.С. Пути совершенствования института доказательственного права в уголовном процессе России в свете цифровизации / О.С. Головачук, В.С. Раменская. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 113–119.

Keywords: investigative actions, information transfer, information and telecommunication network, electronic storage medium, digitalization, electronic messages

For citation: Golovachuk O.S., Ramenskaya V.S. Ways to improve the institute of evidentiary law in Russian criminal procedure in the light of digitalization. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 113–119 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.13.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия результаты научно-технического прогресса настолько прочно вошли в нашу жизнь, что ее уже невозможно представить без оперативного доступа к информации, возможности мгновенно передавать сведения в любую часть Земли практически неограниченному числу людей, фиксировать все происходящее с помощью фото-, видео-, аудиотехники. При этом носители информации становятся все более компактными и удобными в использовании. Данные процессы стали возможны благодаря цифровизации.

Существуют два основных способа передачи информации: цифровой и аналоговый. В последнем случае информация передается непрерывно и так же должна восприниматься. Аналоговые сигналы раньше использовались во всех видах связи, но постепенно они вытесняются цифровыми, так как информация передается практически без искажений и требует минимальных затрат энергии для ее приема и передачи¹.

Данные изменения носят глобальный характер и влияют на самые разные области деятельности человека, в том числе входящие в сферу правовой регламентации.

Не осталось в стороне и уголовное судопроизводство. Но если сравнивать его с гражданским и арбитражным процессами, то можно сделать вывод, что изменения происходят более плавно, даже осторожно. Причины кроются в том числе и в тех итоговых решениях,

которые принимаются по результатам рассмотрения уголовных дел, в их влиянии на жизнь многих участников уголовного процесса. Тем не менее современные технологии передачи данных все больше проникают и в уголовное судопроизводство.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СИСТЕМУ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Для начала следует разобраться с терминологией. Многие авторы настаивают на использовании термина «цифровой» (в частности, в последние годы появился и активно развивается новый раздел криминалистики – криминалистическое исследование компьютерных средств и систем, активно обсуждаются вопросы цифровизации судебно-экспертной деятельности [1, с. 9]), но законодатель в различных нормативных актах оперирует категорией «электронный». Обратимся к закону «Об информации, информационных технологиях, защите информации»², согласно ст. 2 которого под информацией следует понимать сведения (сообщения, данные) вне зависимости от формы их предоставления. В данной норме приведено определение электронного сообщения: информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети, то есть технологической системы, предназначенной для передачи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. Нет сомнений, что информация при этом передается в форме

¹ Аналоговый и цифровой сигнал. Типы сигналов и как это действует [Электронный ресурс] // Электросам.ру : информационно-познавательный сайт. URL: <https://electrosam.ru/glavnaja/jelektrotehnika/raschjoty/analogovyi-i-tsifrovoy-signal/> (дата обращения: 23.08.2023).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 31.07.2023) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.09.2023).

цифрового кода, самый простой из которых – последовательно сменяемые «0» и «1», то есть, по сути, эта информация является цифровой. Тем не менее УПК РФ в ст. 474.1 использует термин «электронные документы», которые передаются в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В ст. 189.1 и 278.1 упоминается возможность использования видео-конференц-связи, но через какие каналы будет осуществляться передача информации, в законе не сказано. Можно предположить, что речь идет об использовании цифровых способов передачи информации через Интернет. Поэтому в настоящей работе применительно к информации, ее форме и носителям наряду с термином «цифровой» будет использоваться термин «электронный».

Передача информации сопровождает все уголовное судопроизводство. Но особое значение она имеет в рамках процесса доказывания. Ведь именно в данном случае информация в самых разнообразных формах доводится до сведения одного участника другим участником. При этом процедура передачи сведений максимально формализована, особые требования предъявляются к их форме и участникам. Нет достоверных данных в пользу того, что законодатель в обозримом будущем готов будет изменить порядок доказывания при разбирательстве уголовных дел. Поэтому следует говорить об адаптации появившихся способов передачи данных под нормативно предъявляемые доказательственным правом требования.

Мы проанализируем несколько направлений, в рамках которых необходимо совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства, обусловленное использованием цифровых способов передачи информации. Прежде всего, хотелось бы обратиться к следственным действиям. Их перечень строго регламентирован законом и является закрытым, но при пристальном рассмотрении становится ясно, что он нуждается в корректировке.

КОПИРОВАНИЕ И ОСМОТР ЭЛЕКТРОННЫХ СООБЩЕНИЙ

Общение в цифровом формате все более вытесняет иные способы передачи информации. Как же законодатель учитывает ука-

занное обстоятельство при регулировании процедуры собирания необходимых для рассмотрения дела фактических данных?

В законе отсутствует следственное действие, которое бы позволяло получить, в том числе минуя носитель, принадлежащую конкретному лицу информацию из мессенджеров, электронных ящиков, социальных сетей. Изменения, внесенные законодателем в ст. 185 УПК РФ, не решили существующую проблему. Указанная статья была дополнена частью 7, в соответствии с которой следователь по решению суда может произвести осмотр и выемку электронных и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений при наличии достаточных оснований полагать, что в них содержатся сведения, имеющие значение для уголовного дела. При этом мы видим, что процедура такого осмотра и выемки не разработана, так как правила, изложенные в ч. 3–5 ст. 185 УПК РФ, не учитывают специфики электронных сообщений и каналов их передачи. Так, например, в ходатайстве следователя о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления обязательно указываются данные лица, на чье имя поступают эти отправления (его фамилия, имя, отчество и адрес). Но при обмене сообщениями в сети Интернет далеко не всегда используются настоящие имена и фамилии, что не является препятствием для общения посредством мессенджеров. Соответственно, законодателю необходимо сформулировать иные признаки, которые позволят индивидуализировать субъекта, чьи электронные сообщения содержат информацию, имеющую значение для уголовного дела [2, с. 62]

Также п. 4 ч. 3 ст. 185 УПК РФ требует от следователя указать в своем ходатайстве наименование учреждения связи, на которое возлагается обязанность задерживать соответствующие почтово-телеграфные отправления. Но Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» не использует такого понятия. Соответственно, возникают вопросы: от кого следователь может получить интересующие его электронные сообщения с целью их копирования и осмотра? насколько корректно решение законодателя о включении нормы ч. 7 ст. 185 УПК РФ в статью, посвященную аресту, выемке и осмотру почтово-телеграфных отправлений?

В соответствии с ч. 1 ст. 185 УПК РФ на бандероли, посылки или другие почтово-телеграфные отправления либо телеграммы и радиogramмы может быть наложен арест при наличии достаточных оснований полагать, что в них содержатся предметы, документы или сведения, имеющие значение для уголовного дела. При этом не понятно, что включает в себя понятие «другие почтово-телеграфные отправления», охватываются ли его содержанием электронные сообщения.

Так, п. 8 Правил оказания услуг почтовой связи, утвержденных приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 17 апреля 2023 г. № 382³, среди почтовых отправлений упоминает отправления, пересылаемые в форме электронного документа, а в разделе VI содержатся положения о приеме и доставке (вручении) простых и заказных почтовых отправлений, пересылаемых в форме электронного документа. Но речь здесь идет только об отправлениях, пересылаемых с использованием информационной системы организации федеральной почтовой связи (п. 52). Таким образом, можно сделать вывод, что электронные и иные передаваемые по сетям электросвязи сообщения выходят за рамки предмета ст. 185 УПК РФ, так как к ним относятся сообщения, передаваемые по электронной почте, а также посредством мессенджеров (WhatsApp, Viber, Telegram и др.).

Учитывая изложенное, следует согласиться с теми учеными-процессуалистами, которые говорят о необходимости закрепления в УПК РФ самостоятельного следственного действия, направленного на копирование и осмотр электронных сообщений [3, с. 479–480].

Но это в полной мере не решит проблему взаимодействия правоохранительных органов с организаторами распространения электронной информации по сети Интернет, если последние находятся за пределами Российской Федерации. Как справедливо отмечают В.В. Важенкин и Т.З. Имаков, «большинство протоколов и технологий сети Интернет разработаны в США. Корпорации по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN) созданы при участии американского правительства и находятся на территории США» [4, с. 21].

3 Правила оказания услуг почтовой связи, утв. приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 17.04.2023 № 382 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.09.2023).

ЭЛЕКТРОННЫЕ УСТРОЙСТВА КАК НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ

Также в рамках исследуемой темы требует внимания вопрос об электронных устройствах как носителях информации и приобщении их в качестве доказательств. Законодателем уже предприняты определенные шаги в данном направлении. Так, в УПК РФ появилась ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». При этом законодатель не посчитал необходимым закрепить в тексте процессуального закона определение понятия «электронные носители информации». Поэтому на практике приходится использовать ГОСТ 2.051-2013 «Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения»⁴, в п. 3.1.9 которого говорится, что электронный носитель – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации с помощью средств вычислительной техники. Следует отметить расплывчатость приведенной формулировки, что обуславливает вариативность восприятия понятия «электронный носитель» [5, с. 117]. На практике это может привести к необоснованному отказу в отнесении того или иного устройства к электронным носителям информации и, как следствие, к несоблюдению установленных законом процедур, нарушению прав участников уголовного судопроизводства [6, с. 67]. Таким образом, полагаем, что ст. 5 УПК РФ, раскрывающую определение основных понятий, используемых в тексте уголовно-процессуального закона, следует дополнить пунктом 63, указав, что электронный носитель информации – это предмет, используемый для записи, постоянного или временного хранения электронной информации, имеющей значение для уголовного дела, воспроизведение которой невозможно без использования вычислительной техники.

4 ГОСТ 2.051-2013. «Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения» [Электронный ресурс] // доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.09.2023).

ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ

Сама норма, регламентирующая порядок производства данного следственного действия, появилась в законе в 2010 г., последние изменения и дополнения были внесены в нее в 2013 г. Очевидно, что с тех пор возможности цифровых технологий, электронных устройств и степень их распространенности среди населения шагнули далеко вперед. Многие авторы отмечают ряд пробелов в действующей норме: не регламентированы основания производства следственного действия, не определен процессуальный статус лиц, в отношении которых оно может быть произведено; императивность правила о признании вещественным доказательством полученной в ходе указанного действия информации также вызывает сомнения [7, с. 82]. Кроме того, не урегулирован порядок взаимодействия следственных органов и операторов связи, не установлена ответственность за нарушение обязательств операторов связи в рамках выполнения судебного решения на производство следственного действия и др. [8, с. 55].

Также потенциально важным видится получение информации как о факте соединения между абонентами (абонентскими устройствами), объеме передаваемых сведений, так и о том, какие именно сведения были переданы, в каких программах состоялась передача. Тем более что с принятием ряда федеральных законов⁵ предпосылки для этого в виде обязательного хранения операторами связи передаваемых сведений уже созданы.

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.09.2023); О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.09.2023).

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Как уже было отмечено, цифровые технологии позволяют оперативно собирать и передавать информацию в самых разных форматах. При этом в уголовно-процессуальном законе не регламентированы виды технических средств, подлежащих применению для фиксации хода и результатов следственного действия. Статья 164 УПК РФ содержит на этот счет лишь самые общие правила. Поэтому представители правоохранительных органов используют личные технические средства. Прежде всего, речь идет о смартфонах. Конечно, это удобно: оперативная фиксация, нужные сведения всегда под рукой. Оснований сомневаться в добросовестности сотрудников правоохранительных органов, прокуратуры и других ведомств нет. Поэтому в настоящей работе даже не обсуждается возможность умышленной передачи сведений третьим лицам. Но есть еще и техническая возможность неправомерного и неконтролируемого доступа к информации, хранящейся на устройствах сотрудников, имеющих доступ в Интернет. Кроме утечки есть вероятность неправомерного получения данных, хранящихся на личных устройствах, подключенных к Сети, их изменения и неконтролируемого владельцем возвращения фото, аудио или иного файла на устройство. В этой связи предлагается более детально регламентировать порядок хранения и передачи информации, прежде всего, при расследовании уголовных дел и рассмотрении некоторых из них в закрытом судебном разбирательстве. Необходимо нормативно запретить использование личных устройств сотрудников, подключенных к Интернету, либо предусмотреть дополнительные механизмы защиты от неправомерного проникновения к информации, хранящейся на них. Важно не просто установить указанные ограничения, но и проконтролировать их соблюдение, ввести санкции за их игнорирование. Возможно, данное предложение на первый взгляд может показаться излишним, поскольку подобные случаи пока не были описаны в открытой печати. Но необходимо действовать на опережение, ведь последствия описанных неправомерных действий могут быть фатальными.

ми для разбирательства уголовных дел при действующем принципе презумпции невиновности, особенно если информация не была продублирована в первоначальном виде на устройствах, не подключенных к Интернету, или на бумажном носителе.

Уголовно-процессуальный порядок предоставления информации с электронных носителей участниками уголовного судопроизводства

Хотелось бы обратить внимание на отсутствие правового обеспечения тех случаев, когда участники процесса предоставляют лицам, ведущим производство по уголовному делу, цифровую информацию на личных устройствах. В частности, такая необходимость может возникнуть при производстве допроса или участия в иных следственных действиях. УПК РФ предусматривает в указанных случаях возможность производства выемки. Но если информация находится в цифровом виде, то могут возникнуть вопросы в связи с ее копированием на материальный носитель и приобщением к уголовному делу: кто именно, с помощью каких устройств осуществит копирование, кто должен предоставить носитель для переноса информации и др. Эти вопросы также требуют нормативных ответов. Важно отметить, что ст. 164.1 УПК РФ регламентирует, прежде всего, процедуру изъятия электронного носителя информации. Но необходимость изъятия сведений, содержащихся в виртуальных цифровых хранилищах, только возрастает. Зайти в такие хранилища можно с любого электронного устройства при введении логина и пароля. Очевидно, что изъятия конкретного устройства, на котором хранится информация, в данном случае не требуется. В этой связи предлагается включить в УПК РФ статью 183.1, наделив субъекта, предоставляющего сведения в цифровом виде, правом выбирать: либо скопировать важную для разбирательства дела информацию самостоятельно на свой носитель с последующей его передачей для хранения при уголовном деле и компенсацией затрат, либо обратиться к соответствующим специалистам, работникам правоохранительных органов. В случае принятия данного предложения необходимо создать соответствующие подразделения в правоохранительных органах и судах. На

них могут быть возложены и иные функции. Например, производство экспертиз носителей цифровой информации или помощь в их назначении, осмотре указанных предметов.

При этом использование цифровой информации в процессе доказывания по уголовному делу может вестись и в других направлениях. Для этого необходимо нормативно закрепить соответствующие дополнения к уголовно-процессуальной форме, расширив пределы допустимости использования цифровых источников фактических данных, изменить систему принципов уголовного процесса, расширить перечень не только следственных, но и судебных действий [9, с. 55].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

1) в тексте УПК РФ (ст. 5) необходимо закрепить понятие «электронный носитель информации»;

2) следует предусмотреть в действующем уголовно-процессуальном законодательстве самостоятельное следственное действие – копирование и осмотр электронных сообщений, – исключив ч. 7 ст. 185 УПК РФ;

3) полагаем возможным расширить перечень сведений, которые могут быть получены в рамках производства следственного действия, предусмотренного ст. 186. 1 УПК РФ;

4) необходимо предпринять повышенные меры безопасности, обеспечивающие сохранность и контроль за информацией, хранящейся в цифровой форме на личных устройствах сотрудников правоохранительных органов. В этой связи предлагается разработать и установить на личных устройствах сотрудников программы, обеспечивающие сохранность информации и запрещающие неправомерный доступ к ней с других устройств;

5) необходимо дополнить УПК РФ статьей 183.1, в которой закрепить право участника уголовного судопроизводства, предоставляющего сведения в цифровом виде, выбирать: либо скопировать имеющую значение для дела информацию самостоятельно на свой носитель с последующей его передачей для хранения при уголовном деле и компенсацией затрат, либо обратиться к соответствующим специалистам, работникам правоохранительных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинская Е.Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики / Е.Р. Россинская // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4, ч. 1. – С. 88–101.
2. Супрун С.В. О противоречивом характере новеллы в законодательном регулировании следственного действия «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления» / С.В. Супрун, В.С. Черкасов // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 59–64.
3. Гарипов Т.И. Вопросы процессуальной регламентации копирования и осмотра электронных сообщений в уголовном судопроизводстве / Т.И. Гарипов // Вестник Казанского юридического институт МВД России. – 2019. – № 4 (38). – С. 475–481.
4. Важенин В.В. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет / В.В. Важенин, Т.З. Имаков // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. – 2015. – № 1. – С. 19–26.
5. Количенко А.А. Электронные носители информации как средство получения электронных доказательств в уголовном процессе / А.А. Количенко // Вестник Казанского юридического институт МВД России. – 2022. – № 1 (47). – С. 114–121.
6. Григорьев В.Н. Об электронных носителях информации в уголовном судопроизводстве / В.Н. Григорьев, О.А. Максимов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 3. – С. 65–71.
7. Сибигатуллин Ф.Ф., Латыпов В.С. И снова к вопросу о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами / Ф.Ф. Сибигатуллин, В.С. Латыпов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2021. – № 2. – С. 78–83.
8. Сандрин И.А. Взаимодействие органов предварительного следствия и операторов связи при расследовании дистанционных мошенничеств / И.А. Сандрин, В.А. Мещеряков // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022. – № 3 (57). – С. 51–56.
9. Зайцев О.А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства / О.А. Зайцев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 4. – С. 42–57.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Головачук Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса;

Раменская Виктория Святославовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Golovachuk Olga Sergeevna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure;

Ramenskaya Victoria Svyatoslavovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure.

Статья поступила в редакцию 29.10.2023; одобрена после рецензирования 26.11.2023; принята к публикации 27.11.2023. The article was submitted 29.10.2023; approved after reviewing 26.11.2023; accepted for publication 27.11.2023.

REFERENCES

1. Rossinskaya E.R. The doctrine of forensic activities digitalization and the problems of forensic didactics. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 4, pt. 1, pp. 88–101. (In Russian).
2. Suprun S.V., Cherkasov V.S. On the opposing nature of novella in the legislative regulation of the investigatory action «arrest of postal and telegraph». *Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii = Siberian Law Review*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 59–64. (In Russian).
3. Garipov T.I. Procedural regulation of copying and inspection of electronic messages in criminal court proceedings. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2019, no. 4 (38), pp. 475–481. (In Russian).
4. Vazhenin V.V., Imakov T.Z. Problems of countering extremism on the Internet. *Prestupnost' v sfere informacionnyh i telekommunikacionnyh tekhnologij: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij = Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, detection and investigation of crimes*, 2015, no. 1, pp. 19–26. (In Russian).
5. Kolichenko A.A. Electronic media as a source of obtaining electronic evidence in criminal proceedings. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2022, no. 1 (47), pp. 114–121. (In Russian).
6. Grigoryev V.N., Maksimov O.A. On the use of electronic storage media in criminal proceedings. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2019, no. 3, pp. 65–71. (In Russian).
7. Sibagatullin F.F., Latypov V.S. Getting back to the issue of obtaining information on connections between subscribers and (or) subscriber devices. *Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva = Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective*, 2021, no. 2, pp. 78–83. (In Russian).
8. Sandrin I.A., Meshcheryakov V.A. Interaction of preliminary investigation bodies and telecom operators in the investigation of remote fraud. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 2022, no. 3 (57), pp. 51–56. (In Russian).
9. Zaitsev O.A. Features of the use of electronic information as criminal evidence: A comparative-legal analysis of foreign legislation. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 4, pp. 42–57. (In Russian).

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.14

Original article

ИБРАГИМОВА Алиса Мансуровна
Казанский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской
Федерации, Казань, Россия;
e-mail: alissamansurovna@yandex.ru;
<https://orcid.org/0009-0008-1245-7928>

IBRAGIMOVA Alisa Mansurovna
Kazan Law Institute (branch) of the University
of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Kazan, Russia.

ГЕНЕЗИС СИСТЕМЫ ОБЖАЛОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

THE GENESIS OF THE APPEAL SYSTEM IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LAW

Аннотация. Современное состояние уголовно-процессуального законодательства об обжаловании действий (бездействия) и решений участников уголовного судопроизводства есть результат постепенного развития политико-правовой мысли российского государства. Вместе с тем объективные потребности общества в разные периоды развития государственности вынуждали создавать новые инструменты воздействия на действия (бездействие) и решения со стороны государственных структур. Целью данного исследования является выявление закономерностей в развитии уголовно-процессуального обжалования путем изучения его признаков в уголовном судопроизводстве Древней Руси, Московского государства, Российской империи, советского, постсоветского этапов развития страны. На основе полученных знаний автором ставилась цель выделить этапы становления и формирования уголовно-процессуального обжалования. Материалы и методы: исследование основывалось на всеобщем диалектическом методе познания, а также методах историзма, анализа и синтеза, индукции и дедукции. Результаты: проведенное исследование позволило автору на основе отдельных исторически важных событий выделить пять самостоятельных этапов периодизации. Вместе с тем сделан вывод о незавершенности формирования системы обжалования в уголовном судопроизводстве, стремлении ее к расширению за счет формирования новых инструментов обжалования.

Ключевые слова: система обжалования в уголовно-процессуальном праве, обжалование в уголовном судопроизводстве, жалобы на действия (бездействие) и решения властных субъектов в уголовном судопроизводстве, пересмотр судебных решений, прокурорский надзор, судебный контроль, ведомственный контроль

Abstract. The current state of criminal procedure legislation on appealing against actions (inaction) and decisions of participants of criminal proceedings is the result of the gradual development of the political and legal thought of the Russian state. At the same time, the objective needs of society in different periods of statehood development forced to create new tools to influence on actions (inaction) and decisions on the part of state structures. The purpose of this research is to identify regularities in the development of criminal procedure appeal by studying its features in criminal proceedings of Ancient Rus, the Moscow State, the Russian Empire, the Soviet and post-Soviet stages of the country's development. Based on the obtained knowledge, the author aims to highlight the stages of establishment and formation of a criminal procedure appeal. Materials and methods: the study is based on the universal dialectical method of cognition, as well as the methods of historicism, analysis and synthesis, induction and deduction. Results: the research allows the author to identify five independent periodization stages on the basis of certain historically important events. Moreover, the author concludes that the appeal system in criminal proceedings is incomplete, and it is seeking to expand through the formation of new appeal instruments.

Keywords: appeal system in criminal procedure law, appeal in criminal proceedings, complaints against actions (inaction) and decisions of authorities in criminal proceedings, review of court decisions, prosecutor's supervision, judicial control, departmental control

Для цитирования: Ибрагимова А.М. Генезис системы обжалования в уголовно-процессуальном праве России / А.М. Ибрагимова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.14 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 120–128.

For citation: Ibragimova A.M. The genesis of the appeal system in Russian criminal procedure law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 120–128 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.14.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение явлений права в историческом контексте позволяет получить более глубокие знания об изучаемом объекте.

Развитие системы уголовно-процессуального обжалования было постепенным, связано с отдельными событиями и фактами в истории российской государственности и права.

В процессе изучения вопроса происхождения, развития и становления права обжалования в уголовном судопроизводстве создало множество взглядов, связывающих периодизацию развития системы обжалования преимущественно с возникновением в тот или иной исторический промежуток времени памятников права [1, с. 57–59; 2, с. 82–92; 3, с. 40–41].

ЗАРОЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОСНОВА СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ

Формирование системы обжалования связано с возникновением его институтов, которые появлялись и развивались постепенно, по мере формирования русского государства. Генезис системы обжалования множество авторов связывают с заключением договоров в 911 и 912 г. русских с Византией. Эти договоры стали первыми международными договорами в истории русского государства [2, с. 82; 3, с. 18, 19; 4, с. 49].

Возникновение права обжалования, согласно положениям договора 911 г., а также первому памятнику древнерусского права – Русской Правде, а именно ст. 18 ее пространной редакции, связано с закреплением в этих документах возможности истца обратиться с требованием о защите своих интересов при возникновении спора путем дачи свидетельских показаний в состязательном процессе [2, с. 83; 4, с. 49; 5]. Тем самым требование о принятии положительного для заинтересованного лица решения по делу возникло как способ преодоления бездействия компетентного органа в надлежащей оценке доказательств.

В Древней Руси не было специальных судебных органов, судебные-следственные функции сосредотачивались в руках князя и его подчиненных, совмещавших и административные функции. Поэтому нельзя утверждать, что право обжалования в древнерусском праве носило чисто уголовно-процессуальный характер, так как законодательство Древней Руси не знало деления на отрасли права. И гражданское, и уголовное судопроизводство было унифицировано [1, с. 27; 6, с. 32; 7, с. 54].

Разделение уголовного и гражданского процессов связано с созданием в XVI в., в 1699 г., земского и губного управления. Задача губного управления в лице Губной избы и входящих в ее состав губных старост состояла в собирании доказательств виновности – сыске (современное предварительное расследование по делам публичного и частно-публичного обвинения), который начинался, не выжидая жалобы, по инициативе губных старост, собиравших доказательства и решавших дело помимо сторон (судебное разбирательство) [5, с. 56; 6, с. 32–33].

С созданием в 1711 г. Правительствующего Сената и возложением на него обязанности по рассмотрению всех дел, в том числе по их пересмотру, с закреплением в Своде законов Российской Империи в 1832 г., его последующих редакциях 1842 и 1857 г.¹ трехступенчатой системы уголовного судопроизводства (следствие, суд, исполнение) связано выделение функции пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве самостоятельным органом, решения которого не обжаловались. Царь, а затем, с 1721 г., император сохранял только право самостоятельной отмены решений Сената [8, с. 165]. В этот период возможность подать жалобу в рамках розыскного процесса распространялась на приговоры о телесном наказании, ссылке на поселение или на каторгу [6, с. 36]. Такое положение дел

¹ Свод законов Российской Империи. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1857. Т. XV. Кн. 2.

дало начало пересмотру судебных решений в вышестоящей инстанции по жалобам как самостоятельному институту системы обжалования в уголовном судопроизводстве.

Ограниченный круг решений, подлежащих обжалованию, не давал возможность функционировать институту обжалования полноценно. Кроме того, обжаловать приговор или решение суда было затруднительно – нужны были большие средства. Жалобы годами лежали в суде нерассмотренными [8, с. 205].

Таким образом, первый этап формирования системы обжалования характеризуется постепенным выделением процессуальных норм права в отдельную группу, регулиующую уголовное судопроизводство. Уголовное судопроизводство формировалось последовательно с появлением форм производства по уголовным делам частного, публичного и частно-публичного обвинения. Выделение рассмотрения дел по существу судом в качестве самостоятельной части уголовного процесса, закрепление права обжаловать решения нижестоящих по отношению к главе государства чиновников и органов стали первыми шагами в направлении формирования системы обжалования в уголовном судопроизводстве. Реализацией такого обжалования выступала система органов государственной власти Древней Руси, Московского государства, российского государства начала периода империи, совмещавших как судебные, так и административные функции. Поэтому в этот период еще рано говорить о существовании самостоятельной системы органов уголовного судопроизводства и системы обжалования.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ПОРЯДКЕ ИХ ПЕРЕСМОТРА

Второй этап развития системы обжалования связан с формированием судебной системы и полноценным отделением судебной функции государства от административной. Первые попытки отделить судебную власть от государственной были предприняты еще в период правления Петра I. Однако они не увенчались успехом, так как созданные суды оставались зависимыми от губернатора [9, с. 169]. Кроме того, Сенат как высший орган

судебной власти, осуществлявший «ревизию» по делам, затруднявшим палаты, сосредоточил в себе и функции управления, и контроля, и законодательные функции [7, с. 88]. К тому же бюрократические препятствия не позволяли созданной системе органов стать «рабочим механизмом» [10, с. 17].

Судебная реформа 1864 г. положила начало развитию независимой судебной системы. Впервые суд полностью отделялся от администрации и рассматривался как независимый орган, подчинявшийся только закону.

Создание самостоятельной системы судов, состоящей из первой (мировые судьи, окружной суд) и вышестоящих (судебная палата – апелляционная инстанция, Сенат – кассационная) инстанций, положило начало институту обжалования в порядке пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве как самостоятельного элемента системы обжалования в уголовно-процессуальном праве [8, с. 221–222].

Глава 12 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. «О порядке обжалования следственных действий вообще» содержит ст. 493. В ней впервые в уголовно-процессуальном праве говорится об институтах прокурорского надзора и ведомственного контроля как элементах системы права обжалования [11, с. 168].

Новая судебная система представляла собой органы, совмещавшие как судебную, так и прокурорскую, а также следственную функции. Не было четкого разделения органов расследования, надзора и правосудия. Предварительное расследование разделялось между полицией и судебным следователем, который по должности входил в состав судебного органа; надзирал за законностью дознания и рассматривал жалобы о несогласии с его проведением прокурор [1, с. 34, 35; 12, с. 43], а суд занимался рассмотрением жалоб на действия (бездействие) и решения судебного следователя.

В то же время прокурорский надзор осуществлялся не только в форме надзора за процессуальной деятельностью дознания, но и судебного надзора. Суть судебного надзора на данном этапе заключалась в том, что в ходе рассмотрения судом жалобы в соответствии со ст. 501–509 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., поступившей на действия (бездействие) и решения следователя, перед ее разрешением суд заслушивал

заклучение состоящего при судебной палате прокурора об обоснованности жалобы, а не о законности или незаконности обжалуемого действия (бездействия) или решения следователя. Суд не был связан доводами заключения состоящего при судебной палате прокурора по жалобе, но его наличие являлось обязательным условием для рассмотрения жалобы в суде, тем самым создавало обязанность суда учитывать мнение прокурора при разрешении жалобы.

Полномочия прокурора в отношении следователя были ограниченными, так как указания, которые давались прокурором, могли быть обжалованы следователем в суд. То есть прокурорский надзор носил усеченный характер. Прокурорский надзор на данном этапе не был чисто прокурорским, правильнее говорить, что он являлся судебно-прокурорским. Следовательно, институт обжалования в изучаемый период находился на стадии зарождения.

Однако несомненно, что появление частичного прокурорского надзора за органом дознания и ведомственного контроля окружного суда за судебным следователем является важной вехой в формировании самостоятельных институтов системы обжалования наряду со сформировавшимся институтом пересмотра судебных решений судом вышестоящей инстанции. Система судебной власти в уголовном судопроизводстве на данном этапе состояла из усеченного прокурорского надзора, судебного ведомственного контроля, правосудия и пересмотра судебных решений.

Таким образом, выделение второго этапа в становлении системы обжалования связано с формированием самостоятельной судебной власти, в рамках которого в качестве самостоятельного института обжалования в уголовно-процессуальном праве образовывается пересмотр судебных решений в вышестоящей инстанции.

Такая система существовала до 1906 г., то есть до введения системы военно-полевых судов, с появлением которых решение вопросов виновности проходило в усеченные и беспалляционные 48 часов. Позже, с приходом к власти Временного правительства, уничтожение системы уголовного судопроизводства, созданной в результате Судебной реформы

1864 г., продолжилась [7, с. 97]. Не осталось места и обжалованию. Создавалась новая система органов советской власти.

ВЛАСТЬ СОВЕТОВ: НОВЫЕ СУДЫ И НОВЫЙ ПЕРЕСМОТР СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ, УСИЛЕНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБ НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

С принятием новых декретов ВЦИК от 22 ноября 1917 г. № 1 «О суде» и от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» появляется новая система судов, состоящая из народных судов и революционного трибунала. Предварительное следствие в этот период коллегиально ведет следственная комиссия. По итогам следствия обвиняемый и защитник могли приносить замечания на следствие, а в дальнейшем² приносить жалобы в революционный трибунал – чрезвычайный судебный орган [7, с. 148]. Это положило начало новому виду советского судебного контроля за органом предварительного следствия, существовавшего не в составе суда, а самостоятельно.

Несмотря на ограничение новым советским правом демократических начал, сформированных Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., Учреждением судебных установлений 1864 г. и др., на использование суда в качестве орудия революционной борьбы, декреты содержали важные для системы обжалования постулаты – законодательно закреплялись основания отмены судебных решений: «суд имеет право отменить решение не только по формальным нарушениям, признанным им существенными, но и в том случае, если признает, что обжалованное решение явно несправедливо; кассационный суд может также применить смягчение наказания и помилование»³. Так появились первые законодательно закрепленные основания отмены или изменения приговоров.

Шаг вперед в развитии системы обжалования в это время совершен за счет законода-

² О революционных трибуналах (Положение) : декрет ВЦИК от 18.03.1920, ст. 16, 27 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О суде : декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2, ст. 5 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Положение о революционных военных трибуналах от 06.10.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 58, ст. 106.

тельного надделения⁴ сторон уголовного судопроизводства возможностью лично или через представителей присутствовать при рассмотрении жалоб в кассационном отделе [7, с. 143]. Тем самым начинает реализовываться принцип гласности в обжаловании действий и решений властных субъектов, пронизывая постепенно все сферы уголовного судопроизводства [13, с. 61].

Такая система просуществовала вплоть до 1922 г. Постановлением ЦИК от 11 ноября 1922 г. с 1 января 1923 г. вводилась новая система судов⁵.

В 1922 г. появилось правовое регулирование деятельности прокуратуры после ее восстановления. 26 мая 1922 г. III сессия ВЦИК приняла Положение о прокурорском надзоре, которое вводилось с 1 августа 1922 г. С этого времени начинается укрепление роли прокуратуры как полноценного и независимого принципиально нового централизованного органа надзора во всех сферах действия закона. Кроме того, восстановление прокуратуры обусловило замену суда в осуществлении контроля за действиями следователя. Согласно Положению о прокуратуре 1922 г. одним из направлений работы органов прокуратуры является надзор за следствием и дознанием. Эти нововведения нашли отражение и в Уголовно-процессуальном кодексе 1923 г.

Изменения, коснувшиеся прокуратуры, в значительной мере усилили отведенную ей роль. В советский период развития права обжалования прокуратура являлась единственной инстанцией при обжаловании действий должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование [3, с. 31; 14, с. 50]. Так, согласно ст. 110 УПК РСФСР 1923 г. предусматривалось полномочие прокуратуры по надзору за производством дознания, в рамках которого прокурор разрешал жалобы на органы дознания.

Относительно рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения следовате-

ля УПК РСФСР 1923 г. также внес существенные преобразования. Так, согласно УПК РСФСР 1922 г. органом, рассматривавшим жалобы на следователя, по-прежнему оставался суд. В качестве должностного лица, уполномоченного рассматривать жалобы на следствие, прокурор указан в ст. 217 УПК РСФСР 1923 г. как альтернативная инстанция. Анализ ст. 224 УПК РСФСР 1923 г., согласно которой в случае несогласия следователя или жалобщика с решением прокурора, принятого по жалобе, оно может быть обжаловано в суд, позволяет сделать следующие выводы.

При первичном рассмотрении жалобы прокурором суд рассматривает только повторные жалобы о несогласии с ее разрешением прокурором, если жалоба рассмотрена им в порядке первой инстанции. Тем самым в предварительном следствии по уголовному делу вводится инстанционность обжалования действий (бездействия) и решений. В то же время компетенция суда как альтернативной первой инстанции, в которой рассматриваются жалобы на действия (бездействие) и решения следователя по УПК РСФСР 1923 г., еще сохраняется.

Однако уже в соответствии со ст. 218 УПК РСФСР 1960 г. жалобы на процессуальную деятельность как органа дознания, так и органа следствия рассматривает исключительно прокурор. При этом согласно ст. 220 УПК РСФСР 1960 г. действия и решения прокурора подлежат обжалованию вышестоящему прокурору, а не в суд, как предполагалось согласно УПК РСФСР 1923 г. Тем самым с принятием УПК РСФСР 1960 г. прокурор оказался единственным субъектом рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в досудебном производстве.

В контексте становления прокурорского надзора как одного из институтов права обжалования приведенные нормы УПК РСФСР 1923 и 1960 г. сыграли огромную роль в становлении и укреплении полномочий прокурора по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования. Впервые прокурорский надзор приобрел самостоятельность в рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и решения всех орга-

4 Об учреждении кассационного отдела при ВЦИК и порядке кассации приговоров Революционных трибуналов: декрет ВЦИК от 11.06.1918 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 «Народный суд – губернский суд – Верховный суд и его коллегии» – так выглядела система судов по постановлению ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР». См.: СУ РСФСР. 1922. № 69, ст. 902.

нов предварительного расследования. В связи с этим становление прокурорского надзора как самостоятельного института – один из значимых этапов развития системы обжалования действий (бездействия) и решений властных субъектов уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальном праве России.

Таким образом, третий этап связан с формированием новой системы судов, нормативным закреплением оснований для отмены или изменения судебных решений при пересмотре вышестоящей инстанцией. В то же время значительно ослабла роль суда в рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и решения властных субъектов в уголовном судопроизводстве ввиду наделения прокуратуры полномочиями по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания.

СУДЕБНЫЙ И ВЕДОМСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ОБЖАЛОВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Положительные для системы органов прокуратуры достижения, связанные с абсолютным распространением только надзорных полномочий прокурора на предварительное расследование, восприняты не в полной мере. Монополия прокурора на рассмотрение жалоб в досудебном производстве создавала препятствия для обращения в суд за защитой [3, с. 34]. Это обстоятельство стало одним из факторов начала новой судебной реформы⁶. Целью ее являлось формирование прямого судебного контроля как за деятельностью органов предварительного расследования, так и прокуратуры в уголовном судопроизводстве.

Суть реализуемой Концепции судебной реформы применительно к праву обжалования в уголовно-процессуальном праве заключалась в расширении возможностей обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц и была реализована на законодательном уровне путем закрепления в ст. 2201 и 2202 УПК РСФСР 1960 г.⁷ возможности обжаловать в суд решения о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей.

6 О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7 О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Закон РФ от 23.05.1992 № 2825-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25, ст. 1389.

Закрепленная в УПК РСФСР 1960 г. возможность обжалования в суд процессуальных действий (бездействия) и решений являлась ограниченной. Но произошедшие в законодательстве изменения расширили гарантии судебной защиты и положили начало судебному контролю за законностью действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Возможность использования полномочий суда для разрешения жалоб расширена принятием Закона РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права граждан»⁸. При этом данный закон не распространялся на действия и решения, в отношении которых законодательством предусмотрен иной порядок проверки и судебного обжалования.

Таким образом, данный закон предусматривал общее право на подачу жалоб и фактически не касался судебного обжалования, так как в сфере уголовно-процессуального законодательства единственной инстанцией, уполномоченной рассматривать жалобы, оставался прокурор.

Попытки «обойти» эти нормы, не нарушая существующий порядок, с целью судебной защиты прав граждан были предприняты путем использования полномочий Конституционного Суда РФ, закрепленных в ст. 3 Закона РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», которые нашли детальную проработку в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁹.

Так, один за другим были приняты постановления Конституционного Суда РФ, признавшие неконституционными отдельные нормы УПК РФ 1960 г., ограничивающие возможность обжаловать некоторые решения. В частности, это касалось положений УПК РСФСР 1960 г., не допускавших обжалование в суд постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а также действий и решений,

8 Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан : Закон РФ от 27.04.1993 № 4866-1 (ред. от 09.02.2009) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 19, ст. 685.

9 О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

связанных с производством обыска, наложением ареста на имущество, приостановлением производства по уголовному делу и продлением срока предварительного следствия.

Однако и признание «негативным законодателем» в лице Конституционного Суда РФ возможности подать жалобу на приведенные в упомянутых постановлениях решения не в полной мере соответствовало закреплению в ст. 46 Конституции РФ праву на судебную защиту и лишней раз демонстрировало необходимость существенных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве.

Обозначенная необходимость в том числе стала предпосылкой для принятия нового УПК РФ 2001 г., который систематизировал предыдущие достижения уголовно-процессуального права по вопросу обжалования действий (бездействия) и решений властных субъектов уголовного судопроизводства.

В ст. 123–127 УПК РФ закреплено в качестве способа реализации субъективного права обжалования в уголовном судопроизводстве рассмотрение жалоб прокурором, руководителем следственного органа, судом. Новый УПК РФ 2001 г. в качестве альтернативы прокурору наделил суд и руководителя следственного органа полномочиями по рассмотрению жалоб в досудебном производстве, усилив гарантии реализации прав и свобод граждан.

Закрепление полномочий суда по рассмотрению жалоб, а также появление в УПК РФ 2001 г. нового субъекта в лице руководителя следственного органа, который также наделялся полномочиями по рассмотрению жалоб, существенно ограничило абсолютную власть прокурора в досудебном уголовном производстве, существовавшую по УПК РСФСР 1960 г., то есть появились новые формы обжалования.

Во-первых, это прямой судебный контроль за действиями (бездействием) и решениями органов предварительного расследования и прокурора.

Во-вторых, появление в уголовном судопроизводстве в качестве субъекта, уполномоченного рассматривать жалобу, руководителя следственного органа¹⁰, ранее именовавшегося

ся начальником следственного отдела, положило начало развитию института ведомственного контроля в органах предварительного следствия на законодательном уровне. С 2007 г.¹¹ в ч. 4 ст. 41 УПК РФ законодательно закрепили полномочия начальника подразделения дознания по рассмотрению жалоб. С введением этих изменений на законодательном уровне появился ведомственный контроль в органах предварительного расследования. На усиление роли ведомственного контроля в органах предварительного расследования, судебного контроля в досудебном производстве и продолжающееся в связи с этим ограничение монополии прокурора указывают и иные нормы УПК РФ. В частности, ст. 214 УПК РФ предоставляет прокурору возможность отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Но через год после принятия этого решения руководителем следственного органа или следователем его отмена возможна только на основании постановления суда в порядке судебного контроля.

Кроме того, объединение норм права об обжаловании в отдельную гл. 16 УПК РФ, посвященную ходатайствам и жалобам в уголовном судопроизводстве, способствует формированию общих положений об обжаловании действий (бездействия) и решений властных субъектов уголовного судопроизводства в порядке ведомственного контроля, прокурорского надзора, пересмотра судебных решений вышестоящими инстанциями.

Изложенное дает основание сделать вывод о формировании на четвертом этапе институтов судебного и ведомственного контроля в органах предварительного расследования, их объединении в группу норм об обжаловании в уголовно-процессуальном праве.

Конструирование ст. 127 УПК РФ, содержащей бланкетную норму, предусматривающую правила рассмотрения жалоб на приговоры, определения, постановления суда как в самой ст. 127 УПК РФ, так и в главах 45.1, 47.1, 48, 49 УПК РФ, объединенных единым объектом обжалования, свидетельствует о том, что систе-

¹⁰ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ, подп. «а» п. 48 ст. 1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ, п. 3 ст. 1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ма обжалования в уголовно-процессуальном праве главой 16 УПК РФ не ограничивается. Следовательно, данный вопрос требует дальнейшей проработки в целях формирования помимо норм, регулирующих основания и формы обжалования, и норм, предусматривающих алгоритм обжалования для каждого института, входящего в его систему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования вопросов обжалования в уголовном судопроизводстве позволяют выделить следующие этапы становления его системы.

Первый этап: 911–1864 гг. Этот период связан с образованием уголовного судопроизводства путем выделения розыскного процесса из состязательного как самостоятельного процесса в праве дореформенного российского государства. Формирование уголовного судопроизводства было поэтапным, связано со становлением процессов по делам частного, частно-публичного и публичного обвинения и формированием нескольких инстанций органов, еще не специализировавшихся только на функции правосудия.

Второй этап: 1864–1922 гг. Судебная реформа 1864 г., в основу которой положена идея разделения властей, заложила основу самостоятельной, независимой от государственной власти системы правосудия, гарантирующей возможность обжалования судебных решений в вышестоящую инстанцию. Судебная власть, обеспечив себе самостоятельность, помимо функции правосудия и обжалования судебных решений путем их пересмотра в вышестоящей инстанции сосредоточила и несвойственные ей прокурорско-следственные функции как элементы единой правоохранительно-карательной системы.

Третий этап: 1917–1988 гг. Свержение монархии в результате Февральской революции 1917 г., последующий переход власти от Временного правительства в результате Октябрьской революции 1917 г. к диктатуре пролетариата уничтожили всю существовавшую до этих событий систему органов власти, в том числе судебных. В результате сформировалась совершенно новая трехзвенная система судов, базировавшаяся на той же теории раз-

деления властей. Существенным прорывом в этот период стало законодательное закрепление перечня оснований для отмены или изменения судебных решений при их пересмотре вышестоящей инстанцией. Но значительно слабой по сравнению с функцией пересмотра судебных решений являлась роль суда в рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования ввиду усиления судебного надзора прокуратуры, которая в 1960 г., с принятием УПК РСФСР, и вовсе была уничтожена. С этого времени прокуратура стала единственной инстанцией, рассматривавшей жалобы в досудебном уголовном производстве.

Четвертый этап: 1988–2007 гг. Исключение суда из перечня органов, наделенных полномочиями по рассмотрению жалоб в досудебном производстве, не было воспринято положительно. Это обстоятельство положило начало новой судебной реформе, результатом которой стало введение института судебного контроля за действиями (бездействием) и решениями властных субъектов в досудебном уголовном производстве по жалобам. Большим достижением для системы обжалования на данном этапе явилось формирование ведомственного контроля в органах предварительного расследования по уголовно-процессуальным жалобам.

Пятый этап: 2007 г. – настоящее время. Поэтапное введение институтов обжалования итоговых судебных решений в порядке пересмотра вышестоящей инстанцией по жалобам участников, рассмотрение жалоб в порядке прокурорского надзора, рассмотрение жалоб в порядке судебного контроля в досудебном производстве, ведомственного контроля в органах предварительного расследования сформировало систему обжалования и его общие положения, закрепленные в гл. 16 УПК РФ. Вместе с тем рассмотрение жалоб каждой из указанных инстанций имеет особенности, определяющие специфику деятельности участников этих правоотношений. Однако правила рассмотрения жалоб в рамках существующих институтов не сформированы на законодательном уровне в полном объеме, в связи с чем возникают спорные вопросы о субъектном составе таких отношений, объеме их прав и обязанностей, соотношении этих институтов и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бессарабов В.Г. Прокуратура и контрольные органы России / В.Г. Бессарабов. – Москва : НИИ ГП РФ, 1999. – 195 с.
2. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.А. Максимов. – Ульяновск, 2022. – 595 с.
3. Сидоров В.В. Обжалование процессуальных действий и решений органов, осуществляющих уголовное преследование, как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.В. Сидоров. – Калининград, 2009. – 240 с.
4. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства / под ред. В.Н. Григорьева. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 443 с.
5. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / соч. И.Ф. Эверса ; пер. с нем. Иван Платонов. – Санкт-Петербург : Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. – 448 с.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург, 1912. – Т. 1. – 577 с.
7. Чельцов М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов. – Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 628 с.
8. История государства и права СССР / под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1985. – Ч. 1. – 280 с.
9. Исаев М.А. История Российского государства и права : учебник / М.А. Исаев. – Москва : Статут, 2012. – 432 с.
10. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / И.Т. Посошков. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1951. – 415 с.
11. Российское законодательство X–XVIII в. Судебная реформа / под ред. О.И. Чистякова. – Москва : Юрид. лит., 1991. – Т. 8. – 496 с.
12. Беляков П.А. Защита прокурором права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.11 / П.А. Беляков. – Москва, 2016. – 250 с.
13. Епихин А.Ю. Гласность судебного разбирательства: принцип или общее условие? / А.Ю. Епихин // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. – 2014. – № 18. – С. 61–65.
14. Морозов П.С. Реализация конституционного права судебного обжалования в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П.С. Морозов. – Санкт-Петербург, 2004. – 240 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ибрагимова Алиса Мансуровна – старший преподаватель кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ibragimova Alisa Mansurovna – Senior Lecturer of the Department of Fundamentals of Organization and Management in the Prosecutor's Office.

Статья поступила в редакцию 29.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 01.12.2023. The article was submitted 29.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 01.12.2023.

REFERENCES

1. Bessarabov V.G. Prosecutor's office and control authorities of Russia. Research Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Publ., 1999. 195 p.
2. Maksimov O.A. Petitions and complaints as a form of expressing the purpose of criminal proceedings. Doct. Dis. Ulyanovsk, 2022. 595 p.
3. Sidorov V.V. Appealing procedural actions and decisions of bodies carrying out criminal prosecution, as a guarantee of ensuring the rights of participants in criminal proceedings. Cand. Dis. Kaliningrad, 2009. 240 p.
4. Maksimov O.A.; Grigoriev V.N. (ed.). Petitions and complaints as a form of expressing the purpose of criminal proceedings. Moscow, Yurlitinform Publ., 2022. 443 p.
5. Evers I.F.G. The most ancient Russian law in its historical disclosure. Saint Petersburg, Headquarters of the Separate Corps of the Internal Guard Publ., 1835. 448 p.
6. Foinitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. Saint Petersburg, 1912. Vol. 1. 577 p.
7. Cheltsov M.A. Criminal procedure. USSR Ministry of Justice Publ., 1948. 628 p.
8. Chistyakov O.I., Martyshevich I.D. (eds.). History of state and law of the USSR. Moscow University Publ., 1985. Pt. 1. 280 p.
9. Isaev M.A. History of the Russian state and law. Moscow, Statut Publ., 2012. 432 p.
10. Pososhkov I.T. A book on poverty and wealth and other works. USSR Academy of Sciences Publ., 1951. 415 p.
11. Chistyakov O.I. (ed.). Russian legislation of the X–XVIII centuries. Judicial reform. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. Vol. 8. 496 p.
12. Belyakov P.A. Protection by the prosecutor of the right of citizens to appeal to state bodies and local governments. Cand. Dis. Moscow, 2016. 250 p.
13. Epikhin A. Publicity of judicial proceedings: principle or general condition? *Vestnik Komi respublikanskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya. Seriya: Gosudarstvo i pravo = Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Service and Management. Series: State and Law*, 2014, no. 18, pp. 61–65. (In Russian).
14. Morozov P.S. Implementation of the constitutional right to judicial appeal in pre-trial proceedings. Cand. Dis. Saint Petersburg, 2004. 240 p.

Научная статья
УДК 343.143
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.15

Original article

КОЗЫРЕВА Ирина Евгеньевна
Уфимский институт науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: irinak75@gmail.com

KOZYREVA Irina Evgenievna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

CURRENT PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS OF A WITNESS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье показано значение свидетеля и свидетельских показаний в доказывании обстоятельств уголовного дела. Правовой статус этого участника судопроизводства анализируется путем рассмотрения ряда соответствующих норм УПК РФ. Разбираются права свидетеля, его обязанности, уделяется внимание лицам, которые не могут давать показания в силу свидетельского иммунитета. Изложены проблемы обеспечения безопасности свидетелей, на основании чего делается вывод о том, что необеспечение их безопасности исключает участие свидетелей по уголовному делу. Говорится о необходимости усиления уголовной ответственности свидетелей за отказ от дачи показаний, когда формой выражения такого отказа является неявка по вызову в органы предварительного расследования и в суд. Цель исследования: выявить правовую природу статуса свидетеля и его юридическую ответственность с учетом современных требований правоприменительной деятельности. Методологической базой исследования послужил диалектический метод. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа, синтеза и системный подход, а также специально-юридические: юридической интерпретации и логико-юридический. Сделаны выводы о необходимости совершенствования правового статуса свидетеля, усиления мер обеспечения безопасности свидетелей, повышения юридической ответственности свидетелей за совершение действий, нарушающих обязанности свидетеля.

Ключевые слова: безопасность свидетеля, предварительное расследование, свидетель, свидетельские показания, статус свидетеля, суд, уголовное дело

Для цитирования: Козырева И.Е. Современные проблемы правового статуса свидетеля в уголовном процессе / И.Е. Козырева. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.15 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 129–135.

Abstract. The article shows the significance of a witness and testimony in proving the circumstances in a criminal case. The legal status of this participant of legal proceedings is analyzed by considering a number of relevant norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The article considers the witness's rights, his or her duties, and attention is paid to persons who cannot testify due to testimonial immunity. The problems of ensuring the safety of witnesses are outlined, which leads to the conclusion that failure to provide for their safety excludes the participation of witnesses in a criminal case. Reference is made to the need to strengthen the criminal liability of witnesses for refusing to testify when the form of such refusal is the failure to appear before the preliminary investigation authorities and the court. The purpose of the study is to identify the legal nature of the witness status and his legal responsibility taking into account modern requirements of law enforcement activities. The dialectical method serves as the methodological foundation of the research. In addition, the general scientific methods of analysis, synthesis and system approach are applied, as well as special-legal methods: legal interpretation and logical-legal. Conclusions are reached on the need to improve the legal status of the witness, to strengthen measures to ensure the safety of witnesses, to increase the legal responsibility of witnesses for actions that violate the witness's duties.

Keywords: witness safety, preliminary investigation, witness, witness testimony, witness status, court, criminal case

For citation: Kozyreva I.E. Current problems of the legal status of a witness in criminal proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 129–135 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.15.

ВВЕДЕНИЕ

Свидетели являются самым многочисленным видом участников уголовного судопроизводства, которых органы предварительного расследования активно привлекают для доказывания обстоятельств преступления и которые дают показания как в интересах стороны обвинения, так и в интересах стороны защиты. Правовой статус свидетеля изложен в нормах УПК РФ, где перечислены его права и обязанности и определено его нормативное поведение на стадиях предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела. В то же время на практике постоянно возникают проблемы, которые связаны либо с законной реализацией прав свидетеля, когда могут быть нарушены нормы, регламентирующие соблюдение его интересов, либо с отрицательным поведением самого свидетеля на определенных стадиях уголовного судопроизводства, что требует соответствующего юридического реагирования со стороны правоохранительных органов и суда. В частности, это могут быть проблемы, связанные с нарушением прав свидетеля со стороны следователя или органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, обеспечением безопасности свидетеля, что влияет на полноту его показаний, возникновением конфликтных ситуаций при допросе в процессе предварительного расследования или на судебном следствии в силу добросовестных заблуждений свидетеля и др. В то же время негативное поведение свидетеля может проявляться в виде дачи им заведомо ложных показаний, отказа дать показания либо существенного изменения показаний в суде, влияющего на вынесение окончательного судебного решения.

В настоящее время новыми проблемами стали ситуации, связанные с дачей показаний свидетелем по системе видео-конференц-связи, сокрытие данных о личности свидетеля и связанная с этим оценка свидетельских показаний, вопросы свидетельского иммунитета, которые имеют как общий, так и специальный характер.

В то же время в общем плане проблем уголовного судопроизводства следует учитывать, что особенность расследования и судебного рассмотрения уголовного дела заключается

в том, что в большинстве случаев свидетельские показания непосредственно или опосредованно являются главными доказательствами. Определяя гарантии прав свидетелей, М.М. Шейфер связывает процессуально-правовой статус свидетеля с созданием необходимых условий для добросовестного выполнения им своей правовой обязанности [1, с. 134]. Отсюда с позиций принципа допустимости получения доказательств в виде свидетельских показаний правовой статус свидетеля должен гарантировать соблюдение его законных прав, свобод и интересов в уголовном процессе, что, в свою очередь, обеспечивает законность получения и использования его показаний в уголовном процессе.

ПРАВОВОЙ СТАТУС СВИДЕТЕЛЯ

Статус свидетеля в уголовном процессе определяется ст. 56 УПК РФ: свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний. Данное нормативное определение в первую очередь основывается на категории предмета доказывания или обстоятельств, подлежащих доказыванию, перечисленных в ст. 73 УК РФ, что составляет материальную основу определения понятия свидетеля. Статья 79 УПК РФ указывает, что свидетель может быть допрошен о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах. Из названных норм следует, что свидетелем может быть любое лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, и которые требуют раскрытия этих обстоятельств путем дачи свидетельских показаний. Об этом пишет Л.Е. Владимиров, указывая, что свидетелем называется лицо, дающее суду под уголовной ответственностью за неправду и на основании личных восприятий сведения о каком-либо факте, составляющие предмет исследования [2, с. 342].

В данном случае, исходя из положений ст. 73 УПК РФ, имеет место богатая палитра сведений, которыми может обладать свидетель и которые необходимы в процессе расследования уголовного дела. К свидетельским показаниям могут относиться любые сведения, касающиеся непосредственно события пре-

ступления: время, место, способ и другие детали совершения преступления, виновность лица, мотивация его поведения и т. д. Свидетель может дать сведения о личности виновного лица исходя из его личных, бытовых, служебных и иных характеристик. На его показаниях могут основываться сведения об обстоятельствах, исключающих преступность и наказуемость деяния, смягчающих и отягчающих наказание, и т. д.

В то же время полнота показаний свидетеля будет иметь место только в случае соблюдения его прав, что исходит из определения правового статуса этого участника. В этой связи, как нам известно из общей теории права, в содержание правового статуса личности входят закрепленные законом права и свободы, законные интересы и обязанности личности [3, с. 224]. Свидетель, несмотря на то что он не относится к участникам уголовного судопроизводства, имеющим свой интерес, тем не менее обладает совокупностью всех прав участника уголовного судопроизводства. Как указал Конституционный Суд РФ, «то обстоятельство, что свидетель не назван в статье 119 УПК Российской Федерации в числе лиц, имеющих право заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений, не означает, что данный Кодекс такое право исключает. Изложенные в нем нормативные предписания следует толковать не изолированно, а в системном единстве».

Анализируя правовой статус свидетеля, в первую очередь необходимо определить лиц, которые не могут быть свидетелями по уголовному делу полностью или частично, что должно отражать встречные интересы личности и государства. Как пишет Л.Н. Масленникова, в системе интересов в уголовном процессе следует выделять общественный интерес, личный интерес, входящий в содержание общественного, а также личный интерес, выражающий автономию личности от государственной власти по достижению целей уголовного судопроизводства [4, с. 27]. Исходя из названных положений индивидуального, общественного и государственного интересов, не подлежат допросу судьи (в том числе третейские), адвокаты, священнослужители

(об информации, полученной на исповеди), сенаторы Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, должностные лица налогового органа, уполномоченные по правам человека. Обобщенно можно определить, что все перечисленные лица не подлежат допросу об обстоятельствах, сведения о которых они получили в результате выполнения своих полномочий.

Список лиц, которые обладают специальным свидетельским иммунитетом, постоянно расширяется. Например, в 2015 г. в него были включены должностные лица налогового органа и арбитры (третейские судьи), а в 2020 г. – уполномоченные по правам человека.

Относительно прав свидетеля, изложенных в ст. 56 УПК РФ, думается, что самым дискутируемым вопросом является право отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников. Данное право, закрепленное в ст. 51 Конституции РФ, никто не оспаривает, причем оно может действовать и в других отраслях права [5, с. 146–151]. Однако слишком широкое толкование выражения «не свидетельствовать против себя» дает основание отказаться от дачи показаний в случаях, когда свидетель обязан их дать. На наш взгляд, данное право исходит только при подозрении в отношении свидетеля, что он совершил преступление и его могут привлечь к уголовной ответственности. Только в таком случае свидетель может быть освобожден от обязанности свидетельствовать против себя.

Весьма неудачной выглядит формулировка п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, где указано, что свидетель вправе являться на допрос с адвокатом в соответствии с ч. 5 ст. 189 УПК РФ, которая предусматривает общие правила допроса. Данная норма не должна быть ограничена только допросом, необходимо ее расширение с обеспечением в полной мере прав свидетеля в уголовном судопроизводстве [6, с. 32]. Исходя из сказанного, мы полагаем, что данный пункт ч. 4 ст. 56 УПК РФ должен быть сформулирован следующим образом: «6) пользоваться услугами адвоката при производстве любых процессуальных действий, проводимых в досудебном и судебном производстве».

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ

Безопасность свидетеля обеспечивается рядом процессуальных правил. В первую очередь понятие безопасности исходит из принципа уголовного судопроизводства как охрана прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ), где указано, что при наличии достаточных данных о том, что свидетелю, а также близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции меры безопасности. К таким мерам относятся допрос свидетеля с сокрытием данных о его личности (ст. 166 УПК РФ), производство контроля и записи переговоров при угрозах свидетелю (ст. 186 УПК РФ), опознание свидетелем без визуального наблюдения (ст. 193 УПК РФ), закрытое судебное разбирательство (ст. 241 УПК РФ) и допрос свидетеля в суде без его открытого наблюдения (ст. 278 УПК РФ).

Данные нормы на стадии предварительного расследования, а особенно в процессе судебного следствия, всегда создают проблемы для доказывания обстоятельств дела. Причем эти проблемы изначально относимы к представителям стороны защиты, которые часто указывают на злоупотребление правом при отказе органами следствия и суда представлять интересы свидетеля. В то же время органы предварительного следствия и дознания, поддерживая интересы свидетеля на его безопасность, могут найти более широкие основания для сокрытия его личности, чем те, которые указаны в ст. 11 УПК РФ. Однако нельзя не сказать и об интересах самих свидетелей как форме осознания своих потребностей в реализации предоставленных законом процессуальных прав, расширении действия таких прав либо увеличении их объема законодательно закрепленными средствами и методами, когда это касается обеспечения их безопасности [7, с. 47].

Но прежде чем представить ряд предло-

жений относительно процессуальных норм, касающихся безопасности свидетелей, следует указать значение открытых свидетельских показаний исходя из принципа гласности уголовного судопроизводства. Как мы подчеркивали, особенностью уголовного процесса, в отличие, допустим, от гражданского, является доминирование свидетельских показаний при доказывании обстоятельств преступления и виновности преступника. Соответственно, сокрытие личности свидетеля должно быть исключительным случаем, а при определенных ситуациях просто невозможным.

В этой связи п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» определяет, что «в соответствии с подпунктом «е» пункта 3 статьи 14 Пакта о гражданских и политических правах и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, а также имеет право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него. С учетом этих положений и в силу части 21 статьи 281 УПК РФ суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участием, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения)».

Комментируя цитируемое положение постановления Пленума Верховного Суда РФ, следует отметить, что в данном случае на веса правосудия ставятся, с одной стороны, интересы подсудимого (обвиняемого), с другой стороны, интересы безопасности свидетеля. И из этого должно следовать, что если невозможно обеспечить права свидетеля на безо-

пасность как часть его прав в качестве гражданина и человека, то это должно идти в пользу прав обвиняемого, как этого требует ст. 49 Конституции РФ. В частности, на это указывают и решения Конституционного Суда РФ, где сказано, что сомнения, возникающие при оценке оглашенных в суде показаний на предмет их допустимости и достоверности, в силу ч. 3 ст. 49 Конституции РФ должны истолковываться в пользу обвиняемого. В данном случае оглашение показаний неявившихся свидетелей мы рассматриваем аналогично показаниям свидетелей, личность которых скрыта.

На основании изложенных нами суждений, положений Конституции РФ и УПК РФ, а также толкования этих положений Верховным Судом РФ считаем необходимым внести в ст. 11 УПК РФ следующее дополнение: «Скрытие личности свидетеля является исключительным случаем и не должно воспрепятствовать доказыванию обстоятельств дела. Обвиняемому (подсудимому) должна быть предоставлена возможность оспорить показания свидетелей, прямо свидетельствующих против него по предъявленному обвинению, при наличии всех данных об их личности. В этом случае, при невозможности обеспечить безопасность свидетеля по уголовному делу, его показания исключаются».

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СВИДЕТЕЛЕЙ

Исходя из ч. 6 ст. 56 УПК РФ свидетель имеет процессуальные обязанности, сформулированные как то, что он не вправе делать. На основании названной нормы обязанности свидетеля состоят в обязательной явке по вызову следователя, дознавателя или суда, даче правдивых показаний и неразглашении ранее данных показаний в случае предупреждения об этом в порядке ст. 161 УПК РФ. Разумеется, невыполнение перечисленных обязанностей должно влечь в отношении свидетелей соответствующую юридическую ответственность.

В сфере уголовно-процессуальных отношений юридическая ответственность свидетеля основывается на уголовно-процессуальном правонарушении, о котором П.С. Элькин писал, что фактическим основанием ответственности может быть уголовно-процессу-

альное правонарушение, то есть поведение, запрещенное нормами данной отрасли права [8, с. 97]. В.С. Вепрев в своей монографии также в основном указывает на основания уголовно-процессуальной ответственности за правонарушения, совершаемые участниками уголовного судопроизводства, классифицируя эти правонарушения в виде нарушения прав и злоупотребления правами [9, с. 198]. Однако в данном случае, хотя речь идет об уголовно-процессуальных обязанностях свидетеля, санкции за их невыполнение должны быть уголовно-правовыми в силу наличия повышенной общественной опасности совершаемых деяний в области правосудия.

Правовая ответственность за неявку свидетеля к следователю, дознавателю или в суд состоит только в организации привода свидетеля как меры уголовно-процессуального принуждения (ст. 113 УПК РФ) или в административном штрафе согласно ст. 117–118 УПК РФ. В то же время мы считаем, что неявка свидетеля по вызову в органы предварительного расследования или суда, если форма вызова (повестка, уведомление в электронной форме) выполнена в надлежащем виде, – это способ отказа от дачи показаний, за что должна быть предусмотрена ответственность по ст. 308 УПК РФ, то есть именно за отказ от дачи показаний. Иными словами, важность показаний свидетелей по уголовному делу должна обеспечиваться соответствующими мерами и механизмами уголовно-правовой ответственности с учетом интересов правосудия.

Более сложная ситуация имеет место при даче свидетелем заведомо ложных показаний, за что предусмотрена уголовная ответственность по ст. 307 УПК РФ. Во-первых, следует отметить, что по этой статье привлекается очень мало лиц, например, в 2022 г. всего 313 человек, что при 776,3 тыс. уголовных дел, рассмотренных судами, составляет самое минимальное количество. Однако во-вторых, понятие заведомо ложных показаний, на наш взгляд, подлежит оценке только при наличии приговора, вступившего в законную силу. На сегодняшний день такого нет. Более того, Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»

дал противоречивый комментарий. В п. 25 постановления указано об оценке показаний свидетеля с точки зрения достоверности в решении по уголовному, гражданскому или иному делу, а в п. 27 говорится, что преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ, является оконченным: в отношении заведомо ложных показаний, сообщаемых в ходе предварительного расследования, – с момента подписания допрашиваемым лицом (либо удостоверения факта отказа от подписания или невозможности подписания) протокола следственного действия, составленного дознавателем, следователем либо иным должностным лицом, действующим по их поручению; в отношении заведомо ложных показаний в судебном заседании – с момента окончания допроса.

Вместе с тем понятие ложности показаний свидетеля при отсутствии приговора, вступившего в законную силу, нарушает принцип состязательности уголовного судопроизводства, предусмотренный ст. 15 УПК РФ, что окончательно устанавливается только в суде. В этом случае могут быть варианты окончательных судебных решений – оправдательный приговор или направление уголовного дела на доследование прокурору с последующим его прекращением за отсутствием состава преступления. Известно, что в уголовном процессе, как и в целом в праве, соблюдение правового порядка расследования и разрешения уголовного дела является такой же важной задачей, как раскрытие преступления и изобличение виновных в его совершении, что говорит о соблюдении законности при расследовании преступлений [10, с. 119].

Однако приведенное нами толкование Верховного Суда РФ об окончании преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, сразу после подписания допрашиваемым протокола следственного действия может иметь

место как фактически оказание давления на свидетеля, с тем чтобы он дал следователю требуемые показания. На наш взгляд, ответственность по ст. 307 УК РФ в отношении свидетеля за заведомо ложные показания возможна только после вступления приговора в законную силу. Причем сроки давности ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, в отношении свидетелей будут отсчитываться именно с этой даты, поскольку именно использование показаний свидетелей при судебном рассмотрении уголовного дела будет образовывать полный состав преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие цивилизованных правоотношений в государстве и обществе требует упорядоченности уголовно-процессуальных отношений, которые, с одной стороны, обеспечивают правовые способы борьбы с преступностью, а с другой стороны, что важнее всего, гарантируют соблюдение прав и свобод гражданина и человека. В данном ракурсе значение участника уголовного судопроизводства как свидетеля в доказывании обстоятельств по уголовному делу является существенным. И поэтому в содержание уголовно-процессуального статуса свидетеля должны быть включены и соответствующие права, и в то же время иметь место наложение ответственности за его противоправные действия. Соответственно, свидетель должен иметь полное право на обеспечение своей защиты путем участия адвоката во всех следственных действиях, проводимых с его участием, на полные меры безопасности, вплоть до отказа в производстве процессуальных действий, если не приняты соответствующие меры безопасности, и на иные гарантии обеспечения своих интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шейфер М.М. Социальный и правовой статус свидетеля и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.М. Шейфер. – Самара, 2005. – 235 с.
2. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула : Автограф, 2000. – 464 с.
3. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – Москва : Норма: Инфра-М, 2018. – 448 с.

REFERENCES

1. Shejfer M.M. Social and legal status of a witness and problems of its implementation in criminal proceedings in Russia. Cand. Dis. Samara, 2005. 235 p.
2. Vladimirov L.E. The doctrine of criminal evidence. Tula, Avtograf Publ., 2000. 464 p.
3. Vitruk N.V. General theory of the legal status of the individual. Moscow, Norma: Infra-M Publ., 2018. 448 p.

4. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л.Н. Масленникова. – Москва, 2000. – 45 с.

5. Халиков А.Н. Иерархия или равенство стандартов доказывания в уголовном процессе и в других отраслях права / А.Н. Халиков // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (68). – С. 146–151.

6. Курочкин Д. Адвокат при допросе свидетеля / Д. Курочкин // Законность. – 2003. – № 6. – С. 31–32.

7. Смирнова И.Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства : монография / И.Г. Смирнова. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 352 с.

8. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькинд. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967. – 142 с.

9. Вепрев В.С. Основания уголовно-правовой ответственности / В.С. Вепрев. – Москва : Юрлитинформ, 2007. – 232 с.

10. Мельников В.Ю. Суд в условиях состязательности уголовного процесса / В.Ю. Мельников // Доказывание и принятие решений в современном уголовном процессе : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юрид. наук, профессора П.А. Лупинской : сборник научных трудов. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 232 с.

4. Maslennikova L.N. Public and dispositive principles in criminal proceedings in Russia: author's abstract. Doct. Dis. Theses. Moscow, 2000. 45 p.

5. Khalikov A.N. Hierarchy or equality of standards of proof in criminal proceedings and other branches of law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 2, pp. 146–151. (In Russian).

6. Kurochkin D. Lawyer during interrogation of a witness. *Zakonnost' = Legality*, 2003, no. 6, pp. 31–32. (In Russian).

7. Smirnova I.G. Social value of criminal proceedings. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 352 p.

8. Elkind P.S. Goals and means of achieving them in criminal procedure law. Leningrad State University Publ., 1967. 142 p.

9. Veprev V.S. Grounds for criminal liability. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 232 p.

10. Melnikov V.Yu. Court in an adversarial criminal process. *Evidence and decision-making in modern criminal proceedings: Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Doctor of Law, Professor P.A. Lupinskaya. Collection of scientific works*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 232 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козырева Ирина Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Института права

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozyreva Irina Evgenievna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023; одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 21.11.2023. The article was submitted 20.10.2023; approved after reviewing 21.11.2023; accepted for publication 21.11.2023.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.16

Original article

КОСТРОВА Марина Борисовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: kostrovam@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-1244-144X>

KOSTROVA Marina Borisovna
University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЕ ОШИБКИ В КОНСТРУИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ДЛЯ ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

LEGISLATIVE ERRORS IN THE CONSTRUCTION OF THE RUSSIAN CRIMINAL
LAW NORM ON LIABILITY FOR VIOLATIONS OF THE RULES OF ROAD
TRAFFIC AND OPERATION OF VEHICLES AND THE POSSIBILITY OF USING
FOREIGN EXPERIENCE TO CORRECT THEM. PART TWO

Аннотация. Первоначальная редакция уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, предусмотренной ст. 264 УК РФ, серьезных недостатков не имела. Ее структура и содержание соответствовали (за очень малым исключением) доктринальным правилам криминализации и пенализации, дифференциации уголовной ответственности и наказания, конструирования составов преступлений и построения санкций уголовно-правовых норм. Однако многочисленные изменения и дополнения, внесенные в статью в 2003–2022 гг., породили столь же многочисленные ее дефекты. Цели настоящей публикации: анализ законотворческих ошибок в конструировании российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и поиск возможных путей их исправления с использованием зарубежного опыта. Исследование проведено с использованием комплекса методов: общенаучных (индукции, дедукции, анализа, синтеза, системно-структурного) и частнонаучных (формально-юридического, социологического, сравнительно-правового). Выявлены дефекты российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и законотворческие ошибки, обусловившие их появление. На основе изучения опыта уголовного законодательства зарубежных стран предлагаются варианты их исправления.

Abstract. The initial version of the criminal law norm on liability for violations of the rules of road traffic and operation of vehicles, provided for in Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation had no serious shortcomings. Its structure and content corresponded (with very few exceptions) to the doctrinal rules of criminalization and penalization, differentiation of criminal liability and punishment, construction of corpus delicti and construction of sanctions of criminal law norms. However, the numerous changes and additions made to the article between 2003 and 2022 created equally numerous defects. The purpose of this publication is to analyze legislative errors in the construction of the Russian criminal law norm on liability for violations of the rules of road traffic and operation of vehicles and to search for possible ways to correct them using foreign experience. The study is conducted using a set of methods: general scientific (induction, deduction, analysis, synthesis, system-structural) and specific scientific (formal-legal, sociological, comparative legal). The article reveals the defects of the Russian criminal law norm on liability for violation of the rules of road traffic and operation of vehicles and legislative errors that caused their appearance. Based on the study of the experience of criminal legislation of foreign countries, options for their correction are proposed.

Ключевые слова: уголовный закон, преступление, наказание, уголовно-правовая норма, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, состав преступления, диспозиция, санкция, сравнительно-правовое исследование, сравнительно-правовой метод

Keywords: criminal law, crime, punishment, criminal law norm, violation of the rules of road traffic and operation of vehicles, corpus delicti, disposition, sanction, comparative legal research, comparative legal method

Для цитирования: Кострова М.Б. Законотворческие ошибки в конструировании российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и возможности использования зарубежного опыта для их исправления. Часть вторая / М.Б. Кострова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 136–150.

For citation: Kostrova M.B. Legislative errors in the construction of the Russian criminal law norm on liability for violations of the rules of road traffic and operation of vehicles, and the possibility of using foreign experience to correct them. Part two. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 136–150 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.16.

ВВЕДЕНИЕ

В первой части статьи по результатам анализа конструкции действующей российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) выявлено четыре законотворческие ошибки в ее конструировании (последняя включает в себя семь), обусловившие появление ее дефектов. Вкратце они сводятся к следующему:

1) исключение из числа криминообразующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, общественно опасного последствия в виде причинения средней тяжести вреда здоровью человека по неосторожности;

2) явное обесценивание жизни человека в результате непродуманной «внутриотраслевой» пенализации и дифференциации наказания в ч. 2–6 ст. 264 УК РФ без адекватной оценки характера и степени общественной опасности предусмотренных ими деяний – причинение по неосторожности смерти 1, 2 или более лицам без отягчающих обстоятельств в санкционном измерении оценено законодателем как менее опасное, чем причинение тяжкого вреда здоровью при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах;

3) приравнивание в результате непродуманной «внутриотраслевой» пенализации и дифференциации наказания неосторожного преступления, при совершении которого жизнь человека выступает в качестве допол-

нительного объекта (ч. 6 ст. 264), к обладающему самой высокой общественной опасностью умышленному преступлению против жизни – убийству (ч. 1 ст. 105);

4) включение в п. «а», «б», «в» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ в качестве «особых квалифицирующих признаков, находящихся в связке с дифференцирующим признаком состава преступления, относящимся к тяжести последствий»¹, по сути, отдельных нарушений правил дорожного движения – «совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения», «сопряжено с оставлением места его совершения», «совершено лицом, не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами», – при явном игнорировании целого ряда доктринальных правил конструирования диспозиций уголовно-правовых норм, в частности правил: учета системной взаимосвязи норм Общей и Особенной частей УК РФ; конструирования основного, квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений; формулирования диспозиций уголовно-правовых норм, имеющих бланкетную форму; языкового выражения уголовно-правовых предписаний.

В этой части статьи на основе изучения опыта уголовного законодательства зарубежных стран попытаемся найти возможные пути исправления выявленных законотворческих ошибок и порожденных ими дефектов российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

¹ Так их называет Н.И. Пикуров [см.: 1].

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ КАК ОРИЕНТИР ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ В ИСПРАВЛЕНИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКИХ ОШИБОК В КОНСТРУИРОВАНИИ НОРМ РОССИЙСКОГО УК В ЦЕЛОМ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В ЧАСТНОСТИ.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Сравнительно-правовой (компаративистский) метод, использование которого позволяет выявить путем сравнения (сопоставления) общее, особенное и единичное в различных правовых системах [2, с. 19, 42], типичное и уникальное в правовой действительности [3, с. 15], прочно вошел в арсенал практико-ориентированной юридической компаративистики. Авторитетными учеными-компаративистами уже давно обоснована плодотворность сравнительного правоведения в области усовершенствования национального законодательства [2, с. 33], возможность и целесообразность использования результатов сравнительно-правового анализа в процессе законотворческой деятельности, в развитии законодательства и его отраслей [4, с. 49–50, 58]. Еще знаменитый французский ученый Р. Давид, которого Ю.А. Тихомиров называет основоположником современной теории сравнительного правоведения [5, с. 5], раскрывая «значение и выгоды сравнительного права», указывал, что оно «весьма полезно для лучшего понимания и совершенствования собственного национального права» [6, с. 25]. Немецкие компаративисты К. Цвайгерт и Х. Кетц в числе четырех функций сравнительного правоведения, имеющих особое практическое значение, на первое место ставили результаты сравнительно-правовых исследований как материал для законодателя: «Материалы, получаемые от систематических исследований или специальных экспертиз в области сравнительного права, служат в наши дни незаменимым инструментом для законодателя во многих странах, обеспечивая высокое качество его правотворческой деятельности» [7, с. 29–30]. М.Н. Марченко, отмечая усиление влияния сравнительного правоведения на национальную правотворческую практику, выделяет «прикладное, или «законоведческое», сравнение, при котором целью

изучения зарубежного права является поиск подходов и решений для совершенствования национального права» как одну из форм сравнения, используемую в процессе сравнительного анализа [8, с. 43, 200].

На значимость практико-прикладной функции сравнительного правоведения (сравнительного права, сравнительно-правовых исследований, сравнительно-правового метода) указывается и в отраслевой литературе по сравнительному уголовному праву. Так, Г.А. Есаков пишет: «Компаративистски ориентированные исследования помогают усовершенствовать национальное право, либо заимствовав из зарубежных аналогов ряд удачных норм, либо исключив возможные коллизии между различными правовыми системами» [9, с. 15]. А.А. Малиновский полагает: «Цель сравнительного правоведения состоит в том, чтобы, изучив зарубежный опыт, выявить, а затем и заимствовать лучшие модели уголовно-правового регулирования общественных отношений». Выделяя в числе четырех функций сравнительного уголовного права практико-прикладную, суть которой состоит в практическом использовании сравнительно-правового метода, в том числе в сфере правотворчества, он характеризует ее так: «В процессе правотворчества сравнительное правоведение преимущественно используется для решения вопроса о необходимости заимствования (рецепции) конкретного зарубежного опыта...» [3, с. 7–8]. Созвучно приведенным суждениям, но более категорично мнение А.В. Наумова: «Цели современного ... компаративистского метода исследования сугубо практические: его применение должно служить поиску того, что может быть использовано в правотворческой практике отечественного законодателя, т. е. того, что, во-первых, в нашем законодательстве отсутствует, а во-вторых, может быть заимствовано из законодательства зарубежного и имплементировано в наше» [10, с. 32]². При этом ученый предостерегает от бездумного копирования зарубежного опыта,

² С этим мнением признанного авторитета науки уголовного права можно было бы поспорить, поскольку им как бы отрицается существование иных целей сравнительного правоведения – познавательной (или научно-познавательной), информационной, аналитической, интегративной [об этих целях см., например: 4, с. 37–40]. Однако по контексту цитируемой работы видно, что А.В. Наумов таким образом противопоставляет практико-ориентированную цель современного сравнительного уголовного права критической и пропагандистской целям изучения зарубежного уголовного права советского периода.

уточняя: «Разумеется, и то и другое не должно противоречить как сложившейся отечественной системе уголовного законодательства, так и его уже новым принципам, «освященным» в том числе в обновленной Конституции РФ» [10, с. 32]. Примерно об этом же пишут другие авторы, подчеркивая необходимость критического осмысления зарубежного права [3, с. 12] и призывая к обоснованному и категоричному отказу от «чуждого нашей правовой ментальности иностранного опыта» [11, с. 57].

Кроме ссылок на научные авторитеты значимость практико-ориентированной юридической компаративистики подтверждается практикой Конституционного Суда РФ, который при осуществлении конституционного нормоконтроля нередко в качестве вспомогательного использует сравнительно-правовой метод. Сам Конституционный Суд РФ характеризует этот аспект своей деятельности так: «Конституционное правосудие все чаще сталкивается с проблемами, успешное разрешение которых требует вдумчивого – свободного и от поверхностного пренебрежения, и безоглядного заимствования – учета зарубежного опыта. Обращение к международному и иностранному праву характеризовало конституционную юриспруденцию задолго до того, как глобализационные процессы превратили компаративный анализ в рабочий метод высших национальных судов. В своем узком значении компаративный (сравнительно-правовой) метод, во-первых, призван путем сопоставления рассматриваемого регулирования со схожим зарубежным уяснить возможные способы его совершенствования в целях устранения дефектов конституционности и, во-вторых, способствовать восприятию полезного опыта других государств в области судебного конституционного контроля»³. И не видится никаких препятствий для использования подобным образом инструментария сравнительного правоведения в другой области практической юриспруденции – законотворческой деятельности (для этого нужно только желание самого законодателя).

³ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)». Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021. С. 140, 142–143 // Конституционный Суд РФ: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).

Изложенное позволяет заключить, что результаты сравнительно-правового исследования вполне могут претендовать на роль ориентира для национального законодателя в исправлении законотворческих ошибок в конструировании норм российского УК в целом и уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в частности.

ОБОСНОВАНИЕ АВТОРСКОГО ПОДХОДА К ПРОВЕДЕНИЮ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С целью поиска возможных путей исправления законотворческих ошибок в конструировании российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств обратимся к опыту уголовного законодательства 10 стран ближнего зарубежья, включив в объект сравнительно-правового исследования сопоставимые нормы, содержащиеся в УК Азербайджанской Республики⁴, УК Республики Армения⁵, УК Республики Беларусь⁶, УК Грузии⁷, УК Респу-

⁴ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ (с посл. изм. и доп. от 30.05.2023 № 891-VIQD) [Электронный ресурс] // Информ. система «КОНТИНЕНТ». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 12.10.2023). В этом кодексе нет деления статей на части в привычном для нас понимании; то, что у нас принято называть частями, здесь нумеруется цифрами, представленными после номера статьи и точки, например, в ст. 263 так: 263.1, 263.1-1, 263.2, 263.3.

⁵ Уголовный кодекс Республики Армения от 27.05.2021 № ЗР-199-У (с посл. изм. и доп. от 03.08.2023 № ЗР-273) [Электронный ресурс] // Национальное Собрание Республики Армения: сайт. URL: http://www.parliament.am/law_docs/8/27052021H0199_rus.pdf; База данных «Законодательство стран СНГ». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=144695 (дата обращения: 12.10.2023).

⁶ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (с посл. изм. и доп. от 09.03.2023 № 256-З) [Электронный ресурс] // Информ. система «КОНТИНЕНТ». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 12.10.2023).

⁷ Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 № 2287-вс (с посл. изм. и доп. от 30.06.2023 № 3446-XIობ-Хაზ) [Электронный ресурс] // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=247> (дата обращения: 12.10.2023).

блики Казахстан⁸, УК Кыргызской Республики⁹, УК Республики Молдова¹⁰, УК Республики Таджикистан¹¹, УК Туркменистана¹², УК Республики Узбекистан¹³. Выбор именно этих зарубежных УК обусловлен прежде всего¹⁴ узкопрагматической целью проводимого сравнительно-правового исследования, достижение которой требует максимальной сопоставимости¹⁵ уголовно-правовых норм. Поэтому нет нужды обращаться к опыту уголовного законодательства тех стран, где в силу обусловленности историческими, национальными, географическими, экономическими, социальными, политическими, религиозными и иными объективными и субъективными факторами совсем другой, нежели в России, подход к установлению уголовно-правовых запретов в рассматриваемой сфере.

Например, для цели настоящего исследования непригодны нормы действующего уголовного законодательства Израиля и Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ). Так,

8 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (с посл. изм. и доп. от 12.07.2023 № 23-VIII) [Электронный ресурс] // Информ. система «КОНТИНЕНТ». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 12.10.2023).

9 Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127 (с посл. изм. и доп. от 10.10.2023 № 186) [Электронный ресурс] // Информ. система «КОНТИНЕНТ». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 12.10.2023).

10 Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV (с посл. изм. и доп. от 31.07.2023 № 245) [Электронный ресурс] // Информ. система «КОНТИНЕНТ». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 12.10.2023).

11 Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 (с посл. изм. и доп. от 24.12.2022 № 1925) [Электронный ресурс] // Информ. система «КОНТИНЕНТ». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 12.10.2023).

12 Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 № 222-I (с посл. изм. и доп. от 30.09.2023) [Электронный ресурс] // Информ. система «КОНТИНЕНТ». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 12.10.2023).

13 Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII (с посл. изм. и доп. от 10.05.2023 № ЗРУ-841) [Электронный ресурс] // Информ. система «КОНТИНЕНТ». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 12.10.2023).

14 Немаловажным обстоятельством также является доступность их текстов в актуальных редакциях и надежность источников их размещения. Возможные погрешности перевода на русский язык автор учитывает, но они представляются незначимыми, так как сравнительно-правовому анализу подвергаются подходы национальных законодателей к конструированию уголовно-правовых норм, а не языковая форма их выражения.

15 Речь в данном случае не идет о принципе потенциальной сравнимости, который «предполагает акцент не на нормативной составляющей права, а на его функциональной стороне, т. е. на том, как оно разрешает конкретную социальную проблему» [9, с. 11].

в Законе об уголовном праве Израиля¹⁶ нет ни главы о транспортных преступлениях (преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта), ни статьи, хоть в чем-то похожей на российскую ст. 264. В отличие от этого, в Уголовное уложение ФРГ¹⁷ включен § 315с «Нарушение правил безопасности дорожного движения», заголовок которого наводит на мысль о сходстве закрепленной в этом параграфе нормы с нормой российского УК об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Но на заголовке сходства и заканчиваются, поскольку в § 315с установлена в альтернативе ответственность: 1) лица, которое не в состоянии безопасно управлять транспортным средством «а) ...в результате потребления алкогольных напитков или иных одурманивающих средств или б) вследствие психических расстройств либо физических недостатков»; 2) лица, которое, грубо нарушая правила дорожного движения, безответственно совершает одно из 7 перечисленных действий, представляющих собой, по сути, разнообразные нарушения правил дорожного движения (например, «не учитывает права преимущества в дорожном движении», «нарушает правила езды при пересечении пешеходных переходов»). Таким образом, диспозиция § 315с сконструирована столь казуистично, что делает немецкую и российскую нормы совершенно различными с точки зрения юридической техники.

В то же время в 10 выбранных УК стран ближнего зарубежья¹⁸ нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств¹⁹ и настолько сходны с российской нормой, что делает их максимально сопоставимыми, и настолько различны, что их вполне достаточно для достижения цели сравнительно-правового исследования. Наглядно ряд таких сходств и различий представлен в таблице.

16 Закон об уголовном праве Израиля 1977 г. (действующая редакция по сост. на 01.09.2022) // Закон об уголовном праве Израиля / пер. и предисл. М. Дорфман. 4-е изд. Хайфа, 2022. С. 12–275.

17 Уголовное уложение Федеративной Республики Германия 1871 г. (с посл. изм. и доп., учтенными по сост. на 30.11.2020) // Головинков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2021. С. 67–459.

18 Далее для краткости они могут именоваться зарубежными УК, а содержащиеся в них нормы – иностранными нормами.

19 В некоторых зарубежных УК собственно эти правила обозначаются несколько иначе, но по смыслу синонимично.

**Сравнительная таблица нормы, предусмотренной ст. 264 УК РФ,
и сходных норм зарубежных УК²⁰**

УК страны	В главе	Заголовок статьи	Конструкция составов	Форма вины
РФ ст. 264	Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	материальные; последствия: тяжкий вред здоровью, смерть 1, 2 или более лиц	неосторожность
Азербайджан ст. 263	Преступления против правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств	Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	материальные; последствия: менее тяжкий, тяжкий вред здоровью, смерть 1, 2 или более лиц	неосторожность
Армения ст. 342	Преступления против установленного порядка безопасности движения и эксплуатации транспорта	Нарушение требований по обеспечению безопасности дорожного движения или правил, обеспечивающих безопасность дорожного движения или эксплуатации транспортных средств	материальные; последствия: средней тяжести, тяжкий вред здоровью, смерть 1, 2 или более лиц	неосторожность
Грузия ст. 276	Транспортные преступления	Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта	1 – формальный, 2–9 – материальные; последствия: менее тяжкий, тяжкий вред здоровью, смерть 1, 2 или более лиц	не указана
Беларусь ст. 317	Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств	материальные; последствия: менее тяжкое, тяжкое телесное повреждение, смерть 1, 2 или более лиц	неосторожность
Казахстан ст. 345	Транспортные уголовные правонарушения	Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами	материальные; последствия: средней тяжести, тяжкий вред здоровью, смерть 1, 2 или более лиц	неосторожность
Кыргызстан ст. 312 + приложение 1 «Значение терминов, употребляемых в настоящем Кодексе»	Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта и магистральных трубопроводов	Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспортных средств	материальные; последствия: менее тяжкий, тяжкий вред здоровью, особо тяжкий вред (+ п. 4 приложения 1 – смерть 1, 2 или более лиц)	умышленное или неосторожное нарушение правил + неосторожность по отношению к последствиям
Молдова ст. 264	Транспортные преступления	Нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств лицом, управляющим транспортным средством	материальные; последствия: телесное повреждение средней тяжести, тяжкое или иной средней тяжести, тяжкий вред здоровью, смерть 1, 2 или более лиц	неосторожность
Таджикистан ст. 212	Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	материальные; последствия: средней тяжести, тяжкий вред здоровью, смерть 1, 2 или более лиц	неосторожность
Туркменистан ст. 364	Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	материальные; последствия: ущерб в крупном размере, тяжкий вред здоровью, смерть 1, 2 или более лиц	неосторожность
Узбекистан ст. 266	Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	Нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств	материальные; последствия: средней тяжести, тяжкое телесное повреждение, смерть 1 человека, человеческие жертвы, катастрофа, иные тяжкие последствия	не указана
Модельный УК ст. 209	Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	материальные; последствия: крупный ущерб, средней тяжести, тяжкий вред здоровью, смерть 1, 2 или более лиц	неосторожность

²⁰ Курсивом выделены положения иностранных норм, отличные от УК РФ.

В таблицу не случайно включен двенадцатый УК – Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств²¹ (Модельный УК). Этот рекомендательный законодательный акт предназначен для использования при разработке национальных уголовных законодательств и адресован парламентам государств – участников СНГ, каковыми и являются все указанные государства (за исключением Грузии, которая входила в СНГ, но прекратила свое членство в нем в 2009 г.). И этот факт во многом объясняет наличие большого числа общих черт в рассматриваемых нормах. Вместе с тем понятно, что каждое государство как суверенный субъект международного права свободно в выборе уголовно-правовых средств борьбы с преступностью и в их установлении в национальных уголовных законах, чем и объясняются различия. Со временем их становится все больше, так как даже те страны, которые изначально были максимально ориентированы на учет норм Модельного УК при конструировании своих собственных (как, например, Россия при принятии УК в 1996 г. или Кыргызская Республика при принятии УК 1997 г.²²), стали все дальше отходить от модельной нормы.

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
СОПОСТАВИМЫХ НОРМ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН БЛИЖНЕГО
ЗАРУБЕЖЬЯ С РОССИЙСКОЙ У
ГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМОЙ
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ
ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**

Как видно из таблицы, в отличие от российского, во всех зарубежных УК (за исключением УК Туркменистана) причинение средней тяжести вреда здоровью человека (менее тяжело-

го телесного повреждения, телесного повреждения средней тяжести, менее тяжкого вреда здоровью) остается криминообразующим признаком преступления, аналогичного или сходного по названию с преступлением, предусмотренным ст. 264 УК РФ. При этом только в ч. 1 ст. 266 УК Республики Узбекистан и в ч. 1 ст. 342 УК Республики Армения оно предусмотрено как альтернатива причинению тяжкого вреда здоровью. В остальных зарубежных УК эти последствия разведены по разным частям соответствующих статей, в силу чего причинение средней тяжести вреда здоровью выступает в качестве обязательного признака состава преступления, а причинение тяжкого вреда – в качестве квалифицирующего признака. С целью исправления выявленной законотворческой ошибки в конструировании российской уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 264, для заимствования, как думается, лучшим вариантом будет второй, так как он позволяет по-разному оценить степень общественной опасности причинения вреда здоровью человека разной тяжести.

Также из таблицы видна разница в подходах национальных законодателей к конструированию субъективной стороны состава преступления, аналогичного или сходного по названию с преступлением, предусмотренным ст. 264 УК РФ. В подавляющем большинстве зарубежных УК, как и в российском, в статьях об ответственности за данное преступление прямо указана неосторожная форма вины. Вместе с тем в уголовных кодексах Кыргызской Республики, Грузии и Республики Узбекистан использован иной подход. Так, в ст. 276 УК Грузии и в ст. 266 УК Республики Узбекистан форма вины не указана, следовательно, предусмотренное ими преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. И совсем оригинальное законодательное решение можно обнаружить в ст. 312 УК Кыргызской Республики, где установлена неосторожность по отношению к последствиям, а нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспортных средств характеризуется умыслом или неосторожностью. Не призываю российского законодателя к скорейшему изменению формы вины в ст. 264 УК РФ, хотя отечественные ученые уже достаточно давно обращают внимание на «пограничность» легкомыслия и

21 Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 17.02.1996 № 7-5 [Электронный ресурс] // Сайт Исполкома СНГ. Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/563#text> (дата обращения: 12.10.2023).

22 Анализируемый в настоящей публикации УК Кыргызской Республики 2021 г. – уже третий по счету постсоветский УК этого государства, пришедший на смену кодексам от 1 октября 1997 г. № 68 и от 2 февраля 2017 г. № 19.

косвенного умысла при совершении автотранспортного преступления в отдельных ситуациях²³ [см., например: 12, с. 126–127; 13]. Замечу только, что опыт названных стран пригодился бы российскому законодателю при включении в п. «б» ч. 2, 4, 6 ст. 264 квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака «сопряженность деяния с оставлением места его совершения». Тогда наш законодатель вольно или невольно сконструировал преступление с двумя формами вины, сочетающее в субъективной стороне неосторожность и умысел, чего не допускает ст. 27 Общей части УК. Такое сочетание форм вины, как в п. «б» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, допустимым было бы только в ст. 276 УК Грузии, в ст. 266 УК Республики Узбекистан и в ст. 312 УК Кыргызской Республики. Однако ни одна из этих стран не стала включать в указанные статьи своих УК признак, подобный закреплённому в п. «б» ч. 2, 4, 6 ст. 264 российского УК.

Перейдем к анализу иностранных норм в части конструирования их диспозиций, выделения основных, квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений, сопоставляя их с выявленными дефектами российской нормы, образовавшимися за счет включения в п. «а», «б», «в» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК «особых квалифицирующих признаков, находящихся в связке с дифференцирующим признаком состава преступления, относящимся к тяжести последствий». Как думается, именно в этой части зарубежный опыт мог бы стать ориентиром для российского законодателя не только при исправлении четвертой ошибки, но и предосновой для работы над второй и третьей ошибками в части пенализации и дифференциации наказания.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что такого, как в ст. 264 нашего УК, «наслоения» аналогичных или подобных квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков состава рассматриваемого преступления нет ни в одном зарубежном УК. Так, в ст. 266 УК Республики Узбекистан они не

содержатся вообще, в ней оценка характера и степени общественной опасности преступления и дифференциация наказания поставлены в зависимость только от тяжести общественно опасных последствий. Нет в УК Республики Узбекистан и смежных норм, подобных закреплённым в УК Азербайджанской Республики и УК Республики Казахстан (о них написано далее). А вот остальные 9 государств идут другими путями.

По два признака, аналогичных или сходных с обозначенными в п. «а», «б», «в» ч. 2, 4, 6 ст. 264 российского УК, обнаруживаются только в ст. 364 УК Туркменистана и в ст. 212 УК Республики Таджикистан. Но национальные подходы к их закреплению разные.

Так, в ст. 364 УК Туркменистана включены признаки «совершено лицом, которое находилось в нетрезвом состоянии» (п. «а» ч. 2, 4, 6, 8) и «связано с оставлением потерпевшего в опасности и оставлением места происшествия» (п. «б» ч. 2, 4, 6, 8). При этом они последовательно добавляются к каждому из предшествующих материальных составов преступлений, предусмотренных ч. 1, 3, 5, 7, которые выделены в зависимости от тяжести общественно опасных последствий в виде причинения ущерба в крупном размере, тяжкого вреда здоровью, смерти 1, 2 или более лиц. И, как думается, в п. «б» ч. 4, 6, 8 ст. 364 УК Туркменистана использован более удачный вариант обозначения квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака, подобного российскому, – «сопряженность деяния с оставлением места его совершения». Формулировка УК Туркменистана «деяние связано с оставлением потерпевшего в опасности и оставлением места происшествия», во-первых, добавляет туркменского правоприменителя от вынужденного использования в своих решениях не принятой в УК терминологии транспортного и административного права (как это делается в России). Во-вторых, что более важно, при квалификации преступления по п. «б» ч. 4, либо ч. 6, либо ч. 8 ст. 364 УК Туркменистана в силу именно такой формулировки указанного квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака дополнительная квалификация содеянного по статье об оставлении в опасности не требуется. В примечании к ст. 123 «Оставление в опасности» УК Туркменистана специально оговорено, что лицо, со-

²³ Не по теме, но в связке с ней: возможно, российскому законодателю в будущем стоит пересмотреть свой подход к признанию преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ (а также ст. 263, не исключено, что и некоторыми другими статьями, устанавливающими ответственность за неосторожные транспортные преступления), как исключительно неосторожного. Но для этого нужны предварительные серьезные научные изыскания, основанные на данных исследований в области физиологии, медицины, химии, физики и т. п.

вершившее деяние, предусмотренное ч. 4, 6, 8 ст. 364, «связанное с оставлением в опасности потерпевшего, оставлением места происшествия, не подлежит привлечению к уголовной ответственности по данной статье». В России же в определенных ситуациях содеянное водителем квалифицируется по совокупности преступлений – по п. «б» ч. 2, либо 4, либо 6 ст. 264 УК и ст. 125 «Оставление в опасности». Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ «...действия водителя транспортного средства, поставившего потерпевшего в результате дорожно-транспортного происшествия в опасное для жизни или здоровья состояние и в нарушение требований Правил (пункт 2.6) не оказавшего ему необходимую помощь, если он имел возможность это сделать, подлежат квалификации по статье 125 УК РФ»²⁴. Но и данное разъяснение высшей судебной инстанции не избавляет российскую правоприменительную практику от квалификационных проблем и не обеспечивает ее единообразие [см. об этом, например: 14, с. 69–73].

В отличие от УК Туркменистана, в ст. 212 УК Республики Таджикистан в качестве особо квалифицирующих признаков состава включены такие как «совершенные лицом, находящимся в состоянии опьянения, или лицом, не имеющим водительские права». И подход к их закреплению в норме иной. Сначала в ч. 1–3 ст. 212 УК Республики Таджикистан в зависимости от тяжести причиненных последствий формулируются основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы, затем в ч. 4 и 5 выделяются еще два особо квалифицированных состава по признакам «совершенные лицом, находящимся в состоянии опьянения, или лицом, не имеющим водительские права». При этом они присоединяются не ко всем предшествующим материальным составам преступлений, а только к включающим причинение тяжкого вреда здоровью, смерть 1, 2 или более лиц (то есть с причинением средней тяжести вреда здоровью данные особо квалифицирующие признаки не связываются).

²⁴ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (п. 19) [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8156/> (дата обращения: 12.10.2023).

Еще в четырех зарубежных УК квалифицирующим и особо квалифицирующим признаком состава преступления, аналогичного или сходного по названию с преступлением, предусмотренным ст. 264 УК РФ, признается совершение преступления в состоянии опьянения (в его обозначении есть вариации, но для целей настоящего исследования они незначимы). При этом наблюдаются два разных подхода к его включению в норму.

Первый подход – как в УК Туркменистана, то есть путем его последовательного добавления к каждому из материальных составов, содержащих общественно опасные последствия, указанные в предшествующих частях статьи, – использован в ст. 264 УК Республики Молдова.

Второй подход отличается тем, что, как и в УК Республики Таджикистан, сначала иностранный законодатель формулирует основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы в зависимости тяжести общественно опасных последствий, после чего выделяет особо квалифицированный состав (или особо квалифицированные составы) по признаку совершения преступления в состоянии опьянения. Так же, как и при первом подходе, он не выступает в качестве абсолютно самостоятельного особо квалифицирующего признака, а дополняет материальные составы, сконструированные с учетом тяжести общественно опасных последствий (ч. 4 ст. 342 УК Республики Армения, ч. 4 ст. 312 УК Кыргызской Республики, ч. 4 и 5 ст. 317 УК Республики Беларусь). Примечательно, что при втором подходе признак совершения преступления в состоянии опьянения связывается не с каждым из последствий, указанных в предшествующих частях статей. Он соединен, в частности: в ч. 4 ст. 342 УК Республики Армения и в ч. 4 ст. 312 УК Кыргызской Республики – только со смертью 1 человека и смертью 2 или более лиц (но не с тяжким и средней тяжести (менее тяжким) вредом здоровью); в ч. 4 и 5 УК Республики Беларусь – только с тяжким телесным повреждением, со смертью 1 человека и смертью 2 или более лиц (но не с менее тяжким телесным повреждением).

Особняком стоит УК Грузии, где в качестве основного состава преступления в ч. 1 ст. 276 выделено управление механическим транспортным средством под воздействием наркотического, психотропного или нового психо-

активного вещества. После этого в ст. 276 УК Грузии формулируются еще один основной, квалифицированный и 6 особо квалифицированных составов нарушения «правил безопасности движения или эксплуатации автомобильного, трамвайного, троллейбусного, тракторного или иного механического транспортного средства лицом, управляющим этим транспортным средством». В ч. 2, 4, 6, 8 ст. 276 УК Грузии содержатся материальные составы преступлений, включающие общественно опасные последствия в виде менее тяжкого, тяжкого вреда здоровью, смерти 1, 2 или более лиц. Путем последовательного добавления к каждому из них признака «совершенное под воздействием алкоголя или наркотического/психотропного/нового психоактивного вещества» в ч. 3, 5, 7, 9 ст. 276 УК Грузии конструируются квалифицированный и особо квалифицированные составы преступлений. Этот подход грузинского законодателя, с одной стороны, сходен с принятым в ст. 364 УК Туркменистана и в ст. 264 УК Республики Молдова. С другой стороны, он кардинально отличается включением в ст. 276 УК Грузии самостоятельного формального состава управления механическим транспортным средством под воздействием наркотического, психотропного или нового психоактивного вещества.

Завершая анализ 7 зарубежных УК, содержащих квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, аналогичные или сходные с закрепленными в п. «а», «б», «в» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, подчеркнем следующее. За исключением УК Республики Таджикистан во всех остальных УК дифференциация наказания за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств осуществлена достаточно последовательно, с учетом «особых квалифицирующих признаков, находящихся в связке с дифференцирующим признаком состава преступления, относящимся к тяжести последствий». Но и в ст. 212 УК Республики Таджикистан дефектов меньше, причем они не столь значительны, как в ч. 2–6 ст. 264 УК РФ. Поэтому санкции иностранных норм не имеют таких вопиющих дефектов, как санкции ч. 2–6 ст. 264 УК РФ (см. описанные в первой части статьи ошибки под номерами 2 и 3 по пенализации и дифференциации наказания).

Еще бóльшим своеобразием отличаются УК Азербайджанской Республики и УК Республики Казахстан. В их статьях об ответственности за нарушение правил дорожного движения и (или) эксплуатации транспортных средств (ст. 263 и ст. 345 соответственно) дополнительные признаки не учтены национальными законодателями ни в каком качестве, ими избран совершенно иной, чем в России и в других зарубежных странах, подход.

Так, в УК Азербайджанской Республики наряду со ст. 263 включена ст. 263-1 «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицом, находящимся в состоянии опьянения или не имеющим права на управление транспортными средствами». И, в отличие от относительно сходных ст. 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ, содержащих исключительно формальные составы преступлений, в УК Азербайджанской Республики во всех четырех частях ст. 263-1 все составы материальные, причем сконструированы они ровно с такими же общественно опасными последствиями, как и в ст. 263. Объясняется же такое равенство последствий в ст. 263 и 263-1 УК Азербайджанской Республики тем, что последняя имеет ссылочную диспозицию, отсылая к первой: «Совершение деяний, предусмотренных статьей 263.1 1 (по-нашему это ч. 1 ст. 263. – Авт.) настоящего Кодекса, лицом, находящимся в состоянии опьянения ... или не имеющим права на управление транспортными средствами, повлекшее по неосторожности...». Наряду с этим в УК Азербайджанской Республики имеется ст. 264, предусматривающая ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия «лицом, управляющим транспортным средством и нарушившим правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в случае наступления последствий, предусмотренных статьей 263 или 263.1 настоящего Кодекса».

Похожий, но не идентичный, а более широкий подход наблюдается в УК Республики Казахстан, где наряду с нормой, предусмотренной ст. 345, имеются две смежные нормы. Одна из них закреплена в ст. 345-1 «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами в состоянии алкогольного, наркотического

и (или) токсикоманического опьянения», которая устанавливает ответственность за указанное деяние, повлекшее по неосторожности причинение средней тяжести (ч. 1) или тяжкого вреда (ч. 2) здоровью человека, смерть человека (ч. 3), смерть двух или более лиц (ч. 4). При этом наказуемость запрещенных ст. 345-1 деяний строже по сравнению с санкциями ст. 345, и не только по основному наказанию, но и по дополнительному, в частности по ч. 4 ст. 345-1 в качестве обязательного дополнительного наказания предусмотрено пожизненное лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Для сравнения: в России по самой строгой санкции ч. 6 ст. 264 УК данный вид наказания установлен на срок до 3 лет (!). Вторая норма более широкого, чем в других зарубежных странах, действия содержится в ст. 346 «Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и находящимся в состоянии алкогольного, наркотического и (или) токсикоманического опьянения, а равно передача управления транспортным средством такому лицу или допуск к управлению транспортным средством такого лица» УК Республики Казахстан. В силу специфики статьи подробно рассматривать ее содержание нет необходимости, отмечу лишь, что 5 из 6 включенных в ст. 346 составов преступлений – материальные (в ч. 3–6 указаны те же наступившие по неосторожности общественно опасные последствия, что и в ст. 345 и 345-1, в ч. 2 – повреждение транспортных средств, грузов, дорожных и иных сооружений либо иного имущества, причинение легкого вреда здоровью человека), а подход к конструированию санкций в ст. 346 такой же, как и в ст. 345-1, только санкции еще строже. В частности, обязательное дополнительное наказание в виде пожизненного лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предусмотрено в санкциях всех частей ст. 346 УК Республики Казахстан. Так же, как и в УК Азербайджанской Республики, имеется в УК Республики Казахстан и норма об ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия, она предусмотрена ст. 347 и распространяется на лиц, управляющих транспортным средством и нарушивших правила дорожного движе-

ния или эксплуатации транспортных средств, в случае наступления тяжких последствий, предусмотренных ст. 345, 345-1 и 346.

РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ОПЫТ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН, ПРИГОДНЫЙ ДЛЯ ИСПРАВЛЕНИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСКИХ ОШИБОК В КОНСТРУИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Суммируя накопленный зарубежными странами опыт и соотнося его с выявленными дефектами российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и обусловившими их появление законотворческими ошибками, можно сделать ряд выводов. Они будут формулироваться в общем плане, как правило, без предложения конкретных законотехнических решений, как ориентир, намечающий возможные законодательные подходы к устранению выявленных дефектов. Итак, выводы следующие.

1. Однозначно пригодным для заимствования считаю зарубежный опыт признания криминообразующим признаком преступления причинение по неосторожности средней тяжести вреда здоровью человека с введением его в основной состав преступления (УК Азербайджанской Республики, УК Грузии, УК Республики Беларусь, УК Республики Казахстан, УК Кыргызской Республики, УК Республики Молдова, УК Республики Таджикистан). На этом основании и по изложенным выше причинам представляется необходимым включить причинение по неосторожности средней тяжести вреда здоровью человека в ч. 1 ст. 264 УК РФ²⁵ в качестве единственного общественно опасного последствия. Соответ-

²⁵ Не по теме, но в связке с ней: требуется также «возвратная» криминализация причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности в УК РФ в целом (то есть вернуть его в ч. 3, 4 ст. 118, а также во все статьи, откуда этот признак был исключен Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ; возможно, его стоит включить и в новые статьи, которым УК был дополнен за эти годы, и не забыть при этом про необходимость «сверки» с КоАП РФ).

ственно, с учетом включенных в нее сейчас последствий потребуются перестроение всей ст. 264, а также корректировка КоАП – исключение из ст. 12.24 ее части 2 и примечания 2.

2. Пригодным для заимствования представляется также зарубежный опыт последовательной дифференциации наказания за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств с учетом «особых квалифицирующих признаков, находящихся в связке с дифференцирующим признаком состава преступления, относящимся к тяжести последствий» (все зарубежные кодексы, за исключением УК Республики Таджикистан). Подчеркну, что этот вывод носит вариативный характер, такой подход российскому законодателю следует использовать в случае, если он решит, что структура нормы, предусмотренной ст. 264 УК, и содержание ее диспозиций останутся неизменными, и приступит к корректировке только санкций ч. 2–6. В этом случае можно будет подумать и об использовании опыта УК Республики Казахстан, где в ст. 345-1 и 346 за сходные преступления в качестве обязательного дополнительного наказания предусмотрено пожизненное лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (естественно, с включением такой новации в ст. 47 нашего УК).

3. Полагаю, однако, что оставлять в неизменном виде ни структуру российской нормы, предусмотренной ст. 264 УК, ни содержание ее диспозиций нельзя. При таком количестве дефектов формы и содержания нормы, какое выявлено в рамках настоящего исследования (а сколько их еще описано в уголовно-правовой литературе!), ее существование в неизменном виде просто невозможно, иначе она так и останется позором нашего УК. Тем более что по результатам сравнительно-правового анализа видно: из всего многообразия национальных вариантов конструирования уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств российский вариант худший.

4. В связи с этим можно предложить российскому законодателю выбрать из имеющихся иностранных вариантов лучший, а таким, как думается, является опыт Республики

Казахстан и Азербайджанской Республики. Следует подчеркнуть, что данное суждение не означает призыв к безоглядному копированию норм их УК, в них обоих вполне видны и свои плюсы, и свои минусы. Поэтому речь идет только о заимствовании концептуальных подходов, что позволит сделать многое, а именно следующее.

Во-первых, избавиться от наслоения в п. «а», «б», «в» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ «особых квалифицирующих признаков, находящихся в связке с дифференцирующим признаком состава преступления, относящимся к тяжести последствий».

Во-вторых, избавиться от инородного «вкрапления» в российскую норму признака «сопряженность деяния с оставлением места его совершения», реально не связанного с основным деянием ни временными рамками, ни причинной связью, ни формой вины, к тому же сформулированного в неприемлемой языковой форме. И в то же время использование опыта Республики Казахстан и Азербайджанской Республики в части криминализации в отдельной норме национального УК такого деяния, как оставление места ДТП, даст возможность не оставить безнаказанным постпреступное поведение лиц, которое сейчас подпадает под действие п. «б» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ. С учетом иностранного и нашего собственного опыта видится целесообразным вернуть в российский УК статью 265 «Оставление места дорожно-транспортного происшествия», несколько изменив ее предшествующую диспозицию и изложив в следующей редакции: «Оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом, управляющим механическим транспортным средством и нарушившим правила дорожного движения и (или) эксплуатации транспортных средств, в случае наступления последствий, предусмотренных статьей 264 настоящего Кодекса». Одновременно с этим следует исключить из ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ п. «б», предусматривающий квалифицирующий и особо квалифицирующий признаки состава преступления «если оно сопряжено с оставлением места его совершения». Весомым аргументом в пользу предлагаемого решения является тот факт, что ст. 265 еще в 2001 г., то есть до ее исключения из УК РФ Федеральным законом

от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, была признана не противоречащей Конституции РФ²⁶. Позже Конституционный Суд РФ подтвердил свою позицию, предложив в постановлении от 25 апреля 2018 г. № 17-П в качестве одного из вариантов устранения пробела в уголовно-правовом регулировании «изменить вид ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия посредством его криминализации в форме самостоятельного состава преступления»²⁷.

В-третьих, исключив из ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ пункты «а», «в» и, соответственно, предусмотренные ими квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, по образу и подобию УК Республики Казахстан и УК Азербайджанской Республики сконструировать самостоятельную норму, содержащую материальные составы преступлений (можно и 2, как в Казахстане), придав в них данным признакам статус обязательных. Иными словами, обстоятельства, характеризующие личность водителя в момент совершения им ДТП (в плане неспособности управлять транспортным средством должным для обеспечения безопасности дорожного движения образом) – «лицо, находящееся в состоянии опьянения» и «лицо, не имеющее или лишенное права управления транспортными средствами», – могут стать криминообразующими признаками преступления. Далее – на усмотрение российского законодателя: конструируется одна норма (как в ст. 263-1 УК Азербайджанской Республики) с включением в нее обоих этих признаков или две нормы (как в ст. 345-1 и 346 УК Республики Казахстан) с их разделением. Если российский законодатель убежден, что первое обстоятельство опаснее второго, то норм должно быть две, при этом в санкционном измерении предусмотренные ими дея-

ния должны различаться, за первое санкции должны быть более строгими. Если же такого убеждения, основанного на данных научных исследований в области физиологии, медицины, химии, физики и т. п., нет, то норма должна быть единой.

В любом случае итог таков: уголовная ответственность устанавливается за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицом, управляющим механическим транспортным средством в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности причинение средней тяжести (ч. 1) или тяжкого вреда (ч. 2) здоровью человека, смерть человека (ч. 3), смерть двух или более лиц (ч. 4). При доказанности влияния факта отсутствия у лица или лишения его права управления транспортными средствами на его способность соблюдать правила эксплуатации механических транспортных средств (опять-таки на основе данных физиологии, медицины и т. п.), в число субъектов такого преступления можно включить и лицо, не имеющее или лишенное права управления транспортными средствами. При недоказанности такого влияния можно сконструировать сходную норму без упоминания в ней о нарушении правил эксплуатации транспортных средств и со специальным субъектом – лицом, не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами. Есть и другой вариант: выделить в норме восемь частей, сформулировав ее части 5–8 так: нарушение правил дорожного движения лицом, управляющим механическим транспортным средством, не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами, повлекшее по неосторожности причинение средней тяжести (ч. 5) или тяжкого вреда (ч. 6) здоровью человека, смерть человека (ч. 7), смерть двух или более лиц (ч. 8). И, как думается, при любом варианте, с целью избежать наличествующей сейчас ошибки следует сделать оговорки в части нарушенных правил дорожного движения примерно такого содержания: «за исключением абз. 2 п. 2.7 и (или) абз. 3 п. 2.1.1 ПДД» (формулировка совсем не законодательная, это просто суть оговорки).

И конечно же, любой из предлагаемых вариантов приемлем только при предварительном исправлении законотворческих ошибок

26 По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова : постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 № 6-П [Электронный ресурс] // Конституционный Суд РФ : сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision261462.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).

27 По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П [Электронный ресурс] // Конституционный Суд РФ : сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision328749.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).

в части: 1) описания предмета преступления в ст. 264 УК (после чего исправленный вариант переносится в проектируемые статьи или статью); 2) конструирования дефиниции «другие механические транспортные средства» в примечании 1 к ст. 264 УК; 3) приравнивания водителя, не выполнившего законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, к водителю, действительно находящемуся в состоянии опьянения²⁸.

5. Использование опыта Республики Казахстан и Азербайджанской Республики в любом из обозначенных выше вариантов позволит наконец-то начать избавляться от преступлений с формальными составами – деликтов создания опасности, предусмотренных ст. 264.1, 264.2, 264.3 российского УК. Им не место в УК, поскольку бороться с массовыми административными правонарушениями уголовно-правовыми средствами – занятие бессмысленное и даже вредное. В свое время это очень обстоятельно аргументировали Ю.В. Грачева, А.И. Коробеев и А.И. Чучаев [14, с. 77–78]. Думается, что включение в российский УК норм, спроектированных по образу и подобию УК Республики Казахстан и УК Азербайджанской Республики, при снабжении их четко выверенными санкциями, сконструированными с учетом всех правил пенализации и дифференциации наказания, должно вытеснить из УК эти деликты создания опасности. Соответственно, они переместятся туда, где их действительное место – в сферу административной юрисдикции.

²⁸ Об ошибках в этой части много написано в уголовно-правовой литературе, но, как уже указывалось в первой части статьи, исправить их с использованием зарубежного опыта не получится по причине отсутствия в УК зарубежных стран решений, достойных заимствования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последний, шестой, вывод по результатам сравнительно-правового исследования будет самым главным, в связи с чем он выносится в заключение. Предлагая российскому законодателю выбрать из имеющихся иностранных вариантов лучший, в качестве ориентира указала опыт Республики Казахстан и Азербайджанской Республики. Но сделано это потому, что, скорее всего, законодатель откажется от самого, как видится, оптимального подхода к исправлению выявленных ошибок и самого приемлемого для заимствования – опыта Республики Узбекистан, которая не мечется в поисках новых уголовно-правовых средств борьбы с преступностью в сфере безопасности дорожного движения, модифицируя существующие и изобретая новые уголовно-правовые нормы. Республика Узбекистан – единственная страна, которая не вводит никакие смежные нормы, при этом сохраняет в ст. 266 своего УК норму об ответственности за нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств в «классическом» виде, очень похожем на первоначальную редакцию российской нормы, предусмотренной ст. 264 УК, и норму Модельного УК. Есть, конечно, расхождения по терминологии, по форме вины, по обозначению общественно опасных последствий, по дополнительному наказанию, но это нюансы. Основное же в том, что таким образом Республика Узбекистан демонстрирует, что в борьбе со смертностью и травматизмом на дорогах уголовно-правовые средства – совсем не главный инструмент в арсенале государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пикуров Н.И. Основные тенденции развития законодательства об ответственности за транспортные преступления / Н.И. Пикуров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 4. – С. 87–92. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=148941&ysclid=lmuwq4154b942576829#pv9tbqTRGDtYoMN1> (дата обращения: 13.06.2023).
2. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / А.Х. Саидов; под ред. В.А. Туманова. – Москва: Юрист, 2003. – 448 с.
3. Малиновский А.А. Сравнительное уголовное право: учебник / А.А. Малиновский. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 592 с.

REFERENCES

1. Pikurov N.I. The main trends in the development of legislation on liability for transport crimes. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2023, no. 4, pp. 87–92. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=148941&ysclid=lmuwq4154b942576829#pv9tbqTRGDtYoMN1>.
2. Saidov A.Kh.; Tumanov V.A. (ed.). Comparative law (basic legal systems of our time). Moscow, Yurist Publ., 2003. 448 p.
3. Malinovsky A.A. Comparative criminal law. 2nd ed. Moscow, Yurilitinform Publ., 2016. 592 p.

4. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – Москва : НОРМА, 1996. – 432 с.
5. Тихомиров Ю.А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 3–15.
6. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид; пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. – Москва : Прогресс, 1988. – 496 с.
7. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. Т. I. Основы : пер. с нем / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – Москва : Международные отношения, 2000. – 480 с.
8. Марченко М.Н. Курс сравнительного правоведения / М.Н. Марченко. – Москва : Городец-издат, 2002. – 1068 с.
9. Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права : монография / Г.А. Есаков. – Москва : Элит, 2007. – 152 с.
10. Наумов А.В. О специфике содержания и направленности сравнительно-правового метода науки уголовного права в современных условиях / А.В. Наумов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 30–36.
11. Малиновский А.А. Российская юридическая компаративистика: история и современность / А.А. Малиновский, Е.Н. Трикоз // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 43–72.
12. Сердюк Л.В. Безопасность эксплуатации транспорта, охрана общественного порядка и защита личности / Л.В. Сердюк // Lex Russica. – 2016. – № 11 (120). – С. 126–134.
13. Коробеев А.И. Транспортные преступления: исправление ошибок или движение по кругу? / А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // Уголовное право. – 2019. – № 5. – С. 48–58. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=126019&cacheid=48F9C42F2A11912F54153863A0155DEA#1zFrFqTMhGyxFTu1> (дата обращения: 13.06.2023).
14. Хромов Е.В. Уголовно-правовые последствия оставления места ДТП / Е.В. Хромов // Уголовное право. – 2023. – № 5. – С. 66–80.
15. Грачева Ю.В. Новый вид транспортного преступления как модифицированный вариант хорошо забытого старого / Ю.В. Грачева, А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // Lex Russica. – 2015. – № 4. – С. 71–80.
4. Tikhomirov Yu.A. Course of comparative law. Moscow, NORMA Publ., 1996. 432 p.
5. Tikhomirov Yu.A. Comparative law: development of concepts and social practice. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2006, no. 6, pp. 3–15. (In Russian).
6. David R. Basic legal systems of our time. Moscow, Progress Publ., 1988. 496 p.
7. Zweigert K., Kötz H. Introduction to comparative jurisprudence in the field of private law. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2000. Vol. 1. 480 p.
8. Marchenko M.N. Course of comparative law. Moscow, Gorodets-izdat Publ., 2002. 1068 p.
9. Esakov G.A. Fundamentals of comparative criminal law. Moscow, Elit Publ., 2007. 152 p.
10. Naumov A.V. On the Specifics of the Content and Orientation of the Comparative Legal Method of the Science of Criminal Law in Modern Conditions. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 30–36. (In Russian).
11. Malinovsky A.A., Trikoz E.N. Legal Comparative Studies in Russia: History and Current Situation. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo = Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2021, vol. 14, no. 6, pp. 43–72. (In Russian).
12. Serdyuk L.V. Safe operation of transport, protection of public order and protection of an individual. *Lex Russica*, 2016, no. 11 (120), pp. 126–134. (In Russian).
13. Korobeev A.I., Chuchaev A.I. Transport crimes: correction of mistakes or movement in a circle? *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 5, pp. 48–58. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=126019&cacheid=48F9C42F2A11912F54153863A0155DEA#1zFrFqTMhGyxFTu1>.
14. Khromov E.V. Criminal law consequences of absconding from the site of a road accident. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2023, no. 5, pp. 66–80. (In Russian).
15. Gracheva Y.V., Korobeev A.I., Chuchaev A.I. New type of transportation crime as a modified type of the forgotten old type. *Lex Russica*, 2015, no. 4, pp. 71–80. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кострова Марина Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права, заслуженный юрист Республики Башкортостан.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kostrova Marina Borisovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 27.11.2023. The article was submitted 26.10.2023; approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 27.11.2023.

Научная статья
УДК 341.482
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.17

Original article

РАДЧЕНКО Татьяна Викторовна
Российский технологический университет –
МИРЭА, Москва, Россия;
e-mail: radchenko.tv@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-0450-9459>

RADCHENKO Tatiana Viktorovna
Russian Technological University – MIREA,
Moscow, Russia.

ШЕВЕЛЕВА Ксения Владимировна
Российский технологический университет –
МИРЭА, Москва, Россия;
e-mail: Kseniya_Sheveleva92@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-6783-5569>

SHEVELEVA Ksenia Vladimirovna
Russian Technological University – MIREA,
Moscow, Russia.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ОБЪЕКТЫ, УВЕКОВЕЧИВАЮЩИЕ ПАМЯТЬ ЛИЦ, ПОГИБШИХ ПРИ ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

TOPICAL ISSUES OF DELIMITATION OF ENCROACHMENTS ON OBJECTS OF CULTURAL
HERITAGE AND OBJECTS PERPETUATING THE MEMORY OF PERSONS WHO DIED
IN THE DEFENSE OF THE FATHERLAND

Аннотация. Одной из задач Российской Федерации на современном этапе является обеспечение защиты объектов культурного наследия от преступных посягательств. В статье исследуются проблемы правоприменения, возникающие при квалификации преступного посягательства на объекты культурного наследия – воинские захоронения, памятники, стелы, обелиски, мемориалы и др., увековечивающие память погибших при защите Отечества, либо на объекты, посвященные дням воинской славы России; разграничению посягательств на непосредственно объекты культурного наследия и иные приравненные к ним. Цель – установить точные признаки предмета преступного посягательства, указанного в ст. 243⁴ УК РФ, в его многообразии, выступающего в качестве криминообразующего фактора, а также отграничивающего от смежных предметов – объектов культурного наследия. Подчеркнуто значение установления признаков объективной и субъективной стороны применительно к специфике предмета преступления. В процессе исследования использовались современные методы познания: общенаучные (диалектический, системно-структурный, сравнительно-правовой), частнонаучные (формально-юридический, описательно-аналитический). Предложены способы разграничения исследуемых составов преступлений (ст. 243, 243⁴, 244, 354¹ УК РФ).

Abstract. The urgent task of the Russian Federation is to ensure the protection of objects of cultural heritage from criminal encroachments. The article studies law enforcement problems arising in the qualification of a criminal encroachment on objects of cultural heritage, namely, military burials, monuments, steles, obelisks, memorials and others perpetuating the memory of those who died in the defense of the Fatherland, or on the objects dedicated to the days of military glory of Russia; delimitation of encroachments on objects of cultural heritage and other equivalent objects. The purpose of the article is to establish the exact signs of the subject of criminal encroachment specified in Article 243⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation in its diversity, acting as a crime-forming factor, as well as distinguishing it from related subjects, which are objects of cultural heritage. The importance of establishing the signs of the objective and subjective sides in relation to the specifics of the subject of the crime is emphasized. The research employs modern methods of cognition: general scientific (dialectical, system-structural, comparative legal), specific scientific (formal-legal, descriptive-analytical). The ways are proposed to delimit the studied corpus delicti of crimes (Articles 243, 243⁴, 244, 354¹ of the Criminal Code of the Russian Federation).

Ключевые слова: объект уголовно-правовой охраны, общественная нравственность, объекты культурно-исторического наследия, историческая память народа, состав преступления, криминообразующие признаки, квалификация преступлений

Для цитирования: Радченко Т.В. Актуальные вопросы разграничения посягательств на объекты культурного наследия и объекты, увековечивающие память лиц, погибших при защите Отечества / Т.В. Радченко, К.В. Шевелева. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 151–157.

Keywords: object of criminal law protection, public morality, objects of cultural and historical heritage, historical memory of the people, corpus delicti, crime-forming signs, qualification of crimes

For citation: Radchenko T.V., Sheveleva K.V. Topical issues of delimitation of encroachments on objects of cultural heritage and objects perpetuating the memory of persons who died in the defense of the Fatherland. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 151–157 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.17.

ВВЕДЕНИЕ

Историческая память представляет собой самостоятельный сегмент общественной нравственности как объекта уголовно-правовой охраны, особую морально-правовую категорию, обусловленную значимостью для общего развития гражданского общества и формирования неразрывных духовных связей поколений, что, в свою очередь, является базисом народного историко-культурного кода. Нравственность лежит в основе межличностных и социальных взаимоотношений, формируя нормы и правила не только общественной морали, но и через систему правосознания определяя правовые категории, закрепляемые отраслями права.

Постулат о взаимовлиянии нравственности и права первоначально сформировался в философских концепциях И. Ильина, Н. Бердяева, П. Новгородцева, Л. Петражицкого, Б. Чичерина, Н. Алексеева, заявлявших, что нравственность, справедливость и свобода являются разумным началом права [1]. Исследованию аксиологических, гносеологических и праксиологических моментов единства права и нравственности уделяли внимание Г. Гегель и И. Кант, констатируя неустрашимость нравственных ценностей из юридического мировоззрения и из самой правовой материи, правовой действительности [2, с. 5]. Результатом философского анализа стало позиционирование нравственности как одного из важнейших регуляторов общественных отношений, в рамках которых происходит унификация норм поведения. Более того, сегодня нравственность неотделима от юриспруденции, она гуманизирует правовые нормы.

Уголовное право характеризуется наибольшим репрессивным потенциалом среди всех отраслей права. При этом исследователи говорят о социальной обусловленности уголовного права, о необходимой его способности отражать нравственные устои социума и защищать всеми одобряемые ценности [3]. В противном случае «неминуемо тотальное и глубинное отчуждение закона, а равно и сил, с ним олицетворенных» [4, с. 46]. В этой связи нравственность не только лежит в основе формирования конкретной правовой системы, но и является охраняемым и защищаемым всеми правовыми средствами благом. С позиции уголовно-правовой доктрины понятие «общественная нравственность» многогранно и отражает правила и устои в различных сферах социальной жизни. Одной из таких сфер выступает историческая память народа и государства, их культура, имеющие непреходящее значение для настоящего и будущего страны.

В этой связи защита исторической памяти – приоритетное направление государственной политики на современном этапе. Необходимость усиления охраны данного блага правовыми средствами обусловлена увеличением числа преступных посягательств на историческую память, и особенно на те объекты историко-культурного наследия, которые увековечивают подвиг советских солдат в победе над нацистской Германией. «В широком понимании объекты культурного наследия являются составной частью нравственного воспитания подрастающего поколения, представляя собой источники материальной культуры, свидетельствующие как о развитии государственно-правовых институтов, так и об отношении общества к охраняемым морально-этическим ценностям» [5, с. 47].

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ
ПО ПРИЗНАКАМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Российской Федерации, как правопреемнице СССР, необходимо пресекать малейшие попытки умаления значения событий отечественной истории, в связи с чем в УК РФ с 2020 г. установлена ответственность за ряд деяний, так или иначе посягающих на объекты историко-культурного наследия общества о событиях Великой Отечественной войны (ст. 243⁴ УК РФ).

Анализ применения указанной нормы свидетельствует о том, что правоприменитель при установлении криминообразующих признаков данного деяния с целью точной квалификации зачастую сталкивается с трудностями ввиду наличия в УК РФ нормы, предусматривающей ответственность за уничтожение и повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, вновь выявленных объектов материальной культуры, претендующих на присвоение статуса объектов культурного наследия, природных комплексов, иных объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей (ст. 243). Наличие двух смежных составов, по нашему мнению, требует значительного внимания и глубокого исследования с целью их детального разграничения.

Анализируя объективные признаки исследуемых преступлений, подчеркнем, что законодатель, поместив указанные уголовно-правовые нормы в гл. 25 УК РФ, определил в качестве объектов обоих преступлений общественную нравственность. При этом в ст. 243 УК РФ она подразумевается в аспектах культурной жизни, тогда как ст. 243⁴ УК РФ предусматривает нравственно-моральные правила защиты памяти лиц, лишившихся жизни при охране Родины. Из этого следует, что непосредственные объекты исследуемых преступлений различны. Особо подчеркнем, что целесообразно в отношении ст. 243⁴ УК РФ выделить именно историческую память народов Российской Федерации о защитниках Отечества.

При разграничении анализируемых преступлений по объекту следует провести де-

тализацию в соответствии с факультативным признаком – предметом преступного посягательства. Так, в ст. 243 УК РФ в качестве такого предмета выступают памятники, имеющие историческое и культурное значение, ансамбли и достопримечательные места, обладающие культурной ценностью для общества. В свою очередь, под культурными ценностями понимаются движимые объекты, отличающиеся соответствующей значимостью, которая не ограничивается исключительно культурой, распространяясь также на историю и науку [6, с. 23].

При определении предмета по указанной норме наибольшая значимость принадлежит формальному включению соответствующего предмета в конкретную систему правовых взаимодействий. Для отнесения конкретного объекта к предметам, имеющим исключительную культурную и историческую ценность, требуется специальное правовое решение, на основании которого он закрепляется в особом списке – Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда конкретный следователь не имеет необходимой осведомленности в отношении юридической природы предмета противоправного посягательства, что является причиной неверной квалификации деяния.

Для точной квалификации необходимо определить конкретный предмет и цель его воздвижения. Если будет установлено, что конкретное сооружение, памятник, стела созданы в память о погибших при защите Отечества, то даже если они не включены в Единый реестр, деяние следует квалифицировать в соответствии со ст. 243⁴ УК РФ. При определении предмета исследуемого преступления ключевая роль принадлежит соответствующей исторической ценности, для установления которой проводится специальная экспертиза – историко-культурная [7, с. 23].

В итоге принципиальным отличием предметов исследуемых деяний является сущностная цель их воздвижения [8, с. 83].

Анализ объективной стороны сопоставляемых составов показывает их схожесть, проявляющуюся в действиях посредством уничтожения предмета соответствующего преступного посягательства или его повреждения.

В контексте уголовно-правовой характеристики данного общественно опасного деяния объективная сторона преступления представлена деяниями, связанными с изменением физических свойств объекта:

«– уничтожение – приведение соответствующего материального объекта в полную негодность, в состояние, при котором объект навсегда утрачивает свою ценность и не может использоваться по назначению (разрушение, ликвидация и иные действия);

– повреждение – нанесение вреда, убытка, порчи, т. е. частичное разрушение объекта, удаление составляющих частей, фрагментов, заметное не только специалистам, но и другим лицам, совершенные различными способами, например, путем воздействия водой, краской, огнем и т. д.» [9, с. 57].

В целом понятия «уничтожение» и «повреждение» демонстрируют значительную взаимную схожесть. Единственным критерием их дифференциации является полная недоступность последующего использования объекта в первом случае и временная недоступность, обусловленная необходимостью проведения ремонтных работ, – во втором.

С точки зрения конструкции объективной стороны оба состава формальны. Иными словами, окончанием конкретного преступления выступает момент повреждения или уничтожения конкретного предмета [10, с. 145].

Рассматриваемые составы характеризуются наличием общего субъекта. В качестве такового могут выступать вменяемые лица при достижении ими возраста уголовной ответственности (16 лет). При этом в ситуациях, когда одно из анализируемых преступлений совершено лицом, не достигшим обозначенного возрастного порога, но переступившим границу 14 лет, к нему применяется ответственность, закрепленная иными положениями отечественного уголовного законодательства (в частности, ст. 214 УК РФ, предусматривающей наказание за вандализм) [11, с. 99].

Субъективная сторона обоих преступлений характеризуется виной в форме умысла. Иными словами, субъект преступления понимает совершаемые им поведенческие акты, направленные на уничтожение предмета преступления, предвидит неотъемлемость негативных последствий и выражает желание к их

достижению [7, с. 145]. Однако отметим, что ст. 234 УК РФ предусматривает два вида умысла – и прямой, и косвенный, тогда как деяния, предусмотренные ст. 243⁴ УК РФ, могут быть совершены только с прямым умыслом. Объясняется это спецификой предмета посягательства как криминообразующего признака состава преступления. Законодатель, выделяя в качестве такового исключительно памятники, памятные места захоронений и боевой славы защитников Отечества, придает тем самым им особую значимость и указывает на важность уголовно-правовой охраны. Осознание виновным лицом посягательства именно на такие объекты исторического наследия указывает на конкретную мотивацию и четко сформированную цель – варварски повредить, разрушить или уничтожить такой объект.

Для разграничения норм с точки зрения их субъективных признаков особое значение представляют такие признаки, как мотив и цель совершенного деяния. Видится, что законодатель, устанавливая специальную ответственность за посягательства на предметы, увековечивающие память защитников Отечества, подразумевал, что такие деяния совершаются с целью умаления подвига защитников Отечества, осквернения их памяти. Напротив, посягательства на предметы, указанные в ст. 243 УК РФ, такой целью не характеризуются.

Подобное разграничение особенно важно с позиции точной уголовно-правовой квалификации, когда предметы преступления идентичны с точки зрения общественного восприятия, но исключительны для каждого из рассматриваемых составов (например, религиозное сооружение, созданное для увековечивания памяти павших защитников Родины, внесенное в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации) и в этой связи имеют разное общественное (культурное) назначение: и как объект религиозного культа, и как объект, созданный в честь или посвященный памяти погибших при защите Отечества воинов. В этом случае очевидна конкуренция норм, в связи с чем следует максимально точно установить мотив и цель посягательства, поскольку именно эти признаки являются разграничивающими анализируемые составы.

С точки зрения общественной опасности группа преступлений, относящихся к категории небольшой тяжести, объединяет в своей совокупности умышленные и неосторожные деяния, наивысший предел наказания (в виде лишения свободы) за совершение которых ограничивается тремя годами. Категория средней тяжести объединяет в своей совокупности умышленные деяния, наивысший предел наказания (в виде лишения свободы) за совершение которых ограничивается пятью годами. В указанную категорию входят и неосторожные деяния, наивысший предел наказания (в виде лишения свободы) за совершение которых не превышает 10 лет. Тяжкая категория объединяет в своей совокупности умышленные деяния, наивысший предел наказания (в виде лишения свободы) за совершение которых ограничивается десятью годами, и неосторожные деяния с максимальным размером наказания не более 15 лет лишения свободы.

Исходя из сказанного и в контексте проводимого разграничения очевидно, что состав, установленный ч. 1 ст. 243 УК РФ, относится к первой из описанных нами категорий, тогда как состав ч. 2 ст. 243 УК РФ – к третьей. Состав сопоставляемой ст. 243⁴ УК РФ относится к первой или второй категории. Следовательно, мера наказания в последнем случае более низкая. Стало быть, стремление законодателя при установлении ст. 243⁴ УК РФ не направлено на усиление ответственности и более строгий подход. Такая позиция отвечает идее гуманизма в реализуемой отечественным государством уголовно-правовой политике. Согласно нашим представлениям ориентированность указанного правового положения выражается в охране памяти павших защитников Родины. При этом цель включения данной нормы в УК РФ заключается в способствовании локализованной квалификации конкретных преступных деяний, посягающих на особо значимые для государства и общества объекты. Одновременно рассматриваемое положение обуславливает потенциал защиты интересов отечественного государства и в рамках зарубежного территориального пространства.

Трудности в квалификации исследуемых составов возникают и в случаях, когда преступное деяние выражено не только в формах уничтожения и повреждения, но и в форме

осквернения объектов культурного наследия и объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества. В целом под осквернением понимаются действия, направленные на обезображивание объектов материального мира, нарушающие их эстетический вид. Данное действие выражено в умышленном искажении внешнего вида предмета посягательства путем нанесения непристойных (циничных, аморальных) надписей, рисунков. Кроме того, осквернение может быть осуществлено посредством загрязнения предмета посягательства различными стойкими к смыванию или зловонными средствами.

Так, УК РФ устанавливает ответственность за надругательство над телами умерших либо уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением (ст. 244 УК РФ), и за осквернение символов воинской славы России (ч. 3 ст. 354¹ УК РФ).

С точки зрения ст. 244 УК РФ под местами захоронения, надмогильными сооружениями и кладбищенскими зданиями понимаются не только места, где были совершены погребения граждан, но и места массового захоронения солдат, защищавших Отечество в различные исторические периоды, места погребения воинов. Нередко над такими могилами устанавливаются памятники и мемориалы, увековечивающие память защитников Родины (например, Могила Неизвестного Солдата – мемориальный архитектурный ансамбль, расположенный у Кремлевской стены в Александровском саду). То есть такой объект становится одновременно и местом захоронения, и объектом культурного наследия, увековечивающим память погибших при защите Отечества, и символом воинской славы Российской Федерации. И если в отношении данного объекта совершаются оскверняющие действия, то возникает вопрос: в соответствии с какой статьей наступает ответственность – 243, 243⁴, 244, 354¹ УК РФ?

При включении в УК РФ ст. 243⁴ законодатель внес изменения и в ст. 244 УК РФ, добавив в описание диспозиции уточнение об основаниях привлечения к ответственности лишь в случаях посягательств на объекты, не относящиеся к предмету преступления, пред-

усмотренного ст. 243⁴ УК РФ, тем самым разграничив указанные нормы. Однако помимо указанных составов ч. 3 ст. 354¹ УК РФ также предусматривает ответственность за посягательство на символы воинской славы, имеющие особое значение и квалифицируемые в этой связи как реабилитация нацизма.

С точки зрения сущностного содержания символа отметим, что это элемент материального мира, выраженный в графической, вещественной или звуковой формах. Символ отражает, обобщает, передает смысл события, выражает его внутреннюю закономерность [9, с. 61]. Символами воинской славы государства могут являться знамена, флаги, штандарты, воинские звания, награды, экспонаты и др. К символам воинской славы в соответствии с федеральным законодательством относятся: Знамя Победы, эмблема Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, знамя Вооруженных Сил Российской Федерации (знамена видов Вооруженных Сил), георгиевская лента и др.

Отметим, что памятники, мемориальные комплексы, надмогильные сооружения, стелы в данный перечень не включены, хоть и являются значимыми символами, знаменующими исторические события.

В результате, если осквернение совершено в отношении перечисленных символов воинской славы, посвященных событиям Второй мировой и Великой Отечественной войн, то ответственность наступает в соответствии со ст. 354¹ УК РФ, если в отношении объекта культурного наследия, а равно надмогильного сооружения, увековечивающих память защитников Отечества, – в соответствии со ст. 243⁴ УК РФ, в остальных случаях деяния квалифицируются в соответствии с иными составами преступлений (ст. 243, 244 УК РФ).

Здесь же отметим, что объектом ст. 354¹ УК РФ «Реабилитация нацизма» является мир и безопасность человечества, однако, по нашему мнению, действия, направленные на осквернение символов воинской славы Российской Федерации, ставят под угрозу мирное существование населения планеты и безопасность всего человечества опосредованно. Такие действия в большей мере посягают на общественную нравственность. В этой связи предлагаем рассмотреть возможность перемещения нормы, закрепленной в ч. 3 ст. 354¹ УК РФ, в главу УК РФ, предусматривающую ответственность за преступления против общественной нравственности, ввиду того что основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ч. 3 указанной статьи, не соответствует видовому объекту преступлений гл. 34 УК РФ. Включение данного состава в ст. 243⁴ УК РФ в качестве самостоятельного квалифицирующего обстоятельства позволит избежать противоречивых позиций при квалификации подобных преступных посягательств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Потребность применения одной из анализируемых в рамках настоящего исследования уголовно-правовых норм предопределяется конкретной ситуацией совершения отдельного преступления. Так, изученные составы разграничиваются по признакам объекта в первую очередь и по признакам субъективной стороны. Верное установление указанных признаков является определяющим и способствующим более точно и единообразно правоприменению в соответствии с принципами законности и справедливости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века / А. Валицкий // Вопросы философии. – 1991. – № 8. – С. 25–40.
2. Головащенко Н.В. Мораль и право как нормативно-ценностные регуляторы поведения человека в условиях реформирования российского общества: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Н.В. Головащенко. – Пятигорск, 2006. – 26 с.
3. Анощенко С.В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) / С. В. Анощенко // Lex Russica. – 2016. – № 8 (117). – С. 33–47.

REFERENCES

1. Valitsky A. Morality and law in the theories of Russian liberals of the late XIX – early XX centuries. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 1991, no. 8. – pp. 25–40. (In Russian).
2. Golovashchenko N.V. Morality and law as normative and value regulators of human behavior in the conditions of reforming Russian society: sociological analysis: author's abstract. Cand. Diss. Thesis. Pyatigorsk, 2006. – 26 p.
3. Anoshchenko S.V. The mechanism of legitimation of moral norms (criminal legal aspect). *Lex Russica*, 2016, no. 8 (117), pp. 33–47. (In Russian).

4. Пудовочкин Ю.Е. Уголовный закон: легальная сила и нелегитимное насилие / Ю.Е. Пудовочкин // Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2014. – С. 46–49.

5. Гильманов Э.М. Некоторые вопросы уголовной ответственности за повреждение или уничтожение объектов культурного наследия / Э.М. Гильманов // *Oeconomia et Jus*. – 2019. – № 1. – С. 47–55.

6. Романова А.П. Поколенческий разрыв и историческая память поколения цифровой эпохи / А.П. Романова, М.М. Федорова [Электронный ресурс] // История: электронный научно-образовательный журнал. – 2020. – Т. 11, № 9 (95). – С. 19–25. – URL: <https://history.jes.su/s207987840012223-4-1/> (дата обращения: 16.03.2023).

7. Дубровский Д.А. Новелла уголовного закона: преступление, предусмотренное статьей 243.4 УК РФ / Д.А. Дубровский // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития : сборник статей. – Саратов : Саратовский источник, 2020. – С. 22–27.

8. Мартышева О.М. Проблемы разграничения уничтожения памятников истории и культуры от смежных составов преступлений / О.М. Мартышева // Система ценностей современного общества. – 2016. – № 46. – С. 81–90.

9. Бабуринов В.В. Осквернение, уничтожение или повреждение в некоторых статьях Уголовного кодекса Российской Федерации / В.В. Бабуринов, Н.А. Черемнова [Электронный ресурс] // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – № 1 (51). – С. 55–64. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskvernenie-unichtozhenie-ili-povrezhdenie-v-nekotoryh-statyah-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 13.12.2022).

10. Корепанова А. Уголовно-правовая ответственность за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России / А. Корепанова // *Modern Science*. – 2020. – № 7-1. – С. 144–148.

11. Селиверстов Н.О. Проблемы разграничения статей 243 и 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации / Н.О. Селиверстов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2 (90). – С. 97–102.

4. Pudovochkin Yu.E. Criminal law: legal force and illegitimate violence. In Lopashenko N.A. (ed.). Countering modern crime: problems of theory and practice. Saratov, 2014, pp. 46–49. (In Russian).

5. Gilmanov E. Some issues of criminal liability for damage to or destruction of cultural heritage. *Oeconomia et Jus*, 2019, no. 1, pp. 47–55. (In Russian).

6. Fyodorova M., Romanova A. The generational gap and the historical memory of the digital generation. *Istoriya = History*, 2020, Vol. 11, no. 9 (95), pp. 19–25. Available at: <https://history.jes.su/s207987840012223-4-1/>.

7. Dubrovsky D.A. New criminal law: a crime provided for in Article 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Current problems of criminal and criminal procedural law: current status and development prospects. Collection of articles*. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2020, pp. 22–27. (In Russian).

8. Martysheva O.M. Problems of distinguishing the destruction of historical and cultural monuments from related crimes. *Sistema cennostey sovremennogo obshchestva = The Value System of Modern Society*, 2016, no. 46, pp. 81–90. (In Russian).

9. Baburin V.V., Cheremnova N.A. Desecration, destruction or damage in some articles of the Criminal code of the Russian Federation. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2020, no. 1 (51), pp. 55–64. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskvernenie-unichtozhenie-ili-povrezhdenie-v-nekotoryh-statyah-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoj-federatsii>.

10. Korepanova A. Criminal liability for the destruction or damage of military graves, as well as monuments, steles, obelisks, other memorial structures or objects perpetuating the memory of those killed defending the Fatherland or its interests or dedicated to the days of military glory of Russia. *Modern Science*, 2020, no. 7-1, pp. 144–148. (In Russian).

11. Seliverstov N.O. Problems of distinction of articles 243 and 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2 (90), pp. 97–102. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Радченко Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности»;

Шевелева Ксения Владимировна – старший преподаватель кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности».

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Radchenko Tatiana Viktorovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor, Associate Professor of the Department «Legal Support of National Security»;

Sheveleva Ksenia Vladimirovna – Senior Lecturer of the Department «Legal Support of National Security».

Статья поступила в редакцию 07.10.2023; одобрена после рецензирования 09.11.2023; принята к публикации 09.11.2023. The article was submitted 07.10.2023; approved after reviewing 09.11.2023; accepted for publication 09.11.2023.

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИЙ

CONFERENCE REVIEW

О XII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДНК-РЕГИСТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ON THE XII ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION «THEORY AND PRACTICE OF FUNDAMENTAL AND APPLIED RESEARCH IN THE SPHERE OF FORENSIC ACTIVITIES AND DNA REGISTRATION OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN FEDERATION»

19–20 октября 2023 г. состоялась XII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации». На этот раз традиционно проводимая на базе Института права Уфимского университета науки и технологий конференция прошла в Новосибирске; председателем организационного комитета являлся профессор кафедры криминалистики Института права доктор юридических наук Ф.Г. Аминев. На мероприятии, собравшем в столице Западной Сибири более 150 ученых и практиков из четырех государств и 12 регионов России, обсуждались вопросы теории и практики судебных экспертиз, проблемы информационного, материально-технического обеспечения судебно-экспертной деятельности, способы их решения в рамках действующего правового поля.

Организаторами научного форума выступили: Межрегиональный Общественный экспертный совет (Новосибирск), Институт права Уфимского университета науки и технологий, Союз «Палата судебных экспертов им.

Ю.Г. Корухова» (СУДЭКС) и Общественный совет по экспертной деятельности в Республике Башкортостан при поддержке Министерства науки и инновационной политики Новосибирской области, Арбитражного суда Новосибирской области, Новосибирского областного суда, Новосибирского регионального отделения «Ассоциация юристов России», АО «Новосибирскавтодор», Сибирского института управления – филиала РАНХиГС.

Работу конференции открыл министр науки и инновационной политики Новосибирской области Вадим Витальевич Васильев, отметивший крайнюю ее актуальность с учетом проводимого реформирования судопроизводства.

Участников конференции тепло приветствовали: Азат Булатович Галимханов – проректор по образовательной деятельности Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Россия), Калиолла Кабаевич Сейтенов – первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан), Виталий Александрович Тыняный – временно исполняющий обязанности заместителя

председателя Новосибирского областного суда, Ирина Александровна Лапина – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (Республика Беларусь), Сергей Геннадьевич Зюзин – заместитель председателя Арбитражного суда Новосибирской области, Игорь Александрович Мищенко – заместитель прокурора Новосибирской области, старший советник юстиции, Елена Рафаиловна Россинская – президент Союза «Палата судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова» (СУДЭКС), научный руководитель Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего образования Российской Федерации, академик РАЕН, доктор юридических наук, профессор, Виктор Аркадьевич Юдашкин – председатель Новосибирского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Пленарное заседание, которое проводилось в смешанном формате с использованием видео-конференц-связи, было открыто докладом профессора Е.Р. Россинской «Современные проблемы и тенденции развития технологий судебно-экспертных исследований и экспертных компетенций».

С докладом «По вопросу проведения генетической регистрации в Республике Казахстан» выступил профессор К.К. Сейтенов. С интересом были выслушаны выступления известных ученых и практических работников:

- заведующей кафедрой криминалистики, профессора ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», доктора юридических наук, профессора Людмилы Геннадьевны Шапиро на тему «Современные проблемы формирования и оценки компетентности судебного эксперта»;

- профессора кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктора юридических наук, доцента Оксаны Геннадьевны Дьяконовой на тему «Тернистый путь реформирования судебно-экспертной деятельности, или Предложения к принятию проекта закона»;

- заместителя директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, профессора кафедры «Безо-

пасность в цифровом мире» МГТУ им. Н.Э. Баумана, профессора кафедры земельных ресурсов и оценки почв МГУ им. М.В. Ломоносова, профессора кафедры судебно-экспертной деятельности ФГАОУ ВО РУДН, доктора юридических наук, профессора Георгия Георгиевича Омелянюка на тему «Актуальные проблемы формирования судебной политологической экспертизы»;

- главного научного сотрудника Института биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, профессора кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», доктора биологических наук, профессора Алексея Викторовича Чемериса на тему «Использование микродиплотипов с множественным однонуклеотидным полиморфизмом для всеобщей ДНК-регистрации населения и однозначной ДНК-идентификации личности, включая принцип цифровизации получаемых первичных данных»;

- заведующего кафедрой судебной экспертизы и уголовно-правовых дисциплин ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», доктора юридических наук, доцента Елены Вячеславовны Ивановой на тему «Единая экспертная служба: за и против»;

- доцента кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидата юридических наук Рушана Радиковича Галаяутдинова;

- главного государственного судебного эксперта отдела судебных экономических экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, кандидата юридических наук Марины Михайловны Виноградовой;

- заведующего проектно-учебной лабораторией криминалистики, преподавателя кафедры уголовного права и процесса Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, директора АНО «Центр судебных экспертиз НЭТИС» Владимира Анатольевича Скрипко;

- директора АНО «Негосударственная судебная экспертиза Новосибирской области» Сергея Александровича Замятина и др.

Вызвали неподдельный интерес выступления по видео-конференц-связи других известных ученых: профессора кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, генерал-майора юстиции (в отставке), заслуженного деятеля

науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Бориса Яковлевича Гаврилова; заведующего кафедрой биохимии и биотехнологии Института природы и человека Уфимского университета науки и технологии, доктора биологических наук, кандидата психологических наук, профессора С.А. Башкатова; главного научного сотрудника Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктора юридических наук, профессора В.Н. Хрусталева и др.

Волнующими для всех были минуты выступления по видео-конференц-связи заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики Донбасского государственного университета юстиции Минюста РФ доктора юридических наук, профессора Александра Михайловича Моисеева на тему «Судебная криминологическая экспертиза занятия высшего положения в преступной иерархии: опыт производства». Трансляция велась из Донецка, судя по видеорепродукции на экранах в зале, из затемненного помещения с неустойчивой связью, при этом голос докладчика звучал уверенно.

Еще одной особенностью этой конференции явилось установление видео-конференц-связи с другим научным форумом – «Комплексные экспертные исследования с использованием современных технологий: правовые и методические проблемы», проходившим в это же время в Московском университете МВД России им. В.Я. Кикотя под председательством профессора кафедры оружейоведения и трасологии, заслуженного юри-

ста Российской Федерации, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Надежды Павловны Майлис. В ходе общения состоялся конструктивный обмен мнениями об актуальных проблемах проводимых мероприятий.

Во второй день после окончания секционных заседаний были проведены экскурсии для участников по Новосибирску, Академгородку, Кольцово (Наукоград) и Технопарку Новосибирского государственного университета. В рамках конференции с группой ведущих экспертов и руководителей судебно-экспертных организаций Новосибирской области, имеющих большой опыт и достижения в разработке экспертных методик, проведены занятия по вопросам подготовки научных исследований.

По итогам конференции опубликован сборник материалов и принято решение, которое направлено в Министерство науки и высшего образования РФ, федеральные органы исполнительной власти, научные и судебно-экспертные организации. Участники конференции с удовлетворением отметили, что ее международный характер в немалой степени способствует укреплению сотрудничества судебных экспертов разных стран, имеется необходимость создания содружества судебных экспертов стран – членов СНГ.

Участники конференции, поблагодарив организаторов, высказали единодушное мнение о необходимости проведения конференции «Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации» на регулярной основе по принципу «каждый год – в другом городе».

Председатель оргкомитета конференции, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, заслуженный юрист Республики Башкортостан, академик РАН, доктор юридических наук, профессор **Ф.Г. Аминев**

Chairman of the Conference Organizing Committee, Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Law, Professor **F.G. Aminov**

© Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 4 (74) 2023.
Учредитель Уфимский университет науки и технологий.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 26.12.2023 г. Вышел в свет 29.12.2023 г.
Бумага писчая. Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 18,72. Уч. изд. л. 16,48. Тираж 55. Заказ 309.
Свободная цена.

Отпечатано в полиграфии редакционно-издательского центра
Уфимского университета науки и технологий
450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12